

Сергей Печеркин Джули Айтелено

ВОЛЧЬЯ ДОЛЯ: Серый город

Мир после Конца Света. Человечество снова пробует свои силы в развитии технологий и порабощений себе подобных. Что могут противопоставить им одиночки? На что способны оборотни в таких условиях?

Волчья доля: Серый город

Вместо предисловия

Чёрный ворон тихо проплывал над городом, распластавшийся в долине как огромный серый паук: толстое круглое тельце — исторический центр города и восемь расходящихся в стороны, словно паучьи лапы, спальные районы с предместьями. Этот самый «паук» был сейчас виден чёрной птице полностью, и её глаза тщательно вглядывались в сплетения улиц.

Каждое утро огромные людские толпы на машинах, автобусах, на метро, на велосипедах и просто пешком текли с окраин в центр, а вечером поворачивали вспять. Это здесь называлось рабочими буднями. По выходным, правда, было то же самое, только менялось время: в пятницу вечером на этих реках образовывались запруды, которые прорывались только к утру, и получалось, что в субботу с утра людской поток тёк из центра на окраины, а вечером, поддаваясь новым соблазнам неоновых развлечений, снова заполнял так надоедавший ему в рабочие дни административный центр города.

Если покопаться в этих городских реках человечины, то постороннему взгляду обязательно бросится одна очень важная закономерность: это чрезвычайная однородность людской массы, что невольно начинаешь подозревать, не стал ли ты участником экранизации очередной антиутопии. Действительно, словно в романе Замятина, все поголовно одеты в нечто, очень напоминающее по своему фасону и неброскому серо-коричневому цвету униформу. Только в отличие от фантазии русского писателя население можно различить по половому признаку: особи женского пола вместо брюк носили юбки ниже колен и могли себе позволить длинные волосы. А также можно выделить некую обособленную группу — сторожа. Представители этой группы населения всегда представляли взгляду наблюдателя в одежде, напоминающей скорее гидрокостюм аквалангиста, нежели «униформу» остального населения города, и не имели визуальных различий между мужчинами и женщинами.

Да, сторожа разительно отличались от остальных жителей. Сторожа — это сторожа. Их обязанностями были поддержание общественного порядка в городе, охрана границ города и подавление любой угрозы размеренной жизни всего населения города и каждого в частности. Для выполнения своих задач они могли позволить всё, что могли посчитать необходимым. Они с детства проходили изнурительные тренировки на силу, ловкость и хитрость, и их с младенчества лишали половых признаков. В итоге они становились самыми сильными, ловкими, хитрыми и бесстрастными представителями городских обитателей. Благодаря их умениям и навыкам город мог позволить содержать достаточно ограниченное количество верных служителей правопорядка, даже несмотря на постоянные угрозы извне со стороны диких кочевников и вечно недовольных крестьян: в общем многолюдном потоке людей вы могли столкнуться буквально с парой-тройкой представителей бравой группы народонаселения.

Гораздо чаще вам могут попадаться несколько другие персонажи, также одетые в серое. В отличие от сторожей они носили не военную униформу, а длинные хламиды, которыми так любят художники наряжать пилигримов. При их появлении людская толпа мгновенно расступалась и давала им дорогу, невзирая на любые преграды. С чего бы это, спросите вы. А потому, что это была единственная привилегированная каста городского населения — серые братья, члены Ордена Серого Святого. Их почитали, им кланялись при встрече, их боялись, им старались не перечить. Серые братья несли веру в народ и имели право наказывать за

несоблюдение канонов веры.

Остальное население имело чисто утилитарно-гражданское назначение. Несмотря на однородность внешнего вида, знающий наблюдатель мог с лёгкостью определить род занятия каждого: этому способствовали шевроны на рукавах и нагрудных карманах курток или рубаш. Среди занятий их не было ничего необычного для современного читателя: городские чиновники, учителя, врачи, рабочие, водители и тому подобные полезные городские специальности, — не было только судей, которыми также являлись сторожа.

Вы уже интересуетесь, что это за город такой и что за странное такое устройство? Что ж, давайте по порядку.

Во-первых, это не просто город, это — Город Его Серейшего Святейшества, единственный город на планете, где были наилучшие условия существования людей, какие только могли после быть созданы после вековой Ядерной Зимы, настигшей планету два века назад. Правда, если у вас найдётся время на более детальное погружение в изучение данной планеты, то вы сможете найти ещё как минимум пару другую десятков различных других образований совместного проживания людей, которые о себе заявляют примерно в тех же самых словах.

До катастрофы он носил совершенно другое имя, но сейчас об этом уже никто не помнит: то ли это была столица какого-то государства, то ли просто важный индустриальный или финансовый центр, — сейчас это уже невозможно узнать. Теперь же Город Его Серейшего Святейшества, как и большинство переживших апокалипсис, являлся сам себе столицей, сам себе провинцией — словом, самостоятельным удельным княжеством.

Примерно столетие назад, когда Зима стала отступать, выжившие люди, вылезая из-под земли, из своих укрытий, стекались в более-менее уцелевшие города, которых оказалось не так много. Многие были поражены во время Ядерной Катастрофы, и все так или иначе пострадали в эпоху Зимы, без поддержки людей, подвергаясь нападкам снегов, морозов и ветров. Такие города люди пытались восстановить по мере сил и возможностей, которые стали весьма ограничены: население планеты сократилось в сотни раз, а главное, были утеряны многие технологии и знания.

Так что же это за Город Его Серейшего Святейшества? Какая у него структура? Кто его населяет и кто правит им?

Этот город расположился на одном из материков планеты в западном полушарии примерно посередине между экватором и южным полюсом. Местность, что окружала его, по нашей земной терминологии можно назвать лесостепью, когда леса и степи причудливыми сочетаниями сменяют друг друга. Через сам город протекала довольно полноводная река с бурным течением. Все эти условия позволили людям, что вернулись сюда после многолетней зимы, достаточно быстро освоиться в новых условиях и начать восстановление полуразрушенного города.

В город стекались самые различные индивидуумы. Как это и бывает обычно, кто-то предпочитал вкалывать на заводе, кто-то на стройке, кто-то решил поднимать науку, кто-то решил, что способен всем этим руководить, а кто-то решил этим пользоваться. Сами видите, что поводов для ссор и дразг хватало, как и в любом приличном обществе.

Здесь бытует верование или предание, что все эти дразги смог предотвратить один человек со своими тогда немногочисленными последователями. Первоначально он не вызывал ни уважения, ни тем более поклонения жителей тогдашних развалин города.

Передвигался он исключительно пешком, одетый в серые дряхлые одеяния, и говорил, говорил, говорил о равенстве людей перед законом.

Сначала вокруг него собирались лишь самые обездоленные поселенцы, но со временем всё больше и больше умов покоряли его речи, и года через четыре, когда решили выбрать по древним обычаям мэра и городской совет для решения важных вопросов, он обладал внушительной поддержкой. К тому времени он уже обзавёлся узким кругом самых преданных последователей, которые также, как он, стали носить только серые одеяния. Надо ли говорить, что те выборы стали полным триумфом того, кого впоследствии стали называть Серым Святым.

Первоначально Серый Святой ввёл всеобщее равенство: каждый получал ровно столько, сколько его сосед по рабочему месту, по лестничной клетке, по району, ограничил цены в магазинах. Эти шаги большинство населения города встретило с огромной долей оптимизма. Но, как всегда и бывает, нашлись и недовольные. Ладно бы это были хозяева магазинов и лавочек, которые действительно потеряли возможности бесконтрольно наживаться на простых жителях города. Но к ним примкнуло достаточно внушительное количество остального населения города. Торгаши, рабочие, инженеры, учёные, врачи и другие недовольные саботировали выполнения указов Серого Святого: не снижали, а порой повышали цены в магазинах, выполняли свои обязанности спустя рукава.

Вот тогда и родился корпус сторожей для борьбы с недовольными, а заодно с ним и Орден Серого Святого, чтобы нести слово веры и защищать его. На тот момент это были просто крепкие плечистые ребята с хорошей физической подготовкой. Каждый заподозренный в саботаже имел честь познакомиться с ними. После бесед со сторожами человек или начинал добросовестно выполнять возложенные на него обязанности, или покидал город, или же подвергался длительному тюремному заключению. Оставшиеся таким образом без хозяев магазины и лавочки переходили под управление городского совета. На освободившиеся рабочие места всегда хватало желающих, которые просто потоком текли в город, наслушавшись вестей о Сером Святом и его делах.

Город рос как на дрожжах, а вместе с ним росло и множество проблем. Новые жители — это новые рты, новые конфликты. Как прокормить их, как обуздать их нрав, как защитить от любителей легкой наживы — эти проблемы от Серого Святого и его Совета требовали незамедлительного решения.

Новые руки, прибывающие в город, задействовать было проще простого: для восстановления жилищ срочно требовалась рабочая сила, как на сами стройки, так и на добычу и производства стройматериалов. Также новые людские ресурсы нужны были на охране границ города от набегов кочевников, которые предпочитали грабить осёдлое население и уводить в рабство.

А вот все остальные проблемы требовали больших усилий и, надо отдать должное, они были решены в достаточно сжатые сроки.

Для увеличения количества продовольствия были заключены соглашения с жителями близлежащих деревень, которые обменивали мясо, зерно, овощи на то, что мог предложить город: в основном на различные изделия сохранившихся предприятий города машиностроительной и текстильной отраслей. С этой целью на севере и на юге города, между соседствующими предместьями, были устроены рынки, где происходил данный обмен, а также фермеры продавали за деньги свою продукцию населению.

Проблема же бузотеров, вечно ищущих приключений, лиц криминальных наклонностей

и недовольных властью была самой сложной для решения, но и здесь Серый Святой со своим Советом смогли добиться очевидного успеха с помощью очень простого и изящного решения: из-за постоянной угрозы нашествия кочевников было введено военное положение. Данное положение влекло за собой целый ряд последствий, которые не только укрепляли обороноспособность города, но и сводили практически на нет всякую возможность проявления недовольства.

Первое — введен комендантский час с 22:00 до 06:00. Любое появление на улице без спецразрешения влекло за собой встречу со Сторожами со всеми вытекающими последствиями: от административного ареста на пятнадцать суток до ссылки на рудники.

Второе — рабочий день был увеличен до двенадцати часов, а рабочая неделя стала семидневной, что, несомненно, уменьшало вероятность выплеска агрессии лицами к ней склонными. Кроме того, по окончании рабочей смены на всех предприятиях и во всех организациях города работникам выдавалось сто пятьдесят граммов спирта — так сказать, для снятия напряжения.

Третье — было организовано круглосуточное вещание единственного телевизионного канала, который передавал важные новости вперемешку с патриотическими фильмами и развлекательными передачами.

Четвертое — в школах с первого класса были введены военно-патриотические предметы, такие как начальная военная подготовка, история города, учения Серого Святого.

Пятое — был сокращён весь персонал библиотек. Сами библиотеки закрывать не стали, но поток посетителей резко сократился практически до нуля после такого решения, и туда теперь ходили только важные инженерные и научные сотрудники предприятий для поиска технической информации.

Благодаря полной уравниловке, количество недовольств и преступлений было сокращено практически до нуля. Оставались, конечно, единичные выходки некоторых индивидуумов на почве злоупотребления спиртом, но это были лишь капли в море всеобщего благополучия. С течением времени даже отменили комендантский час и сократили рабочую неделю до пяти дней, но для этого потребовалось еще множество мероприятий, нацеленных на сохранения порядка.

Одним из таких стал перевод корпуса Сторожей на новую программу комплектования и подготовки, начиная с младенчества. В результате набор в корпус проходил уже в первые дни жизни младенцев. В роддомах персонал отбирал самых крепких и здоровых младенцев и передавал в специально учрежденный Центр Становления Сторожей (ЦСС). Родители таких младенцев лишались родительских прав и получали щедрое вознаграждение от городских властей. Мальчики и девочки, попавшие в ЦСС уже в раннем возрасте, подвергались операции по удалению половых признаков и в дальнейшем воспитывались в спартанских условиях с упором на физическую и боевую подготовку.

Другим мероприятием стало создание главенствующего Центра Санитарии и Врачевания (ЦСВ), который ввёл все новейшие разработки в области медицины, курировал все медицинские организации города и сотрудничал с ЦСС в подготовке Сторожей. Одним из результатов его работы стало изобретение и установок по границе спальных кварталов города электромагнитных установок для подавления неконтролируемых эмоций человека, что должно благотворительно сказываться на криминальной обстановки в городской черте.

Вот в таком городе, Городе Его Серейшего Святейшества, и началась наша история.

Ворон кругами спускался, пока не уселся на подоконник ветхого облезлого окна под самой крышей малоприметного здания за Северной Рыночной площадью. Сквозь мутное от старости стекло было тяжело рассмотреть, что творится в полумраке комнатухи, освещённой лишь парой свечей. Но это не было помехой остроглазой птице, которая не только видела происходящее, но и всё слышала. Видела, как молодая женщина встретила своего супруга, слышала их приветствия и разговор, полный разочарования.

Город встретил Ярополка и Даринку невообразимым шумом. Гремело всё: цеха, повозки крестьян, цокали копыта лошадей, звенели бубенцы на входе в таверны. Яркое солнце осветило все минусы города: грязные улицы, грязные лица, развратных дев, драки и вой псов за оградой.

Квартирной хозяйке они представились как Голуба и Вадим. Старая женщина в грязном облезлом чепце и халате, поинтересовавшись лишь, от кого они и зачем им Игнат, даже документов их не спросила. Молча спровадила их на самый верх и выделила маленькую комнатуху, обязав Голубу помогать ей на кухне, чтобы обеспечить оплату. Вадим же теперь искал работу: пока всё заканчивалось крахом. Город не хотел принимать деревенских жителей, и питаться им приходилось обедами с кухни трактира на первом этаже.

— Ну, что? — спросила Голуба, когда Вадим вечером объявился на пороге их комнаты.

— Взяли помогать кузнецу, — ответил мужчина, — подсобным рабочим. Что ж, я на большее не гожусь, что ли?! — воскликнул он, с силой ударив по столу. — Я бы лучше повозкой управлял, чем тратил на металл свое время.

— Зато ты теперь сможешь нас обеспечить, — Голуба обвила его напряжённую спину руками, успокаивая, — я и не ждала другого. Хозяйка сказала, что в одной мастерской нужны швеи. И там обучат всему, а то к станку-то я не приучена.

— Мы достойны лучшей жизни! — всё громыхал Вадим. — Не для того я тебя от лешего спас, чтобы в городе спину гнуть за гроши!

— Тише, милый, — прошептала женщина, целуя его, — всё будет, но не сразу.

— Да когда уже?! — не унимался муж. — Когда? Уже полгода как сидим на обедах!

— Теперь-то уже не будем: у тебя появилась работа, у меня тоже появилась, так что как-нибудь заживём.

— Возможно, — нехотя согласился Вадим и устало опустился на хлипкий стул.

Дождавшись, когда муж заснёт, Голуба осторожно оделась и спустилась вниз на кухню. Сегодня здесь царил переполох: какая-то компания в таверне шумно гуляла и не собиралась расходиться. Две дочери хозяйки, разносившие заказы посетителей, совершенно сбились с ног. Сын стоял за трактирной стойкой, разливая пойло и заодно присматривая за порядком. Сам Игнат, хозяин заведения, занимался готовкой мясных блюд, а его жена заведовала пирогами. Голуба встала на разделку овощей.

Время летело за работой. До какого-то момента Голуба даже не чувствовала усталости, лишь лук разъедал глаза, заставляя постоянно вытирать слёзы. Лишь за полночь она подумала, что засидевшимся посетителям уже пора и честь знать да убираться. Только женщина собралась намекнуть об этом Игнату, как с истеричным визгом на кухню вбежали сразу обе дочери хозяина с взлохмаченными волосами и сдернутыми передниками.

— Там Ваську бьют! — кричали они.

Игнат тут же бросился бежать в зал с огромным ножом для разделки мяса, а за ним и обе женщины. Хозяйка Роза так и не выпустила из своих рук скалку, а Голуба для верности прихватила тяжёлую сковороду.

Когда молодая женщина оказалась в самой таверне, то та оказалась уже пустой, лишь Васька сидел на полу, спиной прислонившись к одному из столов и зажимая руками рану на животе.

— Где эти уроды! — рычал Игнат. — Всех прорежу на отбивные, ублюдки!

— Отец, они уже сбежали, — слабым голосом ответил раненый, — сами ещё и испугались.

Роза и Голуба тут же кинулись колдовать над раной. Зарёванных девиц отправили за водой и тряпками, лишь за тем, чтобы они успокоились и перестали рыдать и причитать над ухом. А хозяин таверны кинулся на улицу.

— Терпи, — Голуба обрабатывала рану, а Васька строил недовольную моську, — ещё немного осталось.

— Спасибо, добрая душа! — поблагодарил свою спасительницу мужчина.

— Пожалуйста, — улыбнулась Голуба.

Раненый больше притворялся, чем испытывал боль. Но это девушку только смешило и отвлекало.

— Что же, сынок, ты с ними не поделил то? — спросила мать.

— Да перебрали они, стали сестёр лапать, юбки им задирать. Вот я и решил их усмирить, — ответил парень.

— Усмирить он, видите ли, решил, — проворчала Роза, но на губах её появилась лёгкая улыбка гордости, — это они тебя усмирили. Думать в следующий раз будешь, прежде чем драться лезть. Встать то хоть можешь, защитничек?

— Конечно же, матушка, — это же пустяк, — сказал парень, пытаясь рывком вскочить на ноги, но скорчившись от боли, всё-таки воспользовался предложенной помощью Голубы и матери.

В это время в таверну вернулся Игнат, а вместе с ним пришли трое сторожей и сразу же принялись за допрос всех присутствующих.

— Кто драку затеял? — спросил самый главный из сторожей.

— Мой сын сестёр хотел защитить, — робко ответила хозяйка таверны.

— Да говорите толком, что произошло! — взвизгнул самый нетерпеливый из сторожей.

— Какие-то парни стали лапать моих сестёр, перебрав с выпивкой, — морщась от боли, сказал Васька, — ну и я решил защитить их честь и ввязался в драку. Сам пострадал, а они сбежали.

— Что ж это творится-то?! — запричитала хозяйка. — Пусть накажут этих иродов!

— Успокойтесь, мамаша! — в разговор грубо вступил третий сторож. — Найдём мы виновников потасовки, и все получают по заслугам.

В окошко уже стали пробиваться первые робкие лучи света, когда сторожа удовлетворились и покинули таверну.

Голуба, изнывая от усталости, поднялась в свою комнату. Осторожно прикрывая дверь, она старалась не потревожить сон мужа, но услышала его вопрос:

— Что так поздно, дорогая?

— Да какая-то кампания всю ночь внизу гуляла, — замученным голосом ответила она, присаживаясь рядом с ним на кровать, — устала, мочи нет.

— Ложись давай, хоть поспи.

— Да куда там! Через полтора часа быть в мастерской.

— Ну хоть полежи и отдохни, а я пока поесть приготовлю.

— Хорошо, милый.

Взмахнув чёрными крыльями, ворон взмыл ввысь прочь от окна и от серого города.

А дед Козьма, Старейшина деревни, наконец оторвал взор от окна, за которым лил серый дождь.

— ... совет требует общего деревенского схода, — донесся до него бойкий голос из-за спины.

— Кто требует?! — удивленный Старейшина обернулся к говорящему.

Перед ним стоял, комкая шапку руками, мужичок из батраков.

— Совет работников, — уже не так бойко ответил тот.

— И что же твой совет работников, милейший, желает на том сходе обсудить? И с какой стати совет работников стал решать: созывать или не созывать общий сход, драгоценный? — удивлению и возмущению Козьмы не было предела. — Что, голос потерял? Отвечай!

— Так... из города посланцы прибыли... с бумажкой от их начальства ведь... — запинаясь, отвечал тот.

— А тебе городской глава тебе начальник, дурень?

— Нет... никак нет... пока...

— Где та бумага, грамотей?

— Вот она... я с ней к вам отправлен был.

— Убирайся! — раздражённо бросил Старейшина, и работник тут же скрылся за дверью.

«Коммуну им подавай, хлеба им надобно», — ворчал себе под нос Козьма, пробегая глазами послание городского совета. Закончив чтение, он скомкал с презрением грамоту и бросил её в печь, где пламя тут же поглотило белый комок. «Обязательно к выполнению! Еще чего удумали, прохиндеи городские!» — раздражённый мужчина вышел под промозглый весенний дождь. Помимо проклятушей грамоты, его сейчас тревожили мысли о внучке.

Через трое суток вся деревня собралась перед его домом. Явились и стар, и млад. Пришли и городские посыльные, что встали вместе с кучкой батраков. Они бросались в глаза своей одинаковой серой одеждой, которую дед Козьма посчитал неудобной ни для мужчин, ни для женщин, уж точно, не в деревне в такой расхаживать. Видя, что те затесались к батракам, он определил прямо напротив них тех, кто нанимал этих самых работничков, да в придачу и дюжину самых крепких молодцов.

Гвалт стоял невообразимый. После того, как один из городских посыльных зачитал послание городской шишки, речь держал работничек, что давеча еле говорить мог. В этот раз излагал он связанно, призывая всех подчиниться требованиям о создании коммуны и подчинению городскому совету: видать, ощутил поддержку соратников, да и перед городскими выслужиться захотелось. Старейшина пока не вмешивался, исподлобья наблюдая за настроением своих односельчан. Как он и ожидал, чем крепче хозяйство держала семья, тем меньше горела желанием подчиниться нахаму, а вот чем беднее, тем

сильнее колебались люди: вроде бы и равное распределение благ обещают, а, вроде, как и последнее отобрать могут.

Выждав ещё немного, Старейшина всё-таки поднялся со своего пня. Селяне тут же угомонились, ожидая его слова, и он заговорил:

— Ну, как вам, земляки, это повеление господское, а? Герасим, может, ты что нам столкуешь? — обратился к самому хозяйственному мужику в деревне. — Как тебе видится сей наказ?

— А что тут толковать-то, не понимаю, — как он и думал, Герасим явно не загорелся этой идеей, — я со своими тут ни себя, ни других не щажу, а возьму, такой весь добренький, и подарю всё добро голытьбе? А, может, им кукиш?

Толпа опять загудела, а пуще всех — сборище работничков за спиной у городских засланцев.

— Ну, может, кто из работников али городских на это что возразит? — а про себя подумал: «Пока можно».

Но те лишь что-то кричали гневное, что невозможно было разобрать за общим гомоном. «Особо разошлись бабы», — с удовольствием отметил Старейшина: «Этим-то точно есть что терять. Ох, как я рад вашему ору в этот раз, бабоньки! Если б знали!»

Его поднятая рука оборвала базарный спор жителей деревни, и те замерли, ожидая его слова.

— Так! Хорош плотки драть! — выждав тишины, он продолжил: — моё решение следующее. Мужики, кто нанимал работников? — те лишь вопросительно взглянули в его сторону. — Рассчитайте своих и спровадьте их. Только чтоб честь по чести, иначе сам три шкуры спущу, меня вы знаете.

— А вы, глашатые серого карлика, отправляйтесь до дому, — обратился он к людям в сером, а толпа осторожно похохотала, — да и объявите ему от имени моего да от всей деревни, чтобы командовал он у себя в спальне, а к нам не лез, — и большинство одобрительно загоготало, — а коль невдомек будет, то милости просим, — толмачи у нас найдутся!

На его слова городские вроде бы дёрнулись в порыве гнева в его сторону, но увидев, как на встречу вышагнула дюжина молодцов, поспешили скрыться за батрачьих спины, а те лишь хлопали глазами. Заметив это, Старейшина лишь брезгливо хмыкнул и удалился в дом.

После этого мог себе вновь погрузиться в думы о Даринке.

И вновь ворон взмыл ввысь.

Они шли по шоссе. Огромная черная река.

Они не могли сказать, что гнало их из города, но как по команде они все покинули свои жилища посреди ночи, оставив все свои пожитки — кто в роскошных особняках с бассейнами на заднем дворе, кто в типовых многоэтажках, а кто и в разваливающих халупах. Все они сейчас представляли собой полноводную реку, текущую в зеленых берегах навстречу луне. Несмотря на множество людей, над шоссе стояла предутренняя тишина.

В авангарде шли пятеро мужчин, растянувшись по всей ширине шоссе. Шли молча, не переговариваясь, озирая раскинувшееся перед ними пространство.

Ночное небо было ясное. Полная луна слабо освещала путь.

И вдруг луна погасла...

— Здравствуй, «Хромая судьба»... Ой, пардон, конечно же «Град обреченный»! — бросил то ли в опустевшее небо один из дозорных, то ли себе под нос.

Он был среднего возраста, такого же среднего сложения — обычный человек обычного города. По-русски говоря — самый обычный человек. Где-то там (а они там) была его семья, где-то в глубине этой реки. Но тем не менее он шел здесь, в авангарде, а они там, в этой человеческой реке.

Из-за огромного леса, что шел справа вдруг поднялись все птицы — такое ощущение, что все птицы, что жили в лесу. Вслед за этим пошли всполохи пламени. Сложно представить тот пожар, что мог родить то зарево, что было выше вековых деревьев, но тем не менее всполохи были видны всем и на их фоне были видны черные птицы, что ныряли в это зарево.

Тревога и страх засели в его сердце... и он уже не был прежним...

Тревога и страх изменили его сознание и тело...

Тревога и страх превратили его в зверя.

Константин буквально подскочил на кровати.

Часы на стене показывали полвторого ночи. Его жена безмятежно спала, натянув одеяло до самого носа. Чтобы сбросить негатив сна, он встал и прошел на кухню. Выудив из недр холодильника бутылку сока, оперся спиной на кухонную дверь и стал жадно поглощать холодный напиток, пока не запротестовал заполнившийся желудок.

Мысли его пугались, приснившийся сон не давал ему покоя, он пугал Константина.

По своей работе в ЦСС, где выращивали и готовили стражей, он знал, что жители не должны видеть сны. Сны расценивались как атавизм, как проявление животной ипостаси человека. Ученные давным-давно доказали их пагубное влияние на человека и его психическое развитие. Те, кто видел сны, считались в городе не вполне здоровыми. Правительство Серого Святого, проявляя заботу о своих гражданах, для подавления снов использовало специальные электромагнитные установки, которые воздействовали на жителей города на территории спальных районов и административного центра. Пусть дом Константина и его семьи и находился в одном из предместий, недалеко от заградительной полосы, за пределами их действия, но эффект от воздействия установок, который он получал, находясь на службе, должен действовать не менее 24 часов. И это его пугало.

Еще его пугал сон своим содержанием. Что за бегство из города? Что за всполохи огня,

так похожие по описаниям древних летописцев и сказителей на ядерный взрыв? Что за превращение в дикого зверя?

Нет, он точно не здоров! Что же делать? Сказаться больным и не идти на работу? Но тогда ему тут же вызовут карету неотложки и закроют в ЦСВ, и тогда, если раскопают его ночной кошмар (а тамошние мозгоправы способны на все), его признают профнепригодным и оставят без работы и без пособия. Нет, не вариант!

Константин вернулся в спальню и решил попробовать снова уснуть. На удивление заснул он, едва коснувшись подушки.

Но ночное происшествие не прошло бесследно — весь следующий день Константин провел как в забытьи.

Проснувшись утром по будильнику вместе с супругой, плохо осознавая происходящее, каким-то образом принял душ, позавтракал в кругу семьи, не разбирая вкуса и запаха пищи, спровадил дочерей в школу и сам оказался в толкучке метро. Лишь оказавшись на работе, он смог выделять какие-то моменты окружающей действительности. Вот сторож проверяет его пропуск и допуск к работе с информацией. Вот он с Крисом поднимается на лифте на свой десятый этаж. Вот информационно-обрабатывающий центр, мигая огнями и скрепя внутренностями, переваривает загруженную информацию и выдает очередной прогноз развития. Все эти обыденные моменты его деятельности хоть как-то поддерживают Константина в состоянии бодрствования.

Ни обеденный перерыв, ни дальнейшие рабочие процессы не смогли исправить положения. То и дело он вновь и вновь возвращался к своему сну. Сам факт его тревожил Константина сильнее, чем его безумное содержание. Ему все казалось, что уже половина ЦСС знает о сновидениях и сейчас его тепленького передадут с рук на руки ЦСВ.

Лишь встреча своих дочерей из школы слегка раскрасила его день живыми красками. Оказавшись в их окружении, Константин сбросил с себя дневное оцепенение и весь вечер посвятил прогулке с ними в близлежащем парке.

Спустя полкило мороженого и семнадцать аттракционов, они вернулись домой к ужину и слегка суровому приему хозяйки домашнего очага. Зоя пожурила их за отлучку без предупреждения, после чего велела безалаберной троице идти умываться и спускаться к ужину.

Удивительно, но после вечера в кругу семьи он забыл свои тревоги и совершенно спокойно, чмокнув на ночь супругу и дочерей уснул. И сновидения не посещали его этой ночью.

Но сам страх никуда не делся, а наоборот обрел свои реальные черты уже на следующее утро.

Когда Константин прибыл на работу в ЦСС, ему не попался на глаза его давний знакомый Крис, которого он обычно встречал еще возле лифта. До обеденного перерыва они с ним так и не встретились, из-за чего Константин решил обратиться к начальнику своего отдела.

— Плохи дела у твоего Криса! — недовольно затянул Давид. — Вляпался по самое не хочу!

— Так что же случилось? Может, помощь какая ему требуется? — осторожно поинтересовался Константин.

— Ты ему точно уже не поможешь! Так что просто забудь о его существовании, а напарника тебе я уже на этой неделе предоставлю.

— Так что с ним? Вы можете сказать?

— Вчера вечером твой Крис перебрал с друзьями спирта, устроил бучу, пьяным голосом орал, что Серый Святой сдох давно! Естественно, его скрутили Сторожа и теперь ему, в лучшем случае, светят рудники! А по мне, так еще до выходных он выпадет парой капель дождя. Так что забудь и не рыпайся! — с этими словами грузный Давид почти бегом удалился в сторону уборной.

Вот так вот! Знаешь человека чуть ли не всю свою жизнь, а он оказывается не тем, за кого ты его принимал! Крис, Крис... Сколько он его знал, Крис всегда был тихоней даже на фоне его самого, не отличавшегося буйным характером. Всегда очень рассудительный и осторожный, взвешивающий каждое слово и каждое предложение, не раз останавливавший Константина от необдуманных действий и поступков. И этот Крис сейчас в камере у Сторожей! Что-то не вязалось в голове у Константина.

За мыслями о судьбе друга он не заметил, как закончился еще один трудовой день. Спихватившись уже в пять минут восьмого вечера, Константин быстренько собрался, спустился вниз и, выбежав через проходную мимо мрачного охранника, направился к дому Криса, ожидая встретить там Марго — девушку, с которой Крис жил уже более пяти лет, но никак не мог собраться узаконить свои отношения, узнать возможные подробности и не нужна ли какая помощь.

Как он и ожидал, после тройного звонка дверь ему открыла Марго — низенькая, слегка полноватая девушка с роскошными карими глазами. Правда, ее глаза были основательно подпорчены застывшими в них слезами.

Марго лишь слегка кивнула Константину, призывая войти в дом. В доме она сразу же повела его на кухню, все также, не проронив ни слова. Проходя по коридору мужчина отметил, что уже давно не бывал здесь — в последнее время Крис постоянно отказывался от дружеских посиделок будь то у него дома, будь то у Константина по самым различным причинам, да и вообще стал более замкнутым, игнорируя все развлечения в кампаниях.

Приведя Константина на кухню, Марго показала жестом ему садится за стол, а сама принялась по-быстрому собирать на стол.

— Извини, стол у меня сегодня небогат... — ее голос дрожал.

— Марго, я все понимаю... Я пришел узнать, что же все-таки произошло и чем могу помочь? — он с трудом подбирал слова.

— Константин, вряд ли ты сможешь помочь... — слезы снова потекли по ее лицу.

— Объясни толком, что происходит! — требовательный возглас на время прервал женскую истерику.

— Его забрали! — прошептала Марго. — Они его забрали! Он не вернется...

В голове у Константина все, наконец, сложилось: слова руководства, слезы Марго и собственное бессилие. Его другу рудники не светят. За оскорбление Его Серейшего Святейшества ждало только одно наказание — Испарение. А это самая худшая смерть, какую только можно представить. От собственной беспомощности он издал глухой стон.

В главном зале городской ратуши, не смотря на заседания Совета Серого Святого, стоял полумрак. Помещение освещало лишь несколько светильников стилизованных под факела.

В центре зала располагалось кресло-трон городского главы, на котором сидел со скучающим видом глубокий старик, явно желавший скорейшего завершения сего действия. За ним полукругом поднимались под потолок трибуны, которые сейчас занимали его

ближайшие соратники, составлявшие совет имени его самого.

Достойнейшее собрание первоначально заслушало еженедельный отчет командующего сторожей, своей внешностью сильно напоминавшего бобра, о ситуации в городе, о ценах в магазинах, о настроениях населения. В нем он бодро сообщал, что дело Его Серейшего Святейшества укоренилось в народных массах, что численность недовольных неуклонно снижается, а подавляющее большинство жителей серого города благодарят Триединого Господа за то, что явил свою благодать в образе Серого Святого.

Старик слушал его невнимательно, от скуки поигрывая одним из многочисленных перстней. Огромный рубиновый камень на нем, поглощая свет эрзац-факелов, переливался цветами, напоминающими всполохи пламени. Но когда командующий перешел к зачитыванию отчетов команд, направленных в близлежащие деревни и села, старик встрепенулся и стал буквально пожирать докладчика взглядом. Тот от такого внезапного повышенного внимания втянул голову в плечи, от чего еще больше стал похож на водного грызуна.

— Любезнейший, — старческий полушепот оборвал говорившего, — ты, видимо, хочешь сказать достойнейшему собранию, что миссия по привлечению деревенского населения в коммуны провалена? — с этими словами старик спустился со своего трона.

— Ни... никак нет, Ваше Серейшее Святейшество! — чуть запинаясь, но все же уверенно ответил командующий корпусом сторожей. — Просто в отдельных поселениях жители не успели еще разобраться во всех благах, что несет Ваше распоряжение, — и склонил голову, выражая почтение седому.

Старик тем временем приближался к нему неспешно. Казалось, что каждый шаг придает ему силы и прибавляет ему росту — когда он поравнялся с напоминающим бобра сторожем, то от его старческой немочи не осталось и следа. Серый Святой стоял и смотрел сверху вниз на своего слугу.

— Дайка это мне, милейший, — взял лист бумаги из рук грызуна, — а как же мне прикажешь понимать некоторые слова селян... Так где они? А вот! «А вы, глашатае серого карлика, отправляйтесь до дому, да и объявите ему от имени моего да от всей деревни, чтобы командовал он у себя в спальни, а к нам не лез, а коль невдомек будет, то милости просим — толмачи у нас найдутся». А еще смех и прибаутки при выдворения твоих полномочных представителей? — и пристально всмотрелся в затравленные глаза охранника.

— Признаю, были некоторые недоработки допущены при исполнении распоряжения Вашего Серого Святейшества, — голос его уже дрожал, выдавая неподдельный страх, — но они будут учтены, исправлены. И могу заверить, что впредь такое не повториться!

— Недоработки говоришь, хм... А вот мне кажется, что это диверсия. Вам не кажется почтенные господа? — бросил он вопрос совету. — Или может ты, любезнейший Безсон, устал и заслуживающий достойного отдыха на пенсии? — вновь посмотрел на главного Сторожа.

— Помилуйте, господин! — и он рухнул на колени. — Если в чем и виноват пред вами, то только в том, что не доглядел, доверился другим. Я вам всегда служил верой и правдой.

— О, да! Ты мне всегда служил верой и правдой, Безсон, — Серый Святой зашел за спину начальнику сторожей, — и заслуживаешь помилования и достойной, спокойной жизни на пенсии. Вечной жизни, — с этими словами он рванул голову жертвы за волосы на себя, а правая рука с внезапно удлинившимися пальцами прошлась по горлу грызуна.

Красный фонтан ударил из разорванной шеи.

— Вечной жизни, Безон, вечной... — он наконец отпустил волосы, и тело повалилось на пол. — Мал! Мал!

— Да, Ваше Серейшее Святейшество, — от стены отделилась фигура в сером и приклонило колено пред городским главой.

— Мал, своим повелением и по решению совета назначаем тебя командующим корпуса сторожей, — тихо произнес Серый Святой, слизывая кровь с длинных когтей.

— Да буду я верен Вашему Серейшему Святейшеству да Господу нашему Триединому, ответила фигура и поцеловала полу рясы.

— Убери эту тушу! — скомандовал Серый Святой и вернулся на свой трон, откуда добавил уже для всех: — Помолимся же, братья, за душу покойного Безсона.

Вадим стал обычным работягой. Серый люд в сером городе. Однажды, когда он задержался после сложного трудового дня в одном из кабаков и высказал громогласно своё пренебрежением о местном пойле, то был незамедлительно выдворен за дверь. На улице он продолжал проявлять неудовольствие. Сторожа схватили его и насильно довели до дома, держа под руки, как преступника, чтобы не сбежал.

— Уроды! — в сердцах воскликнул Вадим, захлопывая со злостью дверь в их с Голубой комнатушку.

— Что такое? — спросила женщина.

— За нарушение порядка завтра с восьми утра я должен два часа потратить на уборку улицы, — помрачнев, ответил мужчина.

— Ты ещё легко отделался, дорогой, — произнесла Голуба.

— Город весь серый, и порядки такие же! — кричал Вадим. — Уравнили всех, как скотин!

— Тише ты, — попросила женщина, — не забывай, что и у стен есть уши. Как бы чего не случилось.

— Да что тут может случиться?! Забьют и забудут, — сказал Вадим. — Где мой ужин?

— Сейчас будет, потерпи, — ласково проговорила Голуба, на скорую руку собирая стол.

— Вечно дома жрать нечего! — пропыхтел Вадим. — Работаем, как проклятые, а хлеб всё также остаётся несбыточной мечтой.

Константин вяло брёл по улице, то и дело сталкиваясь с прохожими. Его глаза абсолютно не разбирали дороги и до сих пор видели сцену суда. Он никак не мог поверить в реальность произошедшего каких-то полчаса назад.

На суд Константин явился, собираясь выступить в защиту друга. Заблаговременно войдя в зал, он занял место поближе для себя и для Марго. Время тянулось невыносимо медленно. В нетерпении Константин постоянно ёрзал на своем месте, выискивая взглядом подругу Криса и знакомых. К его удивлению, Марго пришла только за пять минут до начала, а из общих знакомых никто не появился.

А дальше... А дальше всё было абсурдно до невозможности.

Прокурор обвинил подсудимого в подготовке покушения на Его Серейшее Святейшество. Крис признал вину с улыбкой блаженного.

Прокурор обвинил подсудимого в антиправительственной агитации и призывах к свержению Совета Серого Святого. Крис признал вину, не моргнув и глазом.

Прокурор вызвал свидетеля обвинения, — вышла Марго.

Прокурор задал вопросы: знала ли она о замыслах подсудимого. Марго, с плохо скрываемой улыбкой, сказала, что знала.

Прокурор обвинил её в сокрытии информации о готовящихся преступлениях. Марго признала вину, вознося хвалу Серому Святому.

Судья дал слово адвокату. Адвокат сообщил, что обвиняемые признают свою вину и просят примерного наказания для себя, чтобы «...другим неповадно было».

Не в силах наблюдать эту бредовую картину, Константин вскочил со своего места, но немедленно был усажен обратно невесть откуда взявшимся сторожем.

Судья вынес приговор. Марго за то, что не донесла на Крису, была приговорена к исправительным работам на руднике сроком на пять лет. А Крис... а Крис был обречён. Судья был краток — испарение.

Только после того, как в зале суда прогремело это жуткое слово, на глазах Марго выступили крупные слезы, но она при этом не переставала улыбаться, вознося молитвы во славу Серого Святого и его милосердия.

Видя такую реакцию подруги, Константин даже не попытался как-то её успокоить, а сразу же направился к помещению конвойных, чтобы попытаться в последний раз увидеться с другом.

Крис шёл, склонив голову, понимая, что он на свете больше не жилец. Он переоделся в чёрную робу в пустом холодном помещении под взглядами двух амбалов. После его повели дальше, сковав руки и ноги кандалами.

Когда он вышел вместе с конвоиром, то заметил, что на него смотрят. Обернувшись, Крис увидел глаза друга. Слабо улыбнувшись ему, он пошёл навстречу своей смерти. Говорить с Константином не хотелось — нечего было сказать. Да и незачем.

Так, бредя, не разбирая дороги, Константин оказался недалеко от рыночной площади. Покрутив головой, он увидел таверну и решил зайти и опрокинуть спирта на пару-другую бесплатных талонов, благо, они скопились за полгода.

На его удивление, внутри оказалось достаточно чисто и аккуратно, хотя забегаловки возле рынков всегда считались убежищем грызунов, тараканов и отбросов общества. Даже в центре города многие подобные заведения не могли похвастаться таким светлым и просторным залом. Столы и лавки кое-где хранили следы особо буйных и несдержанных посетителей, но не были заляпаны жиром.

Да и шустрившие между столами девушки и паренёк за стойкой имели вид весьма ухоженный.

Он прошёл в самую глубь зала и выбрал самый уединенный столик в углу. Бойкая девчонка лет пятнадцати сразу же подскочила к нему и приняла заказ на сто граммов спирта и холодную закуску. Правда, её душевная улыбка несколько померкла, когда Константин за спирт рассчитался талоном, но всё же, затребованное уже минуты через три стояло перед ним на столе.

Первые пятьдесят прошли через пищевод и взорвались обжигающим пламенем только в желудке. «Хорошее место, но всё равно разводят, заразы», — мелькнула вялая мысль в совершенно опустошенной сегодняшними событиями голове. Вяло поковыряв вилкой мясную нарезку, Константин заранее подозвал официантку, заказав ещё двести, и стал рассматривать посетителей.

А вот посетители не все были под стать заведению: красные испытые лица, белые некогда воротнички, засаленные халаты интеллигентов, рабочие роботы с каплями жира на них перемешивались с опрятными персонами: но все здесь были равны. И везде неестественно громкий смех. А в помещении запах отчаяния и боли — запах плохого алкоголя.

На фоне этого многообразия индивидуумов взгляд Константина задержался на мужчине, одиноко стоящего возле стойки. Сам он не мог сказать, что же привлекло его внимание, но он несколько минут наблюдал за этим человеком, по виду больше похожим на деревенского, чем на городского жителя. Тот меланхолично поглощал пиво, закусывая жареным луком.

Наконец-то отвлекшись от созерцания, Константин задумался. То ли вид заведения с его посетителями, то ли уже выпитое сделало свое дело, но эта мысль была первой, что пришла после приговора его друзьям: «Если я оказался здесь, то чем я похож на всех этих людей? Что у нас общего?» От такой думы даже невыносимо зачесался нос, а на душе стало совсем тоскливо.

— Я спрашивал, можно ли присоседиться, но ты так и не ответил, — его голос звучал как-то непривычно для уха Константина, — и я решил, что не возражаешь.

Константин не удивился, когда деревенский паренек приземлился на стул напротив него и начал рассказывать о своём житье-бытьё в городе.

— А ты чего пьёшь? — поинтересовался мужчина, когда поток собственных излияний у него прервался.

— Я друга лучшего сегодня потерял, — нехотя ответил Константин.

— Что же с ним сделали-то? Али он чего натворил? — не отставал деревенщина.

— Мой друг неосторожно высказался о нашем градоправителе, и его приговорили к испарению, — выдал Константин на одном дыхании.

— Вот как... — пробормотал в ответ собеседник.

Подозвав официантку, он попросил ещё горячительного. Его же новый знакомый заказал наливку, и теперь пил, не переставая.

— А ты сам то, зачем здесь?

— Так говорил тебе, — произнес знакомый. — Жёнушка моя не считает меня мужиком. И я сам себя им не считаю. Работаю как проклятый, а всё равно живём впроголодь. Да жена моя больше меня денег получает! А мне, как мужику, обидно. Ой, как обидно.

— Не любит, что ли, тебя?

— Почему же не любит? Любит, пуще жизни любит, но я ведь вижу, как мучается.

— А звать тебя как?

— Вадим я, — всё больше распаляясь, говорил мужчина, — а ты не грусти, дружище, будет и на твоей улице праздник. Как кличут тебя?

— Константином. И вот что я тебе скажу, Вадим, — его уже стала разбирать злость, — раз любит тебя, то в лепёшку расшибись, а не шары здесь наливкой заливай!

— Э, как заговорил то! А теперь ты послушай меня, страдалец. Ты хоть знаешь, кем я был там, за этими серыми стенами, в деревне своей? И кем мне приходится здесь горбатиться? Судить-то каждый горазд, а вот понять... — он быстро налил себе очередной стакан и тут же опорожнил его. — Сейчас я всего лишь ученик кузнеца! А там, в лесу, в деревне... — и замолк, уставившись грустными глазами в стол.

— Как ты думаешь, жизнь на вольном воздухе отличается от городской? — продолжил сосед по столу после некоторой паузы.

— Извини, но я ни разу не был за стенами, — Константину уже стало неловко за свою отповедь.

— Рекомендую, очень настоятельно рекомендую. Это тебе не за стеной сидеть — там, понимаешь, настоящая жизнь, а не местная серость.

Константин слушал его поначалу в скептическом настроении, но чем больше его собеседник рассказывал, или же это начинало сказываться количество выпитого, его всё больше и больше захватывала любопытство. А когда же Вадим стал рассказывать о тварях, неведомых для обыкновенного городского жителя, то Константин уже не подвергал сомнению ни единого слова. Волколаки, берендеи, лешие, аспиды... Для Константина уже

не существовало ничего, кроме этих дивных баек собутыльника. И его охватило неподдельное разочарование, когда уже прилично захмелевшего Вадима увела жена.

Константин неуверенной походкой с превеликим трудом добирался до дому. Во-первых, он каким-то образом не мог вспомнить дороги домой, а, во-вторых, совершенно не хотелось показываться на глаза патрулям сторожей. Конечно, удостоверение ЦСС было у него при себе и спасло бы его от спецпокоя ЦСВ, но вот докладной по месту работы... Лучше было не рисковать.

В итоге проплутав по городу и по родному предместью порядка двух часов, он всё-таки добрался до своей постели, едва не перебудив всех домочадцев, и мгновенно уснул.

Зверь мчался, как крался, — тихо, так, что птицы, которые сидели на елях, даже не шелохнулись. Но они не были его целью... Его цель была там, вдали, что скрывалась за белым горизонтом. Его цель была сокрыта сотнями милями белой пустыни, что поглощала все звуки и всё живое. Но сегодня он чувствовал Силу, ту Силу, что способна побороть эту безмолвную пустыню снега и мороза. И он решился на этот опасный побег, побег, который должен был даровать ему жизнь или забрать её...

Сейчас его тело поглощало милю за милей, словно вольный ветер. Сила пела воинственную песню своего превосходства...

А мили летели прочь, словно хлопья снега, сорванные могучим северным ветром. Сила продолжала свой праздник, праздник превосходства над белым безмолвием. Сила взметала тучи белых шмелей всего лишь лёгким движением его хвоста. Но впереди ещё были великие сотни белого безмолвия...

Сила вела его туда, где он должен был обрести либо свою свободу, либо свою гибель. Мили погибали под его лапами с поразительной быстротой. Но первоначальное величество Силы уже стало утекать. Теперь Сила также пела воинственную песню, но если раньше это была песнь ожидания победоносной войны, то сейчас она стала песней замученного сражением воина (воина)...

Спустя пару сотен миль появились первые серьёзные препятствия... Ау, где ты, великая Сила... Предательски сгнув ещё в начале пути, Сила оставила его один на один с белым безмолвием. Кто кого: Зверь или устрашающая всех белая пустыня?

Да, путь по белому безмолвию в одиночестве — весьма страшное испытание. Его успели уже одолеть сомнения в конечном успехе побега. На него уже покушались такие же, как эта пустыня, мертвенно-белые волки. Тучи белых шмелей норовили выжечь глаза. Но у него ещё хватало сил скармливать милю за милей своему могучему телу. С волками даже не пришлось схватиться — они покорились его превосходству. Но шмели... Белые шмели были страшнее. Они не вступали в прямой бой. Они гнались за ним, атаковали по одному и роем, атаковали тогда, когда защититься и ответить не было возможным. Они били, когда на пути вставали самые сложные препятствия.

И вот она, цель... Но как же она далеко... Как же невозможно она далеко... Ведь остались какие-то мгновения до неё... Но где же взять силы на них... Хотя бы сотые доли той Силы, что подвигла его на побег...

Силы не было даже пошевелить усами, а не то, чтобы заставить лапы совершить насилие над мгновениями, как это было в начале пути...

Хмурый и злой Мал сидел рядом с водителем. Вот уже три часа они тряслись по пыльной дороге. Конечно, до строптивой деревеньки они могли доехать и быстрее, но вслед

за тремя грузовиками корпуса сторожей тянулось шесть подвод для продовольствия, которое планировалось получить. Новый начальник уже готов был проклясть кляч, дать команду им самостоятельно преодолевать дальнейший путь, как неожиданно головная машина остановилась. Из нее выскочил старший и подбежал к дверце Мала.

— На дороге завал, господин начальник! — рапортовал он без лишних эмоций.

— Всем передать: машины и подводы не покидать! — новоиспечённый начальник корпуса покинул кабину и огляделся. — Старшина, двоих ко мне! — и, дождавшись двух сторожей, отправился осматривать завал.

Лишь только обогнул головную машину, как заприметил седого бородатого мужика, сидевшего на одном из поваленных стволов так, словно только что собирал неподалеку грибы-ягоды, да решил отдохнуть — от него не исходило никакой угрозы.

— Чего, дед, сидим? Не видел, кто завал учинил?

— А как же, видал. Как не видать, если сам удумал дорогу перегородить, — голос деда был спокойным.

— И зачем тебе понадобилось добрым людям дорогу перегораживать? — Мал насторожённо стал озираться по сторонам.

— Ну, ты скажешь — добрым... Добрые люди такой гурьбой да при оружии не разъезжают по лесу. Знаем мы, куда ты путь держишь со своей ватагой, — усмехнувшись, ответил дед и сплюнул себе под ноги.

— Дед, и кто же мы, по-твоему? — начальника сторожей всё уже начинало нервировать — и обстановка, и дед, и сам этот дурацкий разговор.

— Ясно-понятно, бандиты вы городские, а ты главарь их, только строишь из себя овцу добродушную.

— И с чего так решил? Вроде не встречались...

— Зато засланцев твоих уже встречали, да не приветили, — с этими словами он сделал круговой взмах над головой, и с обеих сторон дороги из лесу вышли посланные вперёд батраки.

Они были связаны меж собой, на лицах и на одежде имелись отчётливые следы побоев.

— Вот они мне и поведали, кто ты и зачем в деревню нашу путь держишь, — дед положил ногу на ногу и сцепил руки на колене.

— Но ничто же тебе не поможет, если я силой завал разберу, — Мал пока сдерживал ярость, с трудом, но сдерживал.

— А ты попробуй, коль силушка есть, только не зарывайся да вокруг оглянись.

Начальник бросил взгляд по сторонам и вслух грязно выругался — из леса со всех сторон летели стрелы. Многие были зажжены, и машины, одну за другой, охватило пламя. Сторожа пытались покинуть ставшие опасными места, но невидимые лучники сражали их. Мал выхватил из кобуры свой пистолет и собрался разделаться со стариком, но того уже и след простыл. А в следующее мгновение острый наконечник стрелы прошел сквозь глазное яблоко, сломал тонкую костяную перегородку и вонзился в мозг.

— Старейшина, а что с этими делать то? — обратился к деду Козьме его зятёк.

Дед лишь бросил мимолетный взгляд на связанных батраков и обронил небрежно:

— Прирежьте скотину.

Голова болела невыносимо. Константин не был уверен, что служило тому причиной: то ли количество и качество выпитого накануне, то ли нереальность вчерашних событий, то ли непонятный ночной сон. Мысли путались и пытались вырваться из-под черепной коробки, безумно барабанила в висках. Рот и горло пересохла и горели.

Он осторожно, стараясь не разбудить супругу, поднялся с постели и на деревянных негнущихся ногах прошёл на кухню. Вода из-под крана показалась ему самым лучшим питьем на свете. Осушив два стакана и наполнив третий, Константин подошёл к окну и был поражён — из трактира он тащился домой по серым пыльным улицам и переулкам, а теперь за окном всё утопало в девственной белизне свежего снега. Солнце ещё не взошло над припорошенными домишками, но там, снаружи, уже было светло, и он полностью раздёрнул шторы.

Но из наслаждения увиденным Константин был безжалостно выдернут очередным приступом головной боли, который вернул его к прежним мыслям.

А думы переплетались самым непредсказуемым образом. Воспоминания об абсурдном судебном процессе менялись рассказами нового знакомого Вадима о лесных причудах, которые тут же вытеснялись заботами о состоянии собственного здоровья, о недопустимости видения сновидений. И Константин был уже готов поклясться, что его головная боль вызвана этим сумбуром в черепе, а не алкогольным отравлением.

Заварив кофе, он уселся за кухонный столик так, чтобы было хорошо видно окно. Ему страстно хотелось разобраться во всём, что творится вокруг него. Крис только высказал в пьяном угаре предположение о скоростижной смерти Серого Святого, и был предан смерти. Суд признал виновной Марго за недоносительство на близкого человека, хотя в фильмах, что крутят по телевизору, говорят, что человек имеет право не свидетельствовать против себя и своих близких. Вадим, странный запойный посетитель таверны, сообщил, что подался в город в поисках лучшей жизни, но не нашёл и ностальгирует по своей деревне, да ещё рассказывает странные истории из прошлой жизни про всяких леших, волколаков, мавок и прочей нечисти. Можно, конечно, принять рассказы за пьяный трёп, но... как-то не возникало такого отношения к его словам ни тогда, за рюмкой, ни сейчас.

Город потихоньку просыпался. Солнце, единственный цвет в этом сером месте, осветило улицы и всю подноготную дворов, выстроенных по одному типу. Константин вздохнул ещё раз, глянул в окошко и вспомнил слова отца, что много ответов мудрые скрыты в книгах. Он поспешно оделся и выскочил из дома на морозный воздух.

Только на улице Константин понял, что так и не поел. В желудке одиноко плескался кофе, а с похмелья так хотелось есть. Пришлось заскочить по пути в продуктовую лавку и прикупить на найденные в кармане пальто медяки пару пирогов и пакет молока. Несмотря на неприглядный вид, пироги источали умопомрачительный аромат, ещё сильнее раздражая неумеренный аппетит.

Библиотека, святилище книг, в ореоле солнечных лучей отливала серебром и казалась сказочной. Говорят, что раньше в библиотеках работали люди, которых называли библиотекарями, но сейчас она была необитаема: работников ещё в пору его детства сократили, а посетителей в столь ранний час ещё не было.

Константин шёл мимо длинных пыльных стеллажей, сплошь заставленных книгами, и

казалось, что вместе с ним шёл и спертый воздух. Тишину нарушали только звуки его шагов и мерное поскрипывание подвешенных к потолку указателей. «География», «Физика», «Астрономия». А он всё шел дальше, раздумывая, в какой рубрике сможет найти ответы на мучающие вопросы. В какой-то момент оказался на распутье: указатели говорили, что «История» направо, «Культурология» налево. Константин в раздумьях почесал нос. «Материалы по истории города, естественно, будут в историческом разделе. Но где найти сведения о тех диковинных вещах, что поведал ему Вадим?» — размышлял мужчина на развилке. Слово «культурология» ему было знакомо лишь смутно: когда-то встретилось при прочтении забытой уже книги: «Что-то о наследии предков вроде бы. А чем же тогда отличается от истории?» Рассмотрение стеллажей справа и слева не помогло определиться, куда свернуть — так они выглядели абсолютно одинаковыми. Поморщившись, он всё-таки свернул в раздел «История».

Набрав порядка десятка заинтересовавших пыльных томов, Константин расположился за ближайшим столиком, предварительно смахнув пыль рукавом пальто. На столик он так же выложил и припасённую по дороге еду и принялся за изучение старых страниц. Первое время, поочерёдно перелистывая страницы и откусывая от пирогов, Константин никак не мог найти нужные сведения и почти отчаялся, но седьмая книга неожиданно открыла перед ним неизвестный мир деревни. Старая книга рисовала ему быт деревенских жителей, их труд и развлечения, их предания и легенды. Самое странное для Константина было то, что слова пропойцы из таверны находили своё подтверждение. А тут ещё попались довольно странные упоминания о Сером Святом. Вроде бы и не противоречили тому, что было известно даже школьнику... Но что-то было не так.

Свирепствовала Морена долгое время. Загнала зима лютая людей под землю.

Выросли целые подземные деревеньки, где каждый человек обустроил свой очаг. В одной из таких деревенок рос и креп Моесил под зорким взглядом отца и матери да тетки.

Однажды, подросши, Моесил захотел сразиться с Мореной. Долго отговаривали Ставры и Лада сыночка от такой затеи. Мать-то уже четвертого ждала и не хотела отпускать его далеко. Но пришлось им смириться. По наущению тети, Аксины, Моесил приготовил ловушку для белой волчицы.

Темной ночью, когда сила зимы была особенно сильна, Моесил оборотился волколаком и айда играть с Мореной. Волчица гонялась за серым волком по степям и полям. Да только не заметила она хорошо расставленные сети. И угодила в ящик.

Так была побеждена Зима. Заключение она в деревянный ящик. А ящичек этот висит высоко в горах, где люди не ходят и птицы не летают.

А Моесил, победив Морену, прославился в народе. Ой и любил его народ. На руках носил да песни посвящал. Вернулись люди в родные дома после восемнадцати лет холода.

Моесил же не захотел возвращаться и решил построить город. К нему присоединились его друзья, и вскоре вместо пустыря появился небольшой посёлок, а затем и город.

Долго ли, коротко ли, но Моесилу не сиделось на месте — стал он свой город развивать. Дома как вымахали, библиотеки как выросли. А самого Моесила потом прозвали Серым Святым, так как избегал он женской ласки.

Какая Морена? Ведь известно, что Вечная Зима была вызвана ядерной войной... Бред какой-то...

В какой-то момент он решил вернуть ненужные книги на полку, а заодно передохнуть. Пока молодой человек пристраивал просмотренные тома на место, в библиотеке вдруг резко

стало шумно. Константин глянул в проход в направлении нарастающих звуков и увидел приближающих сторожей в сером.

— Молодой человек, что вы здесь делаете? — обратился к нему ближайший, не сбавляя шага.

— Я это... книги смотрел, — запнувшись, ответил Константин хранителю городских порядков.

— Просим вас покинуть библиотеку. Библиотека эвакуируется, — без эмоций выдал сторож.

— Как эвакуируется? Куда? — не мог поверить Константин своим ушам.

— Приказ городского совета. Покиньте помещение и не мешайте.

Константин вернулся к столу. Он стал собирать книги, но тут оглянулся. Сторожа скрылись из виду и были чем-то заняты. Дрожащими руками стал пихать книги в пакет, но перестарался и разорвал его. Чертыхнувшись и ещё раз оглядевшись, рассовал две книги по карманам пальто, а еще две заткнул за пояс. Поплотнее закутавшись в пальто и озираясь, словно преступник, Константин выскочил из библиотеки. Ещё четыре квартала он чуть ли не бежал по улицам, оглядываясь как загнанный зверь и ожидая, что его схватят за воровство.

Лишь пройдя ещё квартала четыре, Константин заметил, что солнце уже склоняется к горизонту, и поспешил домой.

Вадим же с утра не находил покоя. Сначала Голуба закатила скандал, называя его пьяницей и бездарем. Он и не пытался отбивать её нападки — он сам уже давно решил, что зря они подались в этот проклятый город, где он не может проявить себя и свои таланты. Вадим лишь молча одевался и согласно кивал головой, пока супруга изливала потоки брани.

— От тебя никакой помощи не дождёшься! Горбатишься тут на двух работах, а тебе хоть бы что! Лишь бы zenки залить! — кричала жена. — А мне ведь нужна поддержка, помощь, в конце концов! Я ведь женщина! И в последнее время стала очень уставать. Я, наверное, беременна.

— С чего ты решила? — флегматично спросил супруг.

— Третьего дня сова прилетала к нам и садилась со стороны заката, — ответила та.

— И что, что сова прилетала? Брось ты эти глупые суеверия!

— С каких пор ты перестал верить в приметы предков, Вадим? — ошарашенно спросила Голуба.

— С тех самых пор, как меня зовут Вадимом, а не Ярополком! И тебе советую забыть о них, как и о своей сущности: ты теперь тоже не Даринка, — и с этими словами он вышел вон.

За семейным скандалом никто из них не заметил чёрную птицу, с любопытством разглядывающую сквозь мутное стекло, что творится в комнате.

Внизу к Вадиму прицепился хозяин таверны.

— Вадим, ты уж постыдился бы каждый вечер за воротник закладывать! Хотя бы ради жены своей — она баба у тебя работающая, — начал было тот.

— Так и живи с ней! — грубо бросил мужчина и вышел на улицу.

На улице он поплотней закутался в свою серую форменную куртку и побрел по пустынному тротуару. Голова нещадного болела, на душе скреблись кошки, чувства вины и беспомощности железным обручем стягивали сердце. Вадим знал лишь два средства избавиться от этого.

К первому сейчас он не сможет прибегнуть, так как алкоголь в городе продавали только с вечера, а вот ко второму он имел в кармане ключи. Несмотря на выходной субботний день, он отправился в кузню, чтобы выветрить остатки опьянения и отвести душу, правя на своё усмотрение податливые куски металла. Он ещё надеялся создать свой шедевр и получить звание мастера, что давало хоть какие-то привилегии, которые могли бы компенсировать нехватку денег.

Из кузницы он вышел уже под вечер весь в поту и копоти, но чрезвычайно довольный собой. Вадиму казалось, что он смог нащупать ту ниточку, которая приведёт к требуемому результату, и, самое большее через пару недель, сможет предъявить цеховой коллегии свой великолепный шедевр. А ещё нечаянный посетитель за срочное изготовление пустяшной детальки в выходной день отвалил в пять раз больше. Оставив хозяину стоимость детали по обычным расценкам и себе десять медяков, в приподнятом настроении он скорым шагом направлялся домой, чтобы тридцать с чистой совестью отдать жене. Сам же он планировал после спуститься в трактир и просадить там честно заработанное. Но смог выполнить лишь часть задуманного.

Когда он открыл дверь в таверну, его тут же встретили четверо в серых костюмах.

— Просим вас пройти с нами

— А по какому... — но договорить он не смог — мощный удар буквально заставил сложиться пополам.

Ему не дали упасть на пол, а подхватили под руки и поволокли на улицу.

— Что за чёрт! — пытался он понять происходящее.

— Не поминай к ночи чёрта, — и новый удар погасил сознание.

Элита в сером городе жила, конечно, лучше, чем обычные граждане. Больше возможностей, больше развлечений — сторожа давно перестали обеспечивать порядок и наслаждались своей безнаказанностью. А кто им скажет поперёк? Серьезно? Желаете пообщаться в более интимной обстановке? Так валите отсюда!

Моряки и сторожа — вот элита города. К их услугам лучшие поставщики фруктов и овощей из деревни, парикмахеры, ткачи и женщины. Про одну из таких и пойдёт речь.

Руслана всегда считала себя непривлекательной. Слишком большой нос, тонкие губы, черные волосы и голубые глаза, но почему-то именно её выбирали самые посредственные служивые. Сейчас она собиралась на «работу» — обслуживать богатеньких дяденек и юнцов из элиты, что хотели научиться техникам обольщения женщин. Да, скажем прямо, одного балбеса, что положил на неё взгляд месяц назад и не привык терпеть отказа своим желаниям.

Под серым платьем ярко-красное бельё с подвязками. На губах — красная помада, чёрные ресницы от намалёванные сажей да румяна свекольного цвета. Все отличительные признаки её профессии прямо-таки на лице.

Сегодня ей предстояло «дождаться» своего моряка из плавания. Встреча будет на глазах многих зрителей — ведь её «любимый» вернулся героем, так сказать, — команда его корабля умудрилась добыть больше всех трески. Предстоит ослепительно улыбаться, терпеть поцелуи и неприличные жесты прохожих. Но это ничего, издержки. Она уже давно привыкла, лишь бы на утро кошелек мог сыто звякнуть горстью золотых.

Нанеся последние штрихи на столь нелюбимое отражение в зеркале, Руслана подхватила свой красный плащ и вышла на шумную улицу. Вскоре поток вынес её на пристань, где под салют и фанфары встречали корабль Его Серейшего Святейшества. Девушка выглядывала «своего». Из-за толпы сложновато приходилось высматривать.

— Привет, красавица, — пробасил морячок рядом с ней. — Не меня ли ждешь?

Руслана неуверенно кивнула, всматриваясь в обветренное лицо этого детины. Он же по-свойски обхватил её за талию и повёл в таверну. Сам же и сделал заказ, за неё в том числе.

Он что-то рассказывал, постоянно отпивая пойло из кружки. Она же не притронулась к выпивке. Она прекрасно знала, что за этим он пригласит её в свою квартиру. Так и случилось.

Морячок, выпив, ласково проводил рукой по её волосам, целовал. Девушка еле сдерживала свою брезгливость, но терпела. Ей нужны деньги. Много денег, которых ей копить да копить, и терпеть не одного такого морячка.

В квартире мужчина перестал церемониться с «игрушкой». Серое платье в одно мгновение оказалось на полу так же, как и его тельняшка. Его поцелуи стали требовательнее.

— Пожалуйста, — прошептала Руслана. Ей впервые было так неприятно и мерзко, — не надо, пожалуйста.

Она сжалась, ожидая неминуемого удара. И вроде он занес руку для него, но что-то остановило его и отрезвило. Он лишь кинул ей её же платье, а сам ушел на кухню. Руслана непослушными руками застегивала наряд. Моряк вернулся со стаканом воды ей и себе.

— И чего испугалась? — спросил морячок.

— Я не боюсь вас, — выговорила Руслана, но голос дрогнул, — мне всего лишь ваши нужны деньги. Но такая жизнь уже осточертела.

— Много надо? — поинтересовался с ухмылкой мужчина.

— Мне столько долго не заработать, — мрачно улыбнулась девушка и продолжила одеваться.

— А зачем тебе столько денег?

— Хочу уехать хоть куда-нибудь.

Морячок аж присвистнул от такого заявления. А потом нежно обнял её, успокаивая зародившуюся истерику.

— Так уж сложилось, что я тоже хочу уехать. И, возможно, могу помочь тебе, — задумчиво проговорил моряк.

— А взамен что? — с надеждой спросила Руслана, понимая, что сейчас он точно попросит её тело.

— А взамен ты станешь моей женой, — заявил мужчина.

Челюсть девушки непроизвольно отвисла до самой ключицы.

— Но это ведь противоречит законам!

— Плевал я на законы, которые не смогли даже спасти мою маленькую девочку! — воскликнул моряк. — Меня, кстати, зовут Владимиром.

— Руслана, — пискнула девушка, не ожидая резкой смены темы. — А какую девочку? — неожиданно для себя задала она вопрос.

— Мою дочку врачи не спасли. А я платил миллионы на лечение болезни, которой у неё не было! А эти суки просто тянули деньги! — выпалил он. Руслана застыла от такой откровенности на месте. Сначала подумала, что ослышалась, но нет — моряк стоял перед ней и вглядывался в её лицо.

— И давно ты так «работаешь»? — наконец перевел он тему.

— С шестнадцати лет, — ответила откровенностью на откровенность девушка, с ужасом вспоминая свой первый раз, который до сих пор рвал её воспоминания.

— Давай, что ли, телеком посмотрим, — предложил мужчина, — раз наслаждение твоим телом мне сегодня не грозит.

— Давай.

Огромный широкий экран занимал большую часть гостиной. Владимир нажал на пульт на стене и появился свет, а затем в телевизоре возникли люди. Шёл очередной выпуск новостей о поиске врага внутри страны, а потом пошел фильм, где знойный красавец спасал брюнетку, чем-то похожую на Руслану. Несмотря на незатейливость сюжета, что-то задело в её душе нечто, и она коснулась его губ легким поцелуем...

Воскресенье был выходным днем, и Голуба по такому случаю была свободна от своей работы в швейной мастерской. Помощь же хозяйке таверны, конечно же, никто не отменял, но до вечера было ещё далеко, а комнатуха была уже прибрана и вылизана. И молодая женщина решила пройтись по городу, чтобы не сидеть в четырех стенах и успокоиться после ссоры с мужем.

Свежий воздух успокаивал разбегающиеся мысли. Она, конечно, хотела ребёнка, как любая другая женщина, но сейчас малыш казался ей наказанием духов за необдуманные поступки. Ярополк с каждым днём... Нет, не Ярополк, а Вадим. Ярополк исчез, как только они появились в городе. Вадим с каждым днём, проведенным в городе, становился всё хуже

и хуже. Замыкался и озлоблялся, а она не могла найти тому объяснений. Вроде бы и сам увёл её у лешего. Но уже каждый вечер он предпочитал ей компанию местных забулдыг, и лишь изредка пытался мять непослушными от пьянства руками, дыша на неё перегаром.

А, может, это она не заметила червоточину в его душе? Реальность в городишке оказалась серой и беспросветной, а розовые мечты о лучшей жизни — воздушным замком.

Сейчас она даже не знала, что она чувствует по поводу вчерашнего ареста Вадима. Вроде бы родной человек, муж, отец будущего ребенка... А вроде без него спокойней, сама по себе, без скандалов, без истерик и... одна, совсем одна в этом сером затхлом городе.

Голуба шла по людной улице, только и успевая, что уворачиваться от прохожих. Её жизнь последнее время была без выбора: захотели — отдали лешему, захотели — умыкнули в город. Она лишь меняла одни оковы на другие. И ведь никто не спросил, чего хочет она. А теперь этот ребенок! И так быстро — не прошло и полугода, а она уже носит под сердцем маленькую жизнь.

Слёзы из глаз полились сами. Голуба вытирала их, но они снова мокрыми дорожками скользили по щекам. Во второй раз в жизни она плакала.

И вдруг её внимание привлек шум: кто-кто бежал, кричали вокруг. А в центре площади стоял волк и смотрел на неё...

И не страх заставил остановиться перед ним, нет. Она почувствовала в этом взгляде оскаленного зверя что-то родное, близкое. Ей почудилось что-то... человеческое в золотисто-карих глазах, хоть смотрел ими на неё огромный серый матёрый волк. Но какие-то совершенно незвериные эмоции пробегали в этих глазах. Голуба чувствовала, что хищник напуган.

Чуть выждав, она осторожно мелкими шажками подошла к взлохмаченной зверюге, и та, лишь тихонько рыкнув, уткнулась женщине в низ живота. Рука сама легла на лобастую башку и тихонько почесала за ухом.

Через мгновение волк поднял голову, и они вновь встретились глазами.

«Идем со мной», — одними губами прошептала Голуба, и зверь потрусил следом, тревожно озираясь по сторонам.

Прохожие расступались перед странной парой, но всё же путь им перегородили трое в серой униформе. Волк лишь прижался к её ногам.

— Гражданка, как вы оказались в городе с волком? — монотонный голос в этот раз даже не вселял в неё обычного страха.

— Серый Святой! Да какой же это волк?! — ни капельки не сомневаясь в себе, начала она. — Это же мой Шарик!

— А почему без поводка и намордник?

— А на кой-ляд ему ваши поводки да намордники? — она совершенно не боялась их, — смотрите, как он сам всех то боится! Да и ласковый он у меня, не злобный вовсе!

— Не положено, гражданочка, так по улице с собакой по улицам ходить, — самый низкорослый из них залез в нагрудный карман. Достал из него какую-то брошюрку, полистал и продолжил: — Вот, в городском уставе говорится, что для...

— Да что ты, милоч! — войдя в роль, Голуба аж руками всплеснула, чем несколько напугала свою «собачку», — я же читать не умею, грамоте не обучена! Откель мне ваш устав знать.

— Ладно, гражданка, в этот раз выносим вам устное предупреждение, но в следующий раз уже будет штраф, — и он взял «под козырек».

— Ой, спасибо, милоч, ой, спасибо, — всё кричала она в след удаляющейся тройке сторожей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Константин спешил домой. В субботний вечер город был гораздо оживленней, чем с утра. Он постоянно сталкивался с прохожими и затравленно озирался. Ему чудилось, что все уже знают о его краже и лишь выжидают нужного момента, чтобы наброситься на него. От этого не спасала даже попытка скрыться от чужих глаз в проходных дворах — и там почему-то было оживленней обычного, и там его настигали эти хмурые подозрительные взгляды. Константин то переходил на быстрый шаг, граничащий с бегом, стараясь поскорее скрыться с чужих глаз, то снова пытался шагать размеренно как почтенный горожанин, чтобы не привлекать чужого внимания.

Но тревога не покидала его, и, рассудив, что лучше скорее оказаться под крышей родного дома, пошёл по главным улицам, и на одной из них его внимание привлёк старичок, орущий на всю улицу: «Покупай правду о Сером Святом! Правда о защитнике нашего города! Недорого!».

Старичок стоял в замызганном грязном пальтишке с драным воротником. На левой руке, согнутой, лежали аляпистые журналы, а одним экземпляром он размахивал вытянутой вверх правой рукой. Прохожие обходили зазывалу стороной, но Константин решил испытать судьбу и собирался уже подойти к старику, хотя бы посмотреть, о чем речь. Он уже практически поравнялся с уличным торговцем, когда тот, испуганно обернувшись, дал дёру, разбрасывая свой товар. Вслед за ним, гремя по булыжной мостовой коваными сапогами, уже мчались пятеро сторожей.

Пока прохожие в страхе расступались перед бегущими, а после нервно перешёптывались, Константин украдкой поднял один журнал и тут же сунул его за пазуху, удостоверившись, что никому до него и дела то нет.

«Что-то часто сегодня я наталкиваюсь на истории нашего городского благодетеля», — проскочила тревожная мысль.

Когда же он всё-таки очутился дома, то лишь бегло поздоровался с домочадцами и стрелой влетел в свой кабинет, где только и сбросил обувь и уличную одежду. Книги он бережно положил на стол, и замер в предвкушении над ними.

Легенда, которая имеется в городской библиотеке, — ложь. У Серого Святого была женщина — это нам известно из достоверных источников.

Моесил вступил в связь с деревенской девушкой по имени Ружица. Мы нашли эту девушку и получили такой комментарий: «У нас родился сын. Но Моесил захотел славы и бросил меня одну с ребенком. Потом его стали называть Серым Святым, однако святым он не был. Он был обычным мужчиной — работягой, который променял семью на подвиги во имя благой цели».

Константин не знал, сколько уже прошло времени с тех пор, как он закрылся в кабинете. Книги полностью поглотили его внимание, а наличие чайника позволяло перебить всяческие поползновения желудка прервать процесс чтения. С остервенением он листал пожелтевшие страницы то одного, то другого тома, перекидывался на третий, хватал четвертый, возвращался к первому... Он, как ребенок, задыхался от восторга, читая старые легенды, и, как зануда, не мог поверить в их реальность.

Ему все-таки пришлось спуститься на кухню, когда вода в чайнике закончилась.

Дом стоял каким-то покинутым, тихим. Детей не было ни слышно, ни видно.

А вот жена сидела на кухне.

— Ну, здравствуй, что ли, — тон не предвещал ничего хорошего. — Я так понимаю, что видеться мы будем еще реже...

— Не начинай, — лениво ответил Константин, набирая воду.

— Что не начинать? Что тебя дома и так на неделе не бывает, а ты ещё и на выходных решил от семьи закрываться? Ни слова не сказав, и даже на стук не открывая! — он знал уже продолжение — сейчас, с каждым сказанным словом, голос её будет повышаться пока не перейдет на ультразвук. Выход был только один — бежать, и он быстро скрылся вновь в кабинете, оставив её сотрясать воздух в одиночестве.

«Надо же, я не слышал, как стучались!» — про себя удивился и вновь сел за стол к своим книгам.

Картинки и описание неведомых существ поражали воображение.

Разыгравшееся воображение сыграло с ним злую шутку.

Шерсть вздыбилась от ветра. Людей вокруг стало слишком много. Слева — наступали сторожа, слева — убегающие пятки прохожих. Сегодня он почему-то вышел в город, ожидая кого-то или чего-то.

Взгляд выхватил среди суеты и бесполезных криков фигурку женщины. Они встретились глазами, и он понял: ему помогут.

Покорно следуя за дамой, которая каким-то непостижимым образом умудрилась доказать сторожам, что это её волк. Домашнее животное. Помогает в хозяйстве.

Очнулся Константин в незнакомой квартире. Напротив сидела та самая женщина из его сна. И, кажется, они уже где-то виделись.

Серый Святой мерил широкими шагами свой огромный кабинет, который освещался лишь парой настенных светильников да настольной лампой.

В дверь осторожно постучали, и она неспешно отворилась.

— Разрешите, Ваше Серое Святейшество, — и в кабинет вплыла фигура адъютанта. — Мал на связь не выходит.

— Вы посылали за ним? — недовольно спросил хозяин кабинета.

— Так точно! Отряд полностью перебит, машины сожжены, — чеканил ответ вошедший. — Не могу точно знать, но, похоже, это засада деревенских или кочевников.

— Так кочевников или деревенских?! — он не переносил неопределенности. — Если это деревенские, то почему не наказаны до сих пор?!

— Выясняем, господин, — его адъютант если боялся гнева, то не показывал вида. — Ведь будь то рук кочевых племен, как мы будем выглядеть в глазах остальных сельских? Не восстанут ли они?

— Мне плевать! Кто бы то ни был — виновные должны понести наказание!

— Главный виновный и так наказан — он мёртв. Мы установили, что Мал нарушил инструкции и был слишком беспечен, что привело к гибели отряда.

— Вот как... Кто сейчас вместо него?

— До вашего высокого распоряжения исполняет обязанности Богуслав.

— Хорошо, — Серый Святой смог слегка обуздать свой гнев, — передай ему, что, если выполнит мою волю, то станет полноценным командиром. А ты приглядывай за ним, — и вроде бы уже махнул рукой, отпуская своего помощника, но вдруг задумчиво продолжил: — Ахмыл, головой отвечаешь. Чтобы через две недели все деревни были приведены к покорности, иначе зимой я буду питаться тушёнкой из твоей семьи. У меня всё, ступай.

Как только дверь бесшумно затворилась за уходящим, Серый Святой тяжело опустился в кресло перед камином. Боже, как он устал... Устал от бесконечных проблем, интриг... обыденности. Душа просит чего-то нового, небывалого. Где только такое бы еще взять... Старческие глаза слипались от усталости...

Всё детство прошло в каких-то мрачных подземельях, где всегда было полно народу. Мать говорила, что все прячутся от злой Мары-Морены, наславшей на все земли стужу лютую. Откуда та взялась и почему так свирепствовала, маленький Моесил не знал да и не хотел. Тогда он любил с другими ребятами носиться по катакомбам и играть с ними то в войнушку, то в путешествия.

Особо врезался в память случай, когда ему было лет пять или шесть, они втроем, с лучшим приятелем Атаманом и с подружкой сорви-головой Ружицей, сбежали с уроков и помчались в самый дальний конец подземелий. Накануне Ружица говорила, что видела там таинственные зелёные огоньки, которые двигались в темноте каким-то странным образом.

Когда же они примчались туда, за полдня так и не нашли ни огоньков, ни чего-нибудь примечательного, но были в полном восторге от своих приключений. Они уже собирались возвращаться, когда одна из стен обрушилась, и крупные обломки, опрокинув Ружицу навзничь, придавили ей обе ноги.

Парни сперва замерли в испуге. Моесил уже не помнил за давностью лет, чего они больше боялись: то ли потерять подругу, то ли жестоких родительских наказаний. Но когда

первое оцепенение сошло, они попробовали своими хилыми руками откопать Ружицу. Их попытки пропадали в бессмысленном сражении с глыбами: куда уж детские руки против глины и камней.

Моесил тогда отправил Атамана за помощью взрослых, а сам остался с подругой. Он сидел с ней рядом, положив её голову себе на колени, а руками отбрасывая какие мог куски грунта из завала. Сидел и рассказывал ей всякую ерунду. Почему-то ему казалось, что если он замолчит, то Ружица не сможет выжить. И как только очередная байка или история начинали подходить к концу, он со страхом начинал искать в своей памяти следующую, боясь, что не вспомнит и, тем самым, не сможет спасти подругу. А она лежала, слушала его и безмятежно, как-то совсем не по детски, улыбалась, стараясь смотреть ему в глаза.

Потом, когда помощь подоспела и их вернули в жилую часть катакомб, все получили заслуженное наказание. Конечно, им с Атаманом досталось поболее — они ещё с неделю на уроках не могли сидеть.

Но тот день он запомнил навсегда. И не только из-за взгляда Ружицы на него... Когда отец уже отложил свой кушак, Моесил услышал следующие слова: «Ты поступил как настоящий мужчина. Не оставил в беде того, кто попал в неё из-за тебя, и не побоялся ответственности. Это и есть настоящая мужская смелость».

Толпа ревела ещё задолго до начала главного действия.

Яблоку не было места упасть в огромном церемониальном зале городской Ратуши. Люди самых разных возрастов набились в помещение, которое вдруг стало тесной комнатухой в ожидании зрелища. Бойкие лоточники умудрялись вести торговлю там, где простой человек не мог даже пошевелить руками. Серые братья и сторожа живой цепью растянулись вдоль стен, прощупывая колючими взглядами это людское озеро. Вот из толпы выхватили двоих карманников, но сколько их ещё шныряло в толпе — можно было лишь гадать.

На разогрев народные массы развлекали боксёры, лупившие друг друга за звания абсолютного чемпиона и премии в тридцать золотых. Их потуги и кровь распыляли задор законопослушных граждан. Когда же два поединка закончились тяжелейшими травмами и незадачливых спортсменов вынесли на носилках бригады ЦСС, толпа уже требовала главного блюда сегодняшнего вечера.

Боксерский ринг ушёл вниз, а на его место из-под потолка опустилась решётчатая платформа с намертво закрепленным стулом, в своей монументальности смахивающего на трон.

А диктор уже зачитывал приговор осужденного. Он трижды выкрикивал фразу: «Винный приговаривается к...», — и толпа радостно заканчивала за него: «К смерти». Когда же из боковой двери вывели преступника, одетого в клоунский костюм, над людскими волнами взметнулись руки, и под сводами Ратуши разнеслось: «Прес-туп-ник! Прес-туп-ник! Прес-туп-ник!». В него тут же полетели помидоры и яйца, которые были тут же куплены у находчивых торговцев.

Крис не боялся. Отнюдь. Для него процедура прощания с жизнью не представляла ничего особенного. Он видел десятки и сотни таких. А теперь сам оказался в этой «мясорубке». Он слышал выкрики толпы — сам когда-то также требовал жертвы и бросал в проходившие мимо фигуры, наряженные в клоунские костюмы, тухлые яйца.

Его улыбка сейчас походила на звериный оскал, ведь он упорно скрывал свой животный страх перед смертью. Ещё в камере палач натер его тело маслом, запах которого просто выворачивал наизнанку. Его привязали к стулу. Священник, не смотря на него, зачитал молитву, а судебный пристав — приговор. И затем они отошли на безопасное расстояние, чтобы наблюдать за процедурой.

Крис вспомнил свои самые лучшие моменты.

Раз, из-под пола вырвались языки огня, начиная ласкать оголенную кожу ступней. Два, и огонь стал яростней и теперь не ласкал, а жёг. Три, и жар стал невыносимым, тело запылало. Четыре, и тело нагревалось, одежда горела, прилипая к лопающейся коже. Пять, и его сущность начала распадаться на миллионы осколков. Но он не кричал. Нет. Криков они не слышат. Никогда. Шесть, и кожа обуглилась вместе с мышцами, отслаиваясь от костей. Он перестал чувствовать что-либо, кроме всепожирающего огня. Семь, и он уже пепел.

Серый Святой устало выбирался из своей ложи. Ему уже порядком наскучили массовые мероприятия, на которых он должен присутствовать. Ему осточертели заискивающие взгляды обслуги. Его раздражала звериная ненасытность толпы. Но что делать, если время от времени ему необходимо являть свой лик подданным.

«Если бы они знали, кто правит ими, то возносили бы свои молитвы во здравие, или летели бы только проклятия в спину. Хотя, о чем это я?! В любом случае возносят молитвы на глазах, а в спину желают мне лишь мучительной смерти. Животные. Что с них взять».

— Эй, писарь! — он поманил молодого слугу пальцем. — Запиши и передай в канцелярию. Так, в честь Дня города Совет Серого Святого устанавливает новую норму выдачи следующих продуктов...

Когда закончил диктовать новое распоряжение об увеличении норм выдачи продуктов по бесплатным талонам, в том числе и спирта, отпустил писаря и приказал начальнику доставить в опочивальню двух дев.

— Очнулись? — спросила женщина. Константин несколько раз моргнул — квартира была все такой же — чужой, непонятной, серой: — Вы у меня дома.

— Но как я здесь оказался? — удивился Константин.

— Хороший вопрос. Вы превратились в волка, не сдержав своих устремлений, и вышли на улицу. Вас могли поймать, — упрекнула женщина, — и мне пришлось вас спасти от сторожей.

Константин внимательней пригляделся к женщине. Выцветший платок скрывает короткие спутанные волосы цвета солнца. Когда-то чистый передник на платье весь в разнообразных нитках. Похоже, она принадлежит к швеям этого города.

— Спасибо! — выдавил из себя Константин одними пересохшими губами. — Нет ли у вас воды?

Женщина принесла ему попить. Константин жадно выпил несколько глотков прохладной жидкости. Сон оказался реальностью. Он может превращаться в волка! Как же так?! И что он скажет жене? Да что там жене! Как с этим жить?! Надо же, последний клерк и, вдруг, оборотень!

— Не волнуйтесь, я никому не расскажу о том, что вы — волколак, — успокоила его женщина, — меня, кстати, зовут Голуба. Я жена Вадима. Вы, наверное, меня забыли уже.

— Нет! — воскликнул Константин. Слишком поспешно. Такую он бы ни за что не

забыл. В тот вечер она тихо подошла к ним с Вадимом и спокойно, полусшепотом произнесла: «Милый, пойдем уже». Его собеседник от этого втянул голову, как от неожиданного раската грома.

— А где же сам Вадим? — неожиданно вспомнил Константин.

Женщина потупила взгляд и только спустя долгую секунду молвила:

— Арестовали его на следующий день, — в голосе не было ни упрёка, ни обвинений, но он почувствовал себя виновным.

— За что?

— Не знаю. Сегодня в тюрьму не пускают, и мне никто ничего не сказал.

«Из-за нашего пьяного трёпа», — решил за неё Константин, а вслух лишь произнес:

— Голуба, чем я вам помочь могу?

— Помочь... — она усмехнулась, как показалось мужчине, с некой укоризной, — это вам помощь требуется, а не мне. Это вы сейчас в беде, раз вы про свое проклятие и не знали.

До Константина всё никак не доходил смысл её слов.

— Пока вы не научитесь владеть собой, пока не будете контролировать свои перевоплощения, вам опасно бывать в людных местах.

— Да это бред какой-то! Перевоплощения, проклятия... — поток возмущения прекратился внезапно — напротив него стоял полуволок-получеловек.

Константин резко отшатнулся и завалился на спину. Чудовище подошло ближе и склонило над ним волчью морду, протягивая ему вполне человеческую руку.

— Бред, говоришь? — странно было слышать человеческую речь от такого монстра. — И мой облик сейчас вам кажется бредом?

Константин с трудом поднялся на ноги.

— И вы? — сейчас его голос больше соответствовал визгу испуганного ребенка.

— Да, и я, — отвечала ему уже женщина.

— Как это контролировать? — спросил Константин.

— Думаю, вам сначала стоит отдохнуть. Да и я вас напугала, — молвила Голуба.

Константин нехотя улегся обратно на постель. Голова шла кругом. Если и она тоже, то как Голуба так долго смогла скрывать это? А знал ли об этом Вадим? Вопросы ходили по кругу и постоянно возвращались к женщине, как бы он ни старался переключиться на что-нибудь другое.

Вода каплями стекала с потолка. Булькающий звук преследовал разум все время, не давая забыть о нынешнем положении дел Вадима. А они, эти самые дела, были явно не в порядке.

Его память сохранила последним воспоминанием только тот удар, что оставил его без сознания болтаться в лапах сторожей, выволакивающих его тела из таверны. С тех самых пор он не видел ни белого света, не слышал ни единого звука, отличного от булькающего сигнала падения воды на каменный пол. Он даже не мог представить, где находится его камера. Да и сколько здесь находится, Вадим определял лишь появлениями грязного ржавого подноса с миской дурнопахнущей смеси того, что когда-то носило звание «еда», и мятой кружкой протухшей воды. С того момента, как он очнулся на холодном и сыром полу каменного мешка, прошло пятнадцать «подносов», нет, вот шестой уже шестнадцатая «еды» порция выскальзывает из-под двери камеры. Вряд ли, его кормили чаще, чем раз в сутки. Стало быть, он уже третью неделю сидит здесь без всякого человеческого общения.

Как ни пытался он заговорить с охранниками или теми, кто просовывает, так сказать, поддерживающие силы смеси, в ответ не услышал ни одного ответного звука. После того, как затихал звук появления еды, он вновь и вновь оказывался один на один с голосом капли, который не давал ему забыться даже во сне — звук был столь монотонным и раздражающим, что Вадим лишь мог только дремать, скользя по грани сна, но не преодолевая её, а слушая и слушая бесконечные столкновения воды и камня.

Из-за отсутствия какой-либо связи с окружающим миром, какого-либо поступления новой информации, бывший ученик кузнеца всё больше предавался воспоминаниям.

Ярополк всю жизнь жил, будто по чьей-то указке. Мать говорила приносить жертву духам — он делал. Стоило ему полюбиться Даринке, как мать тут же увезла его в другую деревню. Плевать на то, что сын страдал и постоянно вспоминал Даринку.

Эта девочка запала в его душу... Он грезил о ней пока рос... И пока матери не понравилась Светлана. Тогда ему приказали гулять со Светкой, завоёвывать её сердце. В итоге всё дошло до свадьбы с девушкой, которую он не то что не любил — ненавидел за доверчивость и наивность.

Мать не выиграла в тот раз. Светлана умерла, а он сбежал. Только здесь, в городе, Ярополк почувствовал всю прелесть свободы. Почувствовал свободу, назвавшись Вадимом.

Пока Даринка, прозванная им самим Голубой, работала, он пару раз наведился к шлюхам — захотелось попробовать другого женского тела и нового уровня плотских развлечений. Пусть и было в этом больше грязи: грязный барак, серые вонючие простыни и немые тела жриц любви, — что-то всё равно его привлекало в этом пороке.

Конечно, и его семейное гнездышко мало чем походило на образец чистоты, но бордель, возможно, и манил своей низменностью. Да, в деревнях он бывал с местными блудницами, вкушал их тела в сараях и хлевах, но нечистота дома терпимости была не в конкуренции.

С другой стороны, Ярополк-Вадим жалел супругу. Он сам пошёл на то, чтобы умыкнуть её у лучшего — никто не заставлял его. Просто он не мог видеть страдание Даринки, её душевные терзания. Если бы пришлось сразиться с Егорием, он, пожалуй, без сомнения бы принял неравный бой.

Лешие, оборотни, гаевки... Пфу ты! Одна сплошная нечисть!

Он сам сейчас не понимал, не мог уразуметь, когда ему стало противно от этих существ, которых городские считали лишь порождением больной фантазии. Ведь его когда-то любимая Даринка сама являлась волколаком. Разум как-то выносил её за скобки, не сравнивал её с прочими бесами леса.

Да и сам в прошлой жизни, когда-то давным-давно, был шаманом, общался с духами... с нечистью, с бесами. Что же сейчас изменилось?

Возможно, все опостылело? Плохие воспоминания? Новая жизнь? Да кто знает?! Пусть все катится к черту!

За невесёлыми размышлениями Вадим и не заметил, как всё-таки провалился в сон.

Ярополку казалось, что тело покрывалось чешуей. Дыхание вдруг стало горячим... лёгкие горели от жара. Ноги превратились в громадные лапы. Руки стали крыльями. Откуда-то появился длинный хвост.

Тело значительно и очень быстро разрасталось. Кости ломались и срастались заново. Мускулы жгло колючее пламя. Камера стала мала, словно в клетку для кролика посадили аллигатора — через пару мгновений не стало возможности хоть как-то пошевелиться.

Почувствовав мощь своего нового тела, Ярополк попытался откашляться. От сотрясения грудной клетки зашатались стены темницы. Вместо кашля получилась огненная струя, опалившая стены серой темницы. Он стал драконом. Он чувствовал такую невыносимую ненависть к своим тюремщикам, что ещё раз дохнул пламенем. Решетка расплавилась, давая свободу...

Пробуждение вышло резким и весьма недобрым: из сна Вадима вытащили буквально за волосы. Открыв глаза, он увидел прямо перед собой толстое и покрасневшее... лицо, нагло ухмылявшееся.

— Ну, никак соизволил зенки продрать, мил человек, — голос его скрипел, словно несмазанный механизм.

Вадим обнаружил себя распятым на дыбе и абсолютно голым.

— Сам говорить будешь, али как? — снова проскрежетал красномордый верзила, грудь которого была прикрыта лишь передником, как у мясника с рынка.

— Может, всё-таки заткнешься? Тоже мне, специалист по допросу нашёлся, — раздался из тёмного угла довольно мягкий голос. Говоривший медленно вышел на тускло освещенную часть камеры. В нем было два метра роста и богатырская мощь, что совершенно не сочеталось с мягкостью голоса, которая граничила с приторно-сладким заискиванием: — Ну, здравствуй, Вадим. Или удобней называть тебя Ярополком? Как скажешь, так и буду называть.

Вадима смутило, что незнакомец знал его истинное имя, при этом, кем был детина — оставалось загадкой.

— И чем обязан таким вниманием к моей скромной персоне, начальник? — пытался язвить пленник, но голос подвёл, и фраза была произнесена сиплым шёпотом.

— Первуша, дай ты ему воды уже, наконец, а то ничего сказать не сможет ведь, — пока Вадим пил протухшую воду из ржавого ковша, что поднес ему палач, детина продолжил с той же приторной мягкостью: — Будь спокоен и называй меня всё-таки хотя бы следователем, а то ведь и начальника позвать могу. А он ох как не любит пачкаться, — и пудовый кулак врезался в рёбра, от чего они затрещали.

— Ой... скотина... — простонал пленник.

— Чего сказал? Может, повторишь? — и снова рёбра затрещали. — Или предпочитаешь

по почкам?

— Ты что-то хотел узнать от меня, следовательно? Или думаешь, фарш сможет потом на твои вопросы ответить? — сквозь боль прошипел Вадим.

— А ты у нас из шутов, оказывается. Хорошо, с тобой хоть скучно не будет, — хохотнул детина. И уже Первуше бросил: — Ладно, ослабь немного.

Натяжение веревок ослабло, а вместе с ним спала боль в суставах.

— И о чём же поговорить желал то?

— Как ты дошёл до жизни такой, шаман?

— Ничего не понимаю... — но ответ прервал очередной удар.

— Я вроде бы пока по голове не бил — стало быть, с памятью должен быть у тебя порядок, Ярополк. Так что напряги извилины и сообщи следствию, с какой целью шаман из глухой деревни прибыл в Город Его Серейшего Святейшества, гнида.

— Искал убежище, спасение от преследования.

— От кого?

— Если я скажу правду, то сочтешь меня сумасшедшим, а если солгу, то не поверишь. Так что тебе ответить?

— Ты, видимо, не до конца понимаешь своё положение, так я поясню, — бросил ему прямо в лицо детина, поднимая его голову за волосы, — ты подозреваешься в диверсионных действиях с целью свержения власти Его Серейшего Святейшества.

— Чего несёшь? Какая диверсия? — и снова рёбра ощутили мощь кулака.

— Может, я зря трачу на тебя время, и стоит дать Первуше повеселиться, а, шаман? Может, он сможет узнать, как ты спланировал нападение и убийство сторожей?

— Ладно, ладно! — закричал Вадим. — Жену я умыкнул, вот и хотели в городе спрятаться.

— У кого же это шаман жену увёл, если, поджав хвост, бросился в город? — и вновь боль от удара разорвала ребра.

— Да у лешего...

— Первуша, он твой, а то я устал, — и он вышел из камеры.

Дальше Вадим уже не мог определить, что было наяву, а что приходило при отключке сознания. Палач, дыба, какой-то добрый старичок, Егорий, мягкоголосый детина-следователь — всё перемешалось в безумный калейдоскоп, приправленный различного вида болями. То его тело разрывали раскалённые клещи боли, то он бежал сквозь густые заросли, спасаясь от преследующих чудищ. А порой вёл умиротворяющие беседы со сморщенным старцем.

Дед Козьма с нетерпением ждал ответа от старейшин других деревень. День клонился к вечеру, когда вернулись птицы-посланницы. От нетерпения он вышагивал по избе, пугая своим видом домочадцев, которые забились по углам, лишь бы не попасться под его руку.

Старейшины дали согласие на вече. Козьма хлебнул воды и улёгся спать. Завтра предстояло народное вече, где решится, как спасти деревни от городских поползновений.

Утро встретило старика ярким солнцем да щебетом птиц. Народ уже потихоньку подтягивался к большой поляне. Да и Козьма поспешил, протискиваясь сквозь спины деревенских мужиков.

Друзья ожидали его, переговариваясь друг с другом. Когда Дед Козьма заметил Велигора, Градимира, Есеню, то понял, что не он один хочет защитить свою землю от

Серого Святого.

— Зачем ты собрал нас здесь? — пробасил Велигор. Поляна стихла, люди перестали говорить разом.

— Мою деревню желает прибрать к рукам городской карлик, — молвил Козьма, — ко мне уже приходили молодчики, требовали подчинения городу.

— Ко мне тоже приходили, — добавил Есеня.

— Я собрал вас здесь, чтобы решить, готовы ли вы защищать свою деревню, свою землю, свою пашню от городских ротозеев до последней капли крови? Готовы ли вы сражаться за тот мир, что вам дорог? За духов края родного и души предков?

— Готовы! — откликнулся народ.

— Тогда пусть самые лихие из вас выстроят заграждения и сторожат границу, — проговорил дед Козьма. — А вас, друзья мои, я прошу держать со мной совет. Присоединятся ли ваши деревни к нам?

— Присоединятся, — раздался баритон Градимира.

— Присоединятся, — молвил Есеня.

— Присоединятся, — сказал своё слово Велигор.

Константин и самому себе не мог сказать, что больше всего его пугало в откровениях женщины, которую он знал как Голубу, жену Вадима. Её история завораживала и тянула, но разум отказывался принимать новые сведения. А то, что он сам по неведомой причине являлся оборотнем-волколаком, просто вводило в ступор.

Вера серых братьев в самопожертвенного мессию не находила отклика в его душе и мозгу, а тут он должен принять и жить с тем, о чём лишь читал в книгах... Нет, не только читал. Он ведь своими глазами видел превращение человека. Ладно, этому верить заставляли собственные глаза, но, а самому обращаться... Это как возможно? Ведь об этом он знает только со слов, по существу, незнакомого человека, который, к тому же, выдавал себя за другого. Были, правда, какие-то собственные воспоминания, но Константин не был уверен в достоверности их — они были где-то на грани сна и реальности.

Хотя были ещё книги, что он стащил из библиотеки, утверждавшие о существовании подобных вещей. Но мужчина расценивал их как сборники старых легенд и суеверий, ничего общего не имеющих с реальностью... Но почему же он так тянулся к этой странной женщине? Почему уже во второй раз сам сознательно направлялся к ней?

Неужели непослушное сердце захотело настоящей, не серой, без обязанностей любви? Возможно ли такое? Возможно. Он готов приходить сюда каждый раз, чтобы услышать её грустный рассказ о своей жизни, поделиться своим и видеть улыбку, когда он просит Голубу поторопиться и быстрее ответить на его вопросы.

Нет, нет! Эти мысли он гнал прочь. У него же есть жена, пусть мелочная и склочная, но всё-таки его. И есть дети, две дочери, его кровинушки. Нет, нельзя! Он здесь только для того, чтобы разобраться в новой реальности и в самом себе.

Прежде, чем его мысли смогли бы окончательно всё запутать, Константин несмело постучал в дверь.

Голуба сидела у себя в комнатухе на аккуратно застеленной постели и пыталась собраться с собственными мыслями.

Уже минуло две недели, как забрали Вадима. Насколько она знала, ему до сих пор не предъявили обвинения, и это держало её в тревоге. Вроде бы, если до сих пор против него ничего не имеют, значит, должны выпустить... Но сколько она слышала историй, как люди просто пропадали в застенках сторожей... вошёл человек, и нет его... Тревожно было из-за того, что кому-кому, а её супругу могли выдвинуть любое обвинение: от мелкого хулиганства до оскорбления Его Серейшего Святейшества. От этого неизвестность страшила ещё сильнее.

К тому же в голову лезли и другие, ещё более ужасающие мысли. Уже неоднократно за эти недели она ловила себя на том, что сейчас чувствует некое облегчение от отсутствия Вадима. Стало проще поддерживать порядок в жилище. Никто не орал на неё в пьяном угаре и не смотрел на неё мерзко-холодным взглядом. Но она старалась гнать от себя такие думы: какой ни есть, но свой, родной человек где-то там, в застенках томится, и что с ним будет — не ясно.

Правда, за эти дни случилось и другое. Повстречался ей человек с таким же, как и у нее, даром-проклятием оборотничества. Голуба вспомнила себя, ещё зовущуюся Даринкой, как

сама восприняла свою суть, какие чувства испытывала, через что ей самой пришлось пройти. Из-за этих воспоминаний она не смогла оттолкнуть его, стараясь помочь, несмотря на свою звериную сущность.

А, может, дело было в этих карих глазах, которыми новый знакомый смотрел на неё. В них не было никакой злобы, а взгляд их был теплым и понимающим. Так никто не смотрел на неё с того дня, как она очутилась на Освященной поляне...

Её размышления прервал тихий стук в дверь. Ещё раз оглядев комнату: всё ли прибрано, всё ли аккуратно расставлено, — Голуба, открыв дверь, пропустила внутрь Константина.

Они встретились глазами на несколько секунд, и её будто током ударило. Его глаза сулили такую нежность, преданность и любовь, что она испугалась и, отойдя на шаг, врезалась в обеденный стол.

— С тобой всё хорошо? — робко поинтересовался Константин.

— Да, — прошептала Голуба, — я есть приготовила. Будешь?

Константин с удовольствием принялся за еду, отвечая на её вопрос. Голуба умилялась, как он быстро поглощает её кашу, как прикасается к выпечке. Вадим вёл себя по-другому — ел так, будто не чувствовал вкуса пищи, стараясь удовлетворить свои животные инстинкты. Так вскоре стало и в постели — он удовлетворял больше себя, чем её.

— А ты хорошая хозяйка, — похвалил её Константин. — Присядь, поешь со мной.

И опять она сравнила двух непохожих мужчин. С Вадимом они давно перестали завтракать, обедать и ужинать вместе. Константин же, наоборот, предложил ей это. Теперь он наблюдал за ней, ласково касаясь её руки и беспрестанно благодаря за пищу.

Вадим окончательно потерял счёт времени. Сон, больше похожий на галлюцинации, сменялся очередными пытками. Когда в последний раз во рту была хотя бы маковая росинка, он уже не помнил, но и аппетит был напрочь отбит постоянными побоями. Вместе с ним, похоже, начинал отказывать и рассудок — Вадим уже и не старался понять ни суть допросов, ни грань между снами, бредом и реальностью. Было только одно желание — лишь бы всё поскорее завершилось. Не важно, как, важно — поскорее.

И неожиданно всё прекратилось. Нет, его не выпустили, и он не отбросил концы от пыток и голода. Просто его вернули в старую маленькую камеру, к старому доброму способу отбывания тюремного заключения в одиночной камере. Даже больше, порции еды и увеличились размером, и улучшилось их качество. Теперь Вадим

не просто морил червяка, получая питание, чтобы не протянуть ноги, а отъедался, можно сказать, домашними харчами.

С чем была связана такая перемена его то ли жизни, то ли мучений, он не понимал, да и, по правде говоря, и не старался. Опасаясь новой волны пыток и истязаний, Вадим решил просто наслаждаться моментом — просто отоспаться и отъесться.

Но всё же его пытки продолжались. Теперь каждый раз, стоило только прикрыть глаза, кошмары обрушивались на его сознание пёстрым калейдоскопом образов. То гнались за ним оборотни различных мастей. То он видел свою смерть от рук Егория, то сам смывал кровь жены со своих рук. То бился с драконом огненным, то со странным старичком, который к концу разговора превращался в уже истлевшего мертвеца.

Но самое удивительное было в том, что после таких сновидений Вадим-Ярополк просыпался отдохнувшим и полным сил. Так, будто спал не на куче истлевшей соломы в промозглой камере со сквозняками, а в тёплом доме под тёплым одеялом.

А где-то через три дня (судя по тому, сколько раз приносили еду) его вывели из камеры и вывели из подземелья. Трое конвоиров провели его по тёмному коридору первого этажа и толкнули в одну из неприметных дверей. За ней оказалось какое-то странное, просторное, чистое, отделанное белым кафелем помещение, которое вызвало в его мозгу ассоциацию с моргом. В дальнем углу был стол. Вокруг него толпилось пятеро, одетых в мундиры ЦСС, человек, которые о чём-то перешептывались, пока главный из конвоиров не доложил:

— Заключенный по вашему приказу доставлен.

Все пятеро сразу же обернулись к доставленному арестанту. Вадим буквально кожей, даже через лохмотья одежды, ощущал их изучающие взгляды. Мысли одна страшней другой пронеслись в его голове. Кто-то из его знакомых поведал ему за кружечкой пива, что в ЦСС проводят опыты над тюремными сидельцами. Тогда он не принял это всерьёз, но сейчас его прохватил ледяной озноб от этих пожирающих глаз.

Вперёд вышел самый рослый и крепкий мужчина, видимо, главный из них. Всё ещё взором изучая Вадима, он отдал команду тюремщикам:

— Конвой свободен, — а потом уже своим: — вымыть его и переодеть.

Двое молодцов подхватили доставленного под руки и вытащили в боковую дверь. Там оказалось помещение меньшего размера. Грубыми движениями сорвав с него тюремные лохмотья, они вытолкали арестанта на середину. Как только Вадим остановился точно посередине помещения, едва удержавшись на ногах, на него сверху обрушился обжигающий душ. Белые же халаты схватили шланги и стали, в свою очередь, окатывать его водой под большим напором.

Конечно, Вадим давно хотел помыться, чтобы уже прекратилась эта чесотка, смыть с себя всяческую живность, неизменно обитающую в тюремных казематах, но не таким же образом. Кипяток буквально ошпарил кожу, мгновенно ставшую красной как у варёных раков. Струи из шлангов пытались сбить с ног и разрубить кожу. Он же сыпал проклятия, что вызывали лишь гогот истязателей в белых халатах.

Водные процедуры закончились так же неожиданно, как и начались.

— Чего стоишь? Одевайся! — и прямо в лицо летит какая-то белая тряпка.

— Может, сперва обтереться? — робко поинтересовался Вадим.

— Ещё чего! Делай, что велено! Тебя уже заждались.

Тряпка оказалась чем-то средним между рубахой и халатом с длиннющими рукавами: длина её была явно велика для рубахи, для халата коротковата. Вместо пуговиц или молнии были какие-то странные застёжки с ремешками и петлями. Вадим хотел надеть её как халат, но это вызвало очередную порцию гогота его сопровождающих:

— Застежками назад, пациент! Рукава пока можешь закатать.

Выполнив указания, он требовал брюки, но получил в ответ:

— Ещё чего?! Не дай Бог, обделаешься! Повернись спиной и стой смирно! — после этого один из них застегнул на спине все застёжки и толчком направил к выходу из помещения.

Он вновь оказался в первой, большой комнате из белого кафеля. Его подвели к медицинской койке-каталке. Провожатые повалили Вадима на неё и ремнями крепко зафиксировали с широко раскинутыми конечностями. Проклятия, что сыпал их пациент, не могли облегчить участь.

Дед Козьма изучал место побоища глазами чёрного ворона.

Под ночь с хутора Есени прибежал шестилетний Будимир. На пацанёнке не было лица. Сам он весь был в крови, а рубаха и штаны заляпаны кровью. На все расспросы о том, что случилось, он, как очумелый, только и твердил:

— Чудовища! Летучие чудовища! Всех пожрали! — и постоянно пытался забиться под стол или лавку.

Осознав, что толку сейчас от малыша ждать не приходится, Козьма передал его заботам Марфы, которая тут же уложила беднягу спать, напоив своими целительными снадобьями. Сам же дождался первой утренней росы и прибёг к своему любимому питомцу, чтобы проверить ситуацию на хуторе Есени.

То, что открылась глазам птицы, конечно же, развеяло и без того хлипкие подозрения о нападении цмоков. Цмоков давно уже никто не встречал в местных лесах — они давно перекочевали в степи, где больше пространства, и смуглолицые жители пасут огромные стада овец и коней. Более того, летающие ящеры никогда не убивали больше, чем могли съесть, а здесь улицы были буквально усыпаны трупами жителей без каких-либо повреждений. Лишь дозорные посты сельчан были вырезаны самым банальным образом. Нет, это дело рук людей.

«Вояки, дали перерезать себе глотки во сне», — выругался Старейшина: «Но от чего погибли остальные?». Трупы имели вид, будто бы они провалялись на солнцепеке минимум дня три.

Ворон присел на один посиневший и вздувшийся труп возле дома Есени. Тот был когда-то старшим сыном Старейшины хутора. На теле не было никаких повреждений, значит, он умер не от холодного или огнестрельного оружия, его не били перед смертью. Но через ноздри ворона дед Козьма уловил странный смрадный запах, доселе ему неизвестный.

Получше изучить новые обстоятельства не позволил вступивший на территорию хутора отряд сторожей и деревенской голытьбы. Они разбирали завалы трупов, предварительно обчищая их карманы и отпускали сальные шуточки о погибших.

«Да, Козьма, враг, похоже, ничем не гнушается для достижения своих целей. Необходимо найти поддержку, а то сила трёх хуторов не сможет остановить городских бандитов», — и он, усевшись за стол, при свете лучины приступил к письму.

«Братья, нужна ваша помощь для защиты деревень.

Вспомните наши совместные лихие годы. Вспомните, как, объединившись, мы побеждали врагов. Сейчас понадобится то же самое.

Ваш Козьма».

Привязав к лапке птицы записку, Козьма потушил лучину и лег на боковую.

Двое детей в белых халатах легко справились с Вадимом. Тут же все пять сотрудников ЦСС окружили каталку. К телу пациента сразу же подцеплены провода. Одна из девиц, воткнув в вену иглу, брала кровь. Вторая орудовала измерительной лентой в области головы. Старший лез осматривать горло, приговаривая: «Так, так... Замечательно, просто изумительно».

Откуда-то появился длинный шуршащий лист, который они изучали молча. После этого в их руках появились шприцы. А потом... потом Вадим провалился в уже привычную бездну, которую прозвал небытием.

И там его ждали привычные ужасы. Егорий снова и снова преследовал его в лесной чаще. То в одиночестве, то во главе волчьей стаи. Не спасали никакие укрытия. С каждым разом разъяренный леший обнаруживал с поразительной лёгкостью, а пристанища, которые внушали безопасность, едва не становились смертельными ловушками.

И после каждого спасения он вновь и вновь убивал Даринку — то защищаясь от её животной сущности, то хладнокровно расправляясь со спящей женой. И сердце постоянно разрывалось на мелкие кусочки от бешеной боли.

Периодически его сознание выныривало из кошмарных видений, но это не приносило желанного облегчения. Вадим то приходил в сознание от того, что сотрудники ЦСС оттягивали веки глаз и светили фонарикам, о чём-то перешептываясь меж собой, то от того, что неведомо откуда взявшиеся люди в серых хламидах Серых братьев грубыми голосами распевали над ним свои молитвы.

От таких пробуждений его ослабленный сипящий голос извергал в пространства самые страшные, из известных ему, проклятия. На медиков это не производило никакого впечатления. А вот Серые братья начинали ещё усиленной возгудать над головой, и кто-то из них во всю мочь начинал орать: «Покайся, грешник! Ибо нет спасения язычнику в храме Господа!»

И вновь он проваливался в небытие. Правда, после хоровых пений наступало некое облегчение, кошмары отступали. В видениях к нему приходил тот странный старичок, что поначалу пугал его своим иссушённым видом. Теперь он приобретал более пристойный образ старца умудренного опыта. Но стоило его силуэту раствориться в дымке сновидений, как кошмары сметали всякое спокойствие, и всё начиналось по новой.

Но всё-таки это не могло продолжаться вечно. При очередном пробуждении Вадим обнаружил себя лежащим в тёплой кровати. Комната была с затемнёнными окнами и приятной обстановкой. Она явно не походила ни на камеру, ни на палату.

На удивление, ему легко удалось встать. На нём всё также была больничная распашонка с застёжками на спине, и не было более ничего. Рядом с кроватью на тумбочке он нашёл комплект простой, но аккуратной и чистой одежды. Содрав больничную тряпку через голову, мужчина быстро оделся в свежее и решил обследовать комнату.

В первую очередь, его интересовал, конечно же, выход, но здесь его ждало полное разочарование: дверь была сделана из крепкой древесины и была заперта, видимо, снаружи, а на окне, отбросив занавеску, он обнаружил металлические решётки.

Проглотив первую досаду, Вадим стал дальше изучать помещение. За маленькой ширмой он нашёл уборную с душем и унитазом, а мочевого пузыря сразу напомнил о себе.

Ощутив облегчение, мужчина всё-таки решил, что не хочет из-за слабости снова раздеваться-одеваться и лезть под душ, и просто вернулся к кровати.

Но стоило только улечься, как дверь бесшумно отворилась, и на пороге появились двое. Один был одет как халдей и в руках нёс поднос с тарелками и кувшином. А второй... а второй был тем самым старцем из сновидений.

Старик в серой хламиде указал второму на тумбочку, а сам подошёл к кровати. Показав Вадиму рукой, что не стоит тревожиться и вставать, придвинул стул и уселся на него.

— Ну, здравствуй, Ярополк, — его голос звучал по-отечески благосклонно.

— И вам не хворать. Но меня зовут Вадим, — он всё ещё не мог побороть своё негодование от заточения.

— Ну, ну... Расслабься, молодец, я ведь только добра желаю и прекрасно знаю, кто ты и откуда, — интонации старика даже не изменились.

— И кто я, по вашему?

— Сбитый с пути путник, который мечется в поиске выхода. Ты страстно желаешь порвать с прошлым, а я могу помочь тебе в этом.

— И как же вы поможете мне? Кто вы вообще такой?

— Здесь в городе все меня зовут Серым Святым и обращаются ко мне Ваше Серейшее Святейшество, но ты можешь называть меня Моесилом.

Вадим обомлел. Он столько раз слышал о нём, видел его фотографии в газетах и на транспарантах, но старик перед ним совершенно не походил на тот образ городского владыки.

— И что же от меня требуется? Зачем меня здесь держат? Не проще ли запереть меня в камере или сослать на рудники?

— О, нет, сын мой! Не проще! Ты действительно нужен мне, но об этом позже, а теперь отдыхай, — старик сделал перед глазами Вадима-Ярополка неуловимое движение рукой, от которого веки того налились свинцовой тяжестью.

Моесил всегда любил рассказы отца и матери о днях минувших. Именно из них он узнал о злой белой волчице-оборотне Морене. Отец поведал ему, что она стала причиной наступления Вечной Зимы, убив его деда. И в душе бойкого пацана родилась мечта о победе над лютой стужей, чтобы люди и оборотни смогли наконец-то выйти из пещер на солнечный свет.

Конечно же, до поры, до времени это оставалось лишь детским желанием мальчишки. Но шли годы и месяцы, Моесил рос и мужал. И вот, расспросив родню, включая двоюродную бабушку Аксиною, отправился он на поиски бабы Яги и Кощея, чтобы выведать секреты Мары-Моревны. Дома он оставил обеспокоенных родителей и зареванную Ружицу.

Долго он скитался по подземельям. Порой приходилось ему выбираться на поверхность, на ледяную стужу. Много он повидал да узнал, пока искал заветную пещеру. Не раз он был на краю гибели. Зверь лютый вёл охоту на одинокого путника. Снежные бураны сбивали с пути, и старались поглотить его сугробы могучие. А в подземельях то обвал случится, то люди злые да лихие встретятся.

Но все же нашел он Ягу да Кощея.

Поначалу баба Яга выхаживала израненного и обмороженного юношу, настоями из корней да насекомых отпаивала. Лишь на второй месяц смогла поставить его на ноги. А потом долгими днями впитывал он мудрость Яги и Кощея.

Однажды решил Моесил прогуляться втайне от Яги и Кощея. Вышел он на поверхность и попал в бурю. Снежинки облепили лицо, дальше трёх шагов ничего видно не было.

Моесил ступал очень осторожно, утопая по пояс в снегу как в пуху. Однако не заметил он, как в одном из сугробов оказалась талая вода... Поскользнувшись, он упал. И на спине прокатился до речки да и угодил под лёд. Воды сомкнулись над его головой. Одежда тянула вниз. Воздух постепенно покинул легкие... И наступила тьма.

Очнулся Моесил на берегу. Рядом сидела девушка с зелёными волосами. Приглядевшись, он заметил, что у неё вместо ног рыбий хвост, а руки покрыты чешуей. На груди у «девушки» расположились многочисленные ракушки. Вот только смотрела она с некоторым осуждением.

— Зря свою жизнь не бережёшь, Человек, — молвила дева. — А ждет тебя судьба великая. Станешь ты победителем Зимы да выстроишь град, в котором тебе поклоняться будут.

Дева произнесла предсказание и скрылась в речке. Моесил ринулся узнать у неё подробности, но опоздал — берегиня оставила ему лишь ракушку, упавшую с её ожерелья.

Серый Святой держал в руках ракушку, что нашёл много лет назад на берегу. Предсказание... Берегиня оказалась права. Да только умолчала дева реки, какие опасности ждали его на этом тернистом пути.

От раздумий старика оторвал визит адъютанта.

— Что у тебя? — резко он бросил вошедшему.

— Ваше Серейшее Святейшество, одна из деревень приведена в полное наше подчинение, — отрапортовал Ахмыл.

— Я тебе говорил, что срок две недели? Или нет? — голос Серого Святого был холоден и бесцветен. — А прошел почти месяц...

— Да, всё так и есть, Ваше Серейшее Святейшество, — спокойно ответил адъютант, как будто и не висела над ним угроза расправы. — Мы вынуждены были тщательней готовить наши действия. И полное подчинение всех деревень займет по нашим оценкам один-два месяца.

— Один-два месяца?! Вы хотите оставить нас без продовольствия? Что зимой жрать собрался сам то?

— Никак нет. Мы уже добыли запасы на месяц вперед. Вот список доставленного на склады, — и он вручил исписанный лист старику.

— Ну что ж... — проговорил тот, пробегая глазами по списку, — хорошо, пусть будет по-вашему. Но чтобы до первых осенних заморозков всё было исполнено без всяких оговорок. Свободен!

Когда властитель серого города снова остался в одиночестве, мысли уже были посвящены пленнику, которого он посетил утром. Чем-то этот деревенский грубиян напоминал ему самого себя в молодости. Возможно, виной тому были такие же горячность и вспыльчивость, а может, жгучая ненависть к тем порядкам, что изгнали его с родной стороны. В любом случае, старик очень рассчитывал на него. Ему требовалась духовная сила, что всё ещё томилась в теле шамана. Нужно только направить её, показать этому болвану, куда её нужно приложить, чтобы достигнуть цели.

Долго ли, коротко ли, Моесил, набравшись мудрости, решил пойти войной на Белую волчицу.

С помощью Яги и Кощея расставил Моесил сети. И айда играть с Марой-Моревной, дразня Зиму, убегая и возвращаясь. Раз! И сеть схватила волчицу — та же пыталась вырваться и ещё больше запутывалась.

Так была укрощена Зима.

Старик со злости захлопнул тяжелый фолиант и отошел от стола к занавешенному окну. Да, именно так какой-то глупец записал эту историю в своем «Житие Серого Святого». Когда писанина была закончена, он самолично с огромным наслаждением перегрыз тому глотку.

Кому-то может и могло прийти в голову, что победить свою бабушку было лишь вопросом ловкости и сноровки.

Почему-то никто не задумывалось о тех чувствах, что раздирали сердце юноши по ночам, когда Яга указала на их родство. Никто не подозревал о том, что создание и установка той самой сети стоили жизни его верному другу Атаману, сорвавшемуся в расщелину. Для всех этих мелких людишек не существовало ничего из того, что Моесил пережил, стремясь к своей цели.

В задумчивости он вышел в темный коридор.

Они все сидели по своим пещерам и тряслись от страха и мороза, но и пальцем не пошевелили, чтобы изменить свою долю. Просто жрали, пежились [1] и дохли как мыши в своих норах. Если они считали, что сломить Мару было лишь в правильном расположении, то почему никто из них сам не встал и не попробовал этого? Ответ на этот вопрос он искал долго, пока Кощей не подсказал, что большинство не в состоянии видеть дальше собственного носа, что им всегда нужен кто-то другой, кто возьмет на себя заботу и защиту. Более того, бессмертный мудрец предрёк, что спаситель и в дальнейшем будет подвергаться нападкам, что сделал не то, недостаточно и не вовремя, и обязан будет этим мелочным созданиям и в дальнейшем.

Серый Святой выругался вслух, спускаясь по огромной лестнице.

Тогда он не обратил внимание на предостережение старшего, но в дальнейшем с огромной болью убедился в его правоте. Ни сам подвиг, ни гибель его соратников не были оценены пещерными жителями. Узнав о падении злой Марены и отступлении вековой зимы, люди, похожие на крыс, продолжали жить в пещерах, не пытаясь ни улучшить свою долю, ни узнать, как изменился мир. Как слепые котята, которые только и надеются на свою мамку-кошку, они продолжали блуждать в темных коридорах своих подземных жилищ.

Больше всего юного Моесила разочаровали собственные родители. Как ни старался он найти им оправдания, но никак не мог объяснить самому себе, почему, зная, кто такая Мара и как с ней бороться, они вместе с другими сидели под землей и ждали избавления. Возможно, однажды они уже пошли против матери и не хотели повтора тех событий. А, может, родители боялись Мару, превратившуюся в чудовище по их вине.

Единственное, что как-то смягчало его разочарование, — это мысли о том, что отец и мать не желали проливать кровь собственной матери. Но зачастую он и эту идею отбрасывал, вспоминая, что дед пал от клыков бабки. Но полученный урок не пошёл впрок

горячему Моесилу. Вновь он решил осчастливить людей и вывести их на солнечный свет...

На этом месте Серый Святой прервал свои воспоминания и открыл дверь, за которой держал в будущем, возможно, своего самого преданного и могущественного соратника.

Вадим сидел на своей кровати, пытаясь определить, во сне или же наяву вновь видел.

Он вновь бежал через лес. Вновь деревья зловеще тянулись ветвями и корнями к нему, как к обещанной жертве. Вновь через кустарник, словно крепостные стены, преграждал путь, и приходилось искать новую дорогу. Вновь за деревьями маячили тени лесных чудовищ, и уши закладывало от их рева. Вновь его по пятам преследовал мерзкий жуткий холодный смех Егория. Вновь он на бегу пытался оттереть с рук кровь своей супруги.

Сердце грозило вырваться из груди, а горло сдавливал, не находящий выхода на свободу, крик отчаяния. И он бежал, теряя силы... Бежал прямо в лапы волку, грозно смотрящему на него человеческими глазами.

Казалось бы, он давно уже должен привыкнуть, смириться и не обращать на свои кошмары излишки внимания. Просто отбрасывать и идти дальше, но что-то не позволяло ему сбросить липкий ужас даже во время бодрствования.

Беспокойства добавляли и постоянные визиты городского властелина. Вёл он странные, загадочные разговоры. Постоянно расспрашивал о вере в духов, сам рассказывал о своем Мессии. Вадим отвечал ему путано, словно вся его история жизни в лесах была чужой, и он не мог объяснить собеседнику, почему он верил и что знал о повелителях лесов. Также и слушал вполуха, теряясь в хронике событий некоего чудака, которого серые братья звали Мессией.

Впрочем, это можно объяснить тем, что сейчас для него важнее было определить, в каком статусе он находится. Если пленник, то к чему все эти разговоры и почему он не в камере? Если он гость, то почему держат взаперти, не давая возможности прогуляться даже по коридору?

Но в этих беседах старик не открыл ещё своих желаний, причин, по которым держит Вадима то ли пленником, то ли гостем. При всей своей горячности и непокорности мужчина не решался задавать свои вопросы Серому Святому, ибо наслышан о его вспыльчивости и жестокости.

Вот и сейчас дверь открыли без всяческого стука и предупреждения, и, переступив порог, в комнату вплыла фигура старика, облачённая в серую хламиду.

— Ну, здравствуй, Ярополк, — донёлся все тот же мягкий голос.

— И вы не хворайте, — сквозь зубы ответил тот. — Сколько можно вам говорить, что зовут меня Вадимом? Или уже возраст ослабил память вашу?

— Ну, пока на память, слава Мессии, не жалуясь, — с укоризной произнес старик, — и ты сам можешь называть себя как угодно, но пока не изменишь своей сути, так и останешься тем самым вспыльчивым, безрассудным юнцом Ярополком, что вечно сбегает от своих проблем.

— Вот только не надо читать мне проповеди!

— Прости, старого, это действительно у меня появилось с возрастом. В качестве извинения предлагаю тебе скрасить моё одиночество на прогулке по здешнему парку.

Даже здесь парк оказался каким-то серым искусственным нагромождением. Лужайка с ненастоящей травой, пластиковые цветы, голуби, управляемые городским служащим и не требующие хлеба.

— Нравится? — лукаво поинтересовался старик, видя замешательство молодого человека.

— Нет, — ответствовал Вадим, — здесь нет ничего живого.

— Ты можешь вернуть сюда жизнь, мой друг, — проговорил Моесил.

— Как?! — удивился собеседник.

— А вот для этого ты мне и нужен, — опять слукавил Серый Святой.

Даже лес в этом запустевшем уголке города имел какие-то тоскливые серые оттенки. Хоть и стояла зима, но даже снег, впитывая цвет голых берез и лиственниц, покрытый бурыми иголками сосен, был похож на старую посеревшую скатерть, которую стирали десятилетия тому назад. На твёрдом снежном насте с трудом были различимы следы, похожие на волчьи, но звери, что оставили их, были наверняка крупнее любого матёрого волка. Здешний лес стал местом встреч двух оборотней.

Чёрный ворон бесшумно сорвался с ветки старой берёзы и, расправив крылья, вознёсся под низкие тучи.

Дед Козьма молча оторвал взор от серых туч. Сейчас он выглядел как человек, которого внезапно застали за глубокими раздумьями. Да и на самом деле он и был таким человеком — слишком много в последнее время ему приходилось обдумывать, решать, и не только за себя.

Зима принесла небольшое облегчение. Заметённые снегом дороги обезопасили на время от нападения городских сторожей. Но ещё свежа была горечь от гибели Есени со всем хутором. До сих пор Козьма не смог понять, за счет чего враг смог так быстро и без ущерба для себя уничтожить всех жителей.

— Звал, Козьма? — спросил кто-то за его спиной.

— Да, — обернулся на голос дед и увидел своего друга Велигора. — Хутор Есени погиб и я не могу понять из-за чего.

— Как погиб? — переспросил Велигор, надеясь, что ему послышалось.

— Я видел трупы на каждой улице. Они погибли без повреждений, — вздохнул Козьма.

— Как такое возможно?!

— Сам не могу найти ответа, но чую, что в этом есть что-то важное. Нужно, думаю, выставлять кордоны дальше от хуторов. Мой хутор будет охранять моя родня по матушке, да и за вашими с Градимиром. Но по весне, наверное, этого уже не хватит.

— Да уж... А какой выход есть? И почему по весне?

— Зима на этот раз будет снежная — городским не проехать. А выход, — Козьма, немного помолчав, словно взвешивая, стоит ли говорить об этом, и продолжил: — Предлагаю заключить союз с пастухами овец.

— В своем ли ты уме, дружище? — судя по голосу, Велигор был несколько ошарашен подобной идеей. — Они же плату берут!

— Плату берут, но это меньше, чем потерять всё!

Они вышли во двор отлить. По пути Велигор с силой пнул замерзающий снег и тут же упал в него, а коряга ударила его по лбу. Оба захохотали — такими они были давным-давно, а теперь предстояло снова сразиться с неизведанным. Но ничего, два друга справятся — и не таких от своих деревень отвадили.

Примечания:

1 Пежитья — совокупляться (древ. русск.)

Владимир не понимал, как такая красавица оказалась среди ночных бабочек. Маленькая, аккуратная и взгляд... по-детски искренний. Слишком молода для профессии.

На второй день их знакомства он попросил снять её всю косметику. Руслана беспрекословно подчинилась, видимо, ожидая худшего от него. Он побывал в разных портах, видел много шлюх, но с ней почему-то не торопился, боясь спугнуть.

— Чем займемся? — спросила девушка.

Владимир вздрогнул от неожиданности вопроса, а она тут же принялась рассматривать пол.

— Предлагаю погулять, — ответил мужчина.

Она замотала головой. Да ему и сейчас не хотелось выходить на улицу, видеть эту серость.

— Тогда, может, перейдем к... — Владимир оказался близко к ней, почувствовал невесомый аромат лилии, и взгляд сам собой остановился на её ротике.

Руслана испуганно ойкнула, когда он коснулся её лица, а затем прикоснулся к губам, оставляя невесомый поцелуй. Он ожидал всего что угодно. Однако, и тут она смогла его удивить — обняла его за плечи, снова касаясь губ, углубляя поцелуй.

— Мне кажется, что я люблю вас, — прошептала девушка, отстраняясь первой, и Владимир впервые почувствовал себя счастливым.

Взглянуть ей в глаза он не посмел, и мог лишь притянуть к себе для объятий, чувствуя на своей спине её руки. Только бы счастье не оказалось мимолетным.

Руслана помнила, как оказалась в проститутках. Только делиться этим с кем-либо не хотелось совершенно.

Всё началось с того, что мать и отец, увлекшись красочным плакатом со словами: «Счастье всем. Добро пожаловать к нам!», вступили в секту. Они посещали все собрания, а ей приходилось следить за маленьким братом. А потом они заложили дом и всё их имущество за безграничное мифическое счастье. И оказались на улице.

— Помоги нам! — упрашивала мать со слезами на глазах. — Только ты нас можешь спасти!

И она помогла. Пришла в первый попавшийся притон, отдалась первому встречному там и получила небольшую сумму. Возвращаясь к деревянной временке, она утирала слезы. Низ живота нестерпимо болел, но семье важнее было получить деньги.

И снова, и снова она шла в тот притон и работала каждый вечер. А по ночам рыдала так, чтобы её никто не услышал.

Но её потуги и жертвы оказались тщетными. Возвращаясь однажды под утро, она обнаружила лишь обугленные останки жилища, а посреди них и почерневшие тела отца, матери и малолетнего брата...

Она тогда чуть не сошла с ума от горя. Воспоминания о том дне остались только короткими обрывками: вот она бросается с кулаками на прибывших сторожей, а вот бредет по колено в ледяной воде вдоль берега реки, даже не подбирая юбку.

В себя Руслана пришла только на следующий вечер в своей комнате того самого притона, где она лишилась невинности и где осталась коротать свои дни, полностью потеряв

смысл своего существования.

По крайней мере, так она думала до встречи с Владимиром. Видимо, это оказался тот самый счастливый случай.

Её не допускали до подобной работы. Моряки считались элитными клиентами, и с ними работали только самые опытные и красивые жрицы любви. Но в тот раз одна из них не явилась, после её тело нашли в одной из сточных канав на окраине города, и хозяин решил отправить Руслану.

Ожидая своего клиента на пирсе под морозящим дождем, молодая женщина терзала себя кошмарными предчувствиями, вспоминая, что рассказывали о (о) запросах морских волков опытные товарки. Когда же прибывшие из дальнего плавания моряки повалили с корабля, сердце и вовсе ушло в пятки. Все они казались страшными и грубыми, чем-то напоминавшими диких животных.

Сначала она даже не узнала его среди других. У него оказался греческий нос, высокий лоб и добрые глаза. Он оказался не таким страшным, как она думала.

А теперь они проводят каждый вечер вместе. Он даже выкупил её из притона! Стал дарить цветы, украшения. Однажды... однажды Владимир предложил сбежать. И она пошла за ним как верная собачонка, снова доверившись кому-то.

Окурок полетел вниз, пронзая ночь снопом осыпающихся искр. Проводив его взглядом, Руслана вернулась с балкона в спальню, где Владимир видел уже седьмой сон.

Константин до сих пор никак не мог смириться со своей второй сущностью, не получалось обуздать зверя. Лишь Голуба могла сдерживать его, но и то пару раз он пытался в облики волка напасть на случайно забредших в лес путников. После каждого инцидента они меняли место, благо, на окраинах хватало нетронутых чащ. От этого он ещё больше злился на себя, что никак не способствовало успеху.

А Голуба пыталась вспомнить, как помогали баба Нюра и дед Дунай ей освоиться с оборотничеством, но, как назло, всё вылетело из головы. Только помнила она урок дяди Волибора и решила его опробовать на Константине от отчаяния. Вопреки собственным ожиданиям, это сработало. Мужчина стал спокойней воспринимать собственные неудачи, лучше контролировать свои эмоции и вскоре уже обрёл способность сохранять человеческий разум в облике зверя. Но не только эти проблемы беспокоили женщину-оборотня.

На днях пришла первая весточка от Вадима. Нет, он не написал её. Просто однажды вечером дверь её комнатки распахнулась от удара кованого сапога, хоть и была закрыта на щеколду, и внутрь ввалились сразу трое: серый брат и два сторожа. Этот грубый визит застал её врасплох, так как она уже собиралась лечь и была в одном исподнем.

Испуганно обернувшись на грохот, Голуба в страхе отшатнулась к окну. Сторожа не обращали на неё какого-либо особого внимания, а вот серый брат жадно пожирал глазами почти неприкрытое тело, причмокивая и облизывая тонкие губы. Женщина попыталась схватить рубаху, висевшую на спинке стула, чтобы прикрыться хоть чем-то, но её остановил властный жест одного из сторожей.

Серый брат ещё целую вечность рассматривал её, прежде чем протянуть ей свиток.

— Меня уполномочил совершить сей поздний визит Его Серейшее Святейшество, чтобы засвидетельствовать своё почтение и передать его послание, — говоривший даже не пытался скрыть похотливые нотки в своем голосе, — также Его Серейшее Святейшество выражает надежду на возможность лично лицезреть прекрасную Голубу у себя на аудиенции в Ратуше.

Голуба осторожно, боясь коснуться чужой руки, приняла свиток и быстро отдернула руку.

Серый брат лишь нагло ухмыльнулся, и вся троица поспешила удалиться, не удосужившись закрыть за собой дверь.

Всё ещё внутренне содрогаясь от неприятного ощущения вероломного вторжения, женщина развернула свиток.

Уважаемая Голуба!

Разрешите настоящим выразить свое сожаление Вашей вынужденной разлукой с супругом. Заверяю Вас, что Вадим не является пленником или заключенным, но вынужден пребывать под моей опекой по обстоятельствам, которые невозможно открыть в письме, а только при личной встрече. Вы всегда можете рассчитывать на моё внимание Вашей персоне, а также на любую необходимую помощь. Также Вы можете обратиться ко мне в любое удобное время.

глава города Моесил

Конечно, он знал, что рано или поздно она сбежит. Всё к этому и шло, по сути. Вот если бы они нормально, без обряда, «познакомились», то могло бы быть по-другому.

Когда он впервые увидел внучку Козьмы издалека, то не смог отвести глаз. И решил, что она станет его женой. Сколько времени он потратил, чтобы уговорить деда отдать ему внучку, — не сосчитать!

А теперь он опять один. Как бобыль, всё забросил — и лес свой, и дела, и помощь животным. Мёртвым стал его участок леса: всё поросло трын-травой и плющом. Дом же стал походить на таверну, где он стал единственным завсегдатаем. Когда же призывал свою стаю, он уже и не помнил. Да шли бы они, раз такую супругу воспитали.

Стал захаживать Егорий в ближайший кабак и бражничать. Казалось, только выпивка может удерживать его на грани сознания, не давая окончательно тоске поглотить разум. А так хоть с мужиками парой прибауточек перекинется да фингал кому засветит. Даже троица друзей верных нарисовалась, с кем вместе зачастую пировали — Опивень, Сербай да Одминок [1]. Вместе пили да вместе и колобродили по деревням и сёлам близлежащим.

Но вот однажды к нему постучались, и вошёл дед Козьма.

— Что тебе нужно, старик? — язык от выпитого заплетался.

— Помощь, леший, — произнес дед Козьма, — город ополчился против нас.

— А мне до этого какое дело? — поинтересовался Егорий.

— Ты же леший! Кто защитит лес от рубки и животных от люда охочего?! — воскликнул дед. — Да и местные на тебя уже косо смотрят: раньше хоть строг был, но справедлив, а теперь от тебя беды люду поболее будет, чем от нечисти да лихих разбойников.

— Не нужен мне никто, кроме моей жёнушки! — Егорий грохнул кулаком по столу так, что уж чашки-тарелки подскочили, — Верни мне Даринку, и тогда мы поговорим!

— Вернуть то можно, только долго ли она с тобой пробудет? Глянет на рожу твою пропойную, да опять дёру даст, — наседал Старейшина. — Чтобы вернуть её, и тебе придётся потрудиться да помощь оказать.

— Ик! — леший смачно икнул аж до отрыжки. — Не понимаю тебя, старик, куда клонишь?

— А чтобы с первого раза понимать, нужно хоть изредка трезветь да по сторонам смотреть, а ещё лучше — прислушиваться.

Леший осоловело посмотрел на деда да на непослушных ногах еле доковылял до кадки с водой, сунул в неё голову. Дед Козьма уж подумал, не жизни ли себя лишить собрался, как Егорий резко выпрямился и завертел мокрой башкой, стряхивая повсюду воду да и, видать, весь хмель.

— Козьма, знаешь же, что не люблю, когда меня поучают да нравоучениями докучают. Давай, выкладывай свои известия.

— Ну, раз ты уже готов слушать, то садись, — разговор долгим будет, — молвил дед и сам без приглашения уселся за стол. — Ты ещё помнишь, что за стаю ты пригрел в своем лесу, чьего она рода?

— Я же велел тебе не поучать меня, — ответил Егорий, опускаясь на скамью напротив, — потомки Ставры и Гавры. Как мне этого не знать!

— А помнишь, что стало с их первым сыном?

— Так, вроде, сгинул он. Ушёл от всех Моесил сразу после боя с Марой-Моревной да так и пропал.

— Выходит, что не сгинул их предок. Правит Моесил городом недалече от сих, что его жители называют Серым городом, его самого аж Серым Святым или Его Серейшее Святейшество, — на эти слова старика леший лишь хмыкнул неодобрительно. — Так вот, решил наш Моесил присоединить деревни и хутора к городу своему, чтоб кормёжка всегда под боком была, хлеб да мясо. Один хутор его подданные уже вырезали. Помнишь Есеню? Так с его хутора лишь один пацанёнок спасся, а остальные передохли как мухи по осени. И никто из наших не знает, что повлекло их смерть, как городские напасть на них навели.

— И чем я тебе в этом помогу?

— Вот над этим и голову надо поломать, как силы наши объединить да супостата остановить, — Козьма сейчас смотрел на стол, покрытый слоем пыли и дурнопахнущих брызг всевозможного пойла. — И обидчик твой, что жену увёл, Ярополк, ныне себя Вадимом называющий, к нему примкнуть пожелал. А он то силушкой не обделен, да и Моесил своей с ним поделиться обещал.

— Раз он с ним, так и Даринка заодно?!

— Нет, пока нет. Внучка моя, неведомо как, но обрела в городище том друга себе.

— Что?! Еще один хахаль?! Потаскуха! — с звериным рыком вскочил леший со скамьи.

— Не смей! Не смей мою кровинушку бранным словом поносить! — рёв Старейшины ничем не уступал тому. — Лучше до конца дослушай, что я поведать хочу, — слегка смягчив тон, продолжил.

Егорий напоследок смерил недобрым взором собеседника, да вместе они и присели на свои места.

— Как тот очутился в городе, мне не знамо, но оказалось, что родня он ей. Тоже из волколаков. И им обоим в городе том оставаться опасно. Так что мне не только думать о том, как людей своих от городских убереечь, но ещё и о том, как внучку вызволить. Так что в любом случае твоя помощь потребуется.

— Ну у тебя хотя бы есть какие-либо соображения?

— Парочка есть, и я пришёл к тебе, чтобы их обсудить.

В последнее время Серый Святой не находил себе места. А всё началось с того, что он узнал о своих родственниках — деде Козьме и его внуках. Родне, о которой он доселе и не знал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ни с того, ни с сего, вдруг объявился его прямой потомок, кажется, внук, если он всё правильно понял. Молодой человек вспоминал, что Ружица была его бабкой, которая его любила и воспитывала как собственного сына. Но Моесил бы ни за что не поверил юнцу, если бы он не походил на него самого в молодости. Теперь он невольно вспоминал любимую, и цену своей победы над Зимой.

Когда он пожелал покинуть всех, кого он вывел из пещер, любимая отказала следовать за ним. Она заявила, что с момента пленения Мары-Моревны, Моесил сильно изменился. Ха, а как будто могло быть по другому! Когда достигаешь своей заветной цели, спасаешь людей от свирепой стужи и беспощадного голода и при этом теряешь лучшего друга, — здесь любой начнет меняться! Но Ружица наговорила при расставании ему кучу гадостей.

Мол, он зазнался, стал высокомерным и заносчивым и всё больше и больше начал презирать тех, ради кого раньше был готов пойти на смерть.

Сейчас он уже понимал, что тогда она сказала всю правду, которую ещё сам не осознавал. Но даже теперь Моесил не признавал в этих переменах своего недостатка. А вот боль той утраты всё ещё пронзала сердце холодным клинком невыносимой тоски.

И вот сейчас в руки попал её внук, возможно, и его внук, так как он оставил её с семьёй уже на сносях.

Если так, то этот шаман даже не представлял, какой могучей силой мог обладать, если бы больше интересовался своим происхождением и роднёй. Ведь когда он пленил Мару-Моревну, то не стал убивать её. Рука не поднялась на родную бабуку, несмотря на то, как она обошлась со своими родственниками. Но была и другая причина для проявления милосердия.

Когда ещё он вынашивал идею сражения с белой волчицей Зимы, на глаза попала одна старая рукопись, в которой говорилось о тайных знаниях. Сообщалось, что Мара, в благодарность за службу Зиме, могла получить знания и силы хозяйки, которые многим были неведомы и сулили большие выгоды обладателю. Моесил осторожно постарался вызнать у многочисленной родни об этом. Отец с матерью ничего об этом не знали. Не смогли прояснить суть дела и бабука Акси́нья со своим новым мужем. Лишь Яга да Кощей рассказали ему всё, что сами знали. Правда, они мало ведали об этих знаниях и силах, но однозначно подтвердили правдивость старой рукописи.

Да, он всего лишь пленил свою бабуку. Она стала узницей одного заброшенного грота, о котором и до этого ходила недобрая молва. После того как Моесил заключил туда свою добычу, из него по вечерам часто слышались вопли и стоны боли и отчаяния. Уже через неделю он заставил Мару думать о смерти как о спасении, и вскоре под пытками та сдалась и выдала все знания и секреты Зимы. А после он милостиво обезглавил бабуку и сжег тело.

Солнце коснулось своими лучами её лица, и Голуба недовольно перевернулась на другой бок. Рука Константина продолжала обнимать её за талию, а он сам всё ещё спал.

Смятая простынь напоминала о произошедшем. Но никогда она не была так счастлива, как рядом с ним! Не хотелось думать ни о чём, только вспоминать, как вчера его руки бродили по телу, как он шептал ей на ушко о своей любви, как ласкал грудь и всячески ублажал.

Сейчас в её душе боролись два чувства. Чувство вины, что сманила семейного мужика, разрушила счастье ни в чём не повинной женщины и его дочерей. Она видела их всех вместе как-то раз издали в парке на прогулке воскресным днем. Для неё они являлись тогда примером семейной идиллии. Сейчас же глава той прекрасной семьи спит в её постели.

И, напротив, она была счастлива, что мужчина примчался к ней, как только заподозрил неладное. Пусть опоздал, но он ведь не вездесущий дух. Накануне это вселило в ней уверенность в собственной защищенности, что она наконец-то может действительно положиться на крепкое мужское плечо. Возможно, поэтому она не стала сопротивляться обоюдному порыву страсти.

Упрямое солнце своими лучами теперь коснулось её бока, и Голуба, натянув его рубашку, нехотя встала. Надо хотя бы завтрак приготовить — нечего вылёживаться. Сзади раздалось шевеление, и она поняла, что всё-таки разбудила его.

Отчего-то вдруг стало жарко. Румянец залил щеки. Голуба прошла на маленькую

кухоньку, заваривая им чай.

Примечания:

1 — Опивень — в белорусской мифологии нечистик, склоняющий людей к пьянству.

Сербай — в белорусском и литовском фольклоре антропоморфное существо, персонификация голода.

Одминок — по украинским народным поверьям, подмененный чертом или ведьмой ребенок.

Серый Святой стоял посреди спальни, залитой кровью. Спокойствие возвращалось с каждым новым глубоким вздохом.

Накануне он вернулся в свои покои с двумя девицами, чтобы скрасить вечер тяжёлого дня. Малолетние распутницы были специально выбраны — миниатюрные и робкие как дикие лани. Они беспрекословно подчинялись, исполняя его прихоти, и Моесил, довольный, уснул прямо на их хрупких тельцах.

Поначалу его сон являлся продолжением постельных утех. Только во сне старческую похоть удаляли сразу же шесть прелестных, неземных своей красотой и грацией, дам. Их губы были сладкие с едва уловимой горчинкой, а кожа нежной и шелковистой. Всё тело Моесила содрогалось в томным муках истомы. Они умудрялись удовлетворять его самые потаённые и грязные фантазии. А потом...

А потом Моесил будто вернулся в раннее детство, когда ему было года три.

Всё было очень странным. Он был в какой-то старой деревенской избе. Он не помнил её, но вся обстановка казалась такой родной и знакомой. Сам же он был ростом подстать трехлетнему пареньку, но с нынешним обликом человека преклонного возраста — словно кто-то его, взрослого, уменьшил до роста ребёнка. Всё с теми же покрытыми шрамами и скрюченными подагрой руками, все с теми же слабовидящими глазами...

Перед ним на скамье возле окна сидела женщина и грудью кормила маленького ребёнка. В женщине угадывались полузабытые черты матушки. А если перед ним была мать, то на руках она держала его сестру, чьё имя уже стерлось из памяти.

Эта, казалось бы, умиротворяющая картина идиллии всколыхнула в нём не чувство светлой горечи по покинутым родным, а гнева и обиды. Он был зол и на сестру, за то, что забрала всё внимание матери. Он был зол на мать, за то, что забыла о нём, а ему так хотелось её ласки, доброго слова.

В два прыжка приблизившись к ним двоим, Моесил выхватил младенца из женских рук и со всей мочи вышвырнул орущий комочек в окно. После чего спокойно, но с воинственной решительностью забрался на колени к матери и, припав губами к теплой груди, стал сосать теплое сладкое молоко.

Мать, если и почувствовала подмену, то не повела и бровью. Одна её рука нежно прижимала сына к груди, а другая ласково приглаживала его растрёпанные седые волосы. Она напевала колыбельную, от которой у Моесила закрывались глаза. И когда он почти заснул, матушка положила в колыбельку.

Разбудил же его, по-видимому, отец. Мужчина резко выхватил его из колыбели, перекинул через колено и стал охаживать ягодицы кушаком, приговаривая: «Я думал, у меня растёт смелый сын, а не размазня».

Закончив истязание, он бросил Моесила на пол и удалился прочь.

И снова перед глазами была мать, сидящая под окном и кормящая дочь. Он хотел привлечь внимание матери: что-то сказать, крикнуть, подать голос, чтобы она его заметила. Но рот открывался и закрывался, а звука не было. Испугавшись, Моесил подошёл ближе и вдруг увидел, что вместо женщины появилась старуха с красным младенцем на руках.

Из сновидений Серый Святой вынырнул, словно утопающий, хватая раскрытым ртом воздух и объятый паникой. Его истеричный крик напугал девиц, и те забились по углам, не в

силах совладать со страхом и отпереть замок на двери.

От этого он расвирепел и, обернувшись волколаком, одной за другой разорвал горло. Когда крики жертв прекратились, Моесил начал приходить в себя, а вид крови ещё больше способствовал успокоению.

Окончательно отдышавшись и придя в себя, Серый Святой отпер дверь и крикнул слуг с Ахмылом.

Челядь осторожно на цыпочках, боясь издать лишний звук, прошмыгнула в спальню и принялась за уборку. Ахмыл же пришёл, словно ему не впервой посреди ночи спешить на зов главы города, и принес большую бутылку первача.

— Чем могу служить, Ваше Серейшее Святейшество? — голос ровен и спокоен.

— Пройдем в кабинет, — лишь бросил Моесил и повёл товарища за собой и, только закрыв дверь, продолжил: — Сколько тебя просить оставить формальности? Ты же мой друг, товарищ и брат. Или уже нет?

— Конечно, я вам друг, но в первую очередь я — Ваш подданный, а, значит, должен соблюдать эти, как Вы выразились, формальности.

— Шут с тобой! Наливай.

Первый глоток обжёт горло, и огненной волной первач разлил приятную теплоту по всему телу.

— Ахмыл, а ты свою родню помнишь? — поинтересовался Моесил у своего товарища.

— Как их забыть, если тебе постоянно о себе напоминают, — ответил тот, разглядывая дно стакана с мутным напитком, — я ведь живу в доме со своей собственной сестрой. Матушка с батюшкой, правда, уже лет десять как померли. Но Проша мне не даёт о них забывать.

— Стало быть, ты не один на белом свете... — задумчиво произнес Серый Святой, откидываясь на спинку стула. — А более дальняя родня имеется?

— Да вроде бы нет уж никого. Дяди и тётя, сколько помню их, старыми были, да и детей никто из них не имел.

— А если бы к тебе вдруг заявился бы кто-нибудь и назвался твоим родственником?

— Хм... Не знаю. Может, проснулись бы какие-нибудь родственные чувства, а, может быть, и нет. Так-то он вроде бы и близкий человек, а вроде бы и нет раз столько времени мы смогли прожить друг без друга. К чему гадать.

— Может, и прав ты... — сказал Моесил и протянул собеседнику свой стакан, требуя ещё самогона. — Только я вот себя поймал на мысли, что я совершенно не помню своей родни.

— Не мудрено, Ваше Серейшее Святейшество, в Ваши-то года...

— А порой хочется какой-то родственной души, поговорить, довериться, — продолжал городской глава, словно не замечая фразы товарища, — чтобы поддержали или всю правду высказали.

— Ну, за этим я к Вашим услугам, — ответил Ахмыл, слегка ухмыляясь.

— А что с тебя взять, шут гороховый? Ты верен и предан мне, но также беспокоишься за свое тёплое местечко. А раз так, то и слова подбираешь, прежде чем ответить, и напрямик не выскажешься, не одёрнешь, если я не прав.

Ахмыл улыбнулся. Он любил дарить улыбки в отличие от других слуг Моесила. Лицо светлело, губы растягивались в приветствии. И сейчас он делился радостью с Серым Святым, вызывая у того ответную улыбку. А городской глава улыбался крайне редко, как-то больше

угрюмостью и замкнутостью баловал.

— Для меня несколько обидными слова звучат, Ваше Серейшее Святейшество, но в целом, вашу мысль я понял.

— Еще бы не понял! Сколько раз просил отбросить формальности хотя бы когда мы один на один?! А ты всё своё!

— Это же, если кто подслушивать будет...

— Кто?! Здесь на такую смелость и наглость способны только двое, и они в этот самый момент квасят самогон в кабинете самого Серого Святого.

Ахмыл устался в напиток, чтобы более не раздражать Моесила. Конечно, он бы с радостью согласился с Серым Святым, но вот желание противоречить ему возникало само собой. Сколько себя помнил, он оказывался тем ещё спорщиком. Спорил по поводу всего и со всеми, однажды даже в тюрьму угодил, да только сестра его вытащила тогда.

Спустя пару часов Серый Святой уже спускался по лестнице, оставив своего товарища смотреть пьяные сны в своём кабинете.

Пока они с Ахмылом налегали на деревенский самогон, слуги успели привести спальню в полный порядок, и ничто уже не напоминало о событиях сегодняшней ночи.

Теперь мысли Моесила полностью были сосредоточены на своём новоявленно родственнике. Градоправитель собирался сделать предложение Ярополку, от которого, как говорят на городских улицах, тот не сможет отказаться. Ему настоятельно требовался этот человек, чтобы разделить непомерную тяжесть силы и власти. Того, что начинало уже тяготить его самого. Да и просто иметь под рукой хотя бы одного близкого человека, неограниченного ролью подданного.

Ярополк был у себя в комнате-камере, когда дверь медленно открылась, и на пороге возник его главный тюремщик. Странно всё-таки обходится с ним судьба: тот, кто держит его в заключении, тот и его ближайшая родня в этом сером городе.

— Доброе утро, племянник! — голос старца был бодрым. — Не желаешь составить компанию старику на утренней прогулке?

— И вам здравия, дядюшка, — с ехидцей ответил тот, — а какие варианты есть?

— Честно сказать, никаких, если не желаешь весь день проторчать взаперти, — несмотря на мягкость, в голосе чувствовалась властность.

— Значит, составлю, — Ярополк демонстративно пожал плечами.

— Ну, вот и славно.

Какая-то неясная тревога вдруг проникла в душу Голубы. Изо дня в день Серый город давил на неё своей духотой, толпой и воздухом. Он казался не живым в своей приверженности к серому и порядку.

Каждую улицу ночью тщательно убирали, не оставляя ни листика с дерева, ни соринки, делая город ещё более не живым. Пресным. Никчёмным. Без единой краски.

Также она заприметила, что за ней стали следить. С тех самых пор, как принесли весточку от Вадима. Каждый день она встречала одних и тех же мужчин суровой внешности возле дома, где жила, по дороге в магазин или в швейную мастерскую. Поначалу это сильно пугало её, но теперь это уже приносило хоть какое-то разнообразие в серые будни. Сегодня утром Даринка даже не постеснялась поздороваться с парочкой наблюдателей.

Когда же она рассказала о слежке Константину, то он нашёл это даже несколько забавным. Он явно находил в этом какой-то свой, особый символ.

Нет, ей не место здесь. Лучше бродить по лесам рука об руку с Константином, наслаждаться буйством природы и вдыхать чистый воздух, совершенно забывая и своё прошлое, и своё настоящее, полностью отдаваясь только моменту.

Когда произошёл этот перелом, Даринка и сама не понимала. Ярополк-Вадим вдруг стал таким далёким, таким чужим. Она ещё помнила ощущение беды и беспокойства, когда его забрали. Но с тех пор мысли о нём приходили исключительно вместе с идеей, что лучше не встречаться с ним более никогда. Всё, что он оставил для нее, — это ребенок. Маленькая частичка его самого, что уже жила под её сердцем.

А Константин же, напротив, из совершенно незнакомого человека за каких-то парутройку месяцев стал таким родным, тем, кому она готова была безгранично доверять. Хотя ведь это он сейчас нуждался в поддержке с её стороны, но Даринка чувствовала себя с ним полностью защищённой. Что-то было в нём, от чего веяло настоящей силой. Не горячей, неистовой, вспыльчивой силой как у Ярополка, а спокойной уверенностью, непоколебимостью скалы.

Егорий отбросил хмель. На радость деда Козьмы взялся за свой лес. С утра до ночи гонял он целую неделю нечисть: прогонял богинок, боролся с болотником, норовившим утащить в топь, успокаивал эхо. Делал для птиц новые кормушки, лечил зверей, проверял лесной народец.

Также нашёл в себе силы навестить свою стаю.

Стая его встретила печальным известием. По зимней поре Дунай, старый вожак, верой и правдой служивший Егорию, умер в силу своего преклонного возраста. Теперь роль вожака волчьеголовых взвалила баба Нюра, как старшая из всех, ожидая, когда владыка леса одобрит выбор стаи нового главаря. Леший одобрил этот выбор, и, спустя седмицу, Лесньяр был посвящён и принёс клятву верности Егорию и стае.

И среди всего этого билась одна мысль: вернуть Даринку, помочь ей покинуть город. Егорий сам готов был проникнуть в Серую обитель, чтобы её спасти. Как назло, Козьма ни словом не обмолвился о её жизни там.

Ему не приходило в голову, что она может быть счастлива с другим. Особенно, если это чужак, хоть и такой же оборотень. Именно то, что рядом с ней сейчас был незнакомец, больше всего раздосадовало Егория. Пусть это был бы тот же ненавистный Ярополк — по крайней мере, свой, знакомый. А ласкающий любимую женщину незнакомец... Это уже чересчур! Хотя как раз такая вероятность всё яснее вырисовывалась перед его болезненным воображением. Даринка в объятиях чужого мужчины — ничего мучительнее для лешего не было. Он мог в красках представить, как она отдаётся чужаку, как стонет от его ласк. И как улыбается ему по утрам.

Такие картинки всё больше раззадоривали его желание мести сопернику. И Егорий всё злее гнал нечисть.

Город постоянно давил, не давал нормально вздохнуть. Хотелось скорее его покинуть. Руслану постоянно мучили воспоминания о родителях и своей жизни в притоне. Они душили её вместе с атмосферой, сжатой городскими стенами, узкими улочками и тесными дворами.

С работой у молодых людей тоже не заладилось как-то сразу. Конечно, было ожидаемо, что её, бывшую проститутку, не возьмут на какую-либо приличную работу, и приходилось просто хвататься за любую возможность заработать мелочь мытьём полов или посуды. Но

неприятности поджидали и Владимира.

Ни с того, ни с сего капитан и владелец корабля, на котором ходил Владимир, взял да и рассчитал команду, а корабль отправил на слом. В один миг на улицу оказались выброшены сотни матросов. И если старшие чины без труда устроились на другие корабли серого города, то для большинства их подчиненных просто не нашлось мест.

Пока Владимир искал доходное место, они потихоньку распродавали его имущество. То, что им не светит такое же сытое существование, не являлось большой тайной ни для кого. Всё-таки моряки были вторыми по привилегиям после сторожей в городе. Первым пришлось продать телеком, который хоть как-то скрашивал серые будни.

Однажды Владимир предложил ей совершить побег, так как не выпускали власти своих горожан из локации. И она согласилась. Жизнь в сером месте становилась с каждым днём всё невыносимее.

Пробираясь ночью по тихим улочкам, им удалось дважды обмануть сторожей. Городские ворота уже виднелись вдали — до них оставалось буквально десять шагов. Как раз в этот момент на Руслану и Владимира оказался направленным луч фонаря.

— Что вы здесь делаете? — грозно поинтересовался сторож.

Владимир вместо ответа ударил его. Шум привлёк других блюстителей порядка. Их схватили.

Город просто так не отпустил свою кровь, своё пушечное мясо для поддержания правил.

В железных камерах молодым людям приходилось гадать: каким образом их могут покарать. Ждать свою участь. И надеяться, что Серый Святой может проявить к ним благосклонность.

Каждую ночь Владимир просыпался от кошмаров. Они мучили его с завидным постоянством. И он был бесконечно рад, что их разлучили с Русланой, что она не видит его безумных метаний и не слышит криков ужаса. Хотя в последнем и не был уверен: всё-таки слишком часто он слышал вопли подвергаемых пыткам.

Стоило ему лишь закрыть глаза после очередного допроса, как его сознание атаковали жуткие видения.

Первой приходила его мертвая дочь. Её печальные, болезненные глаза смотрели на него с немым укором. Весь её вид обвинял Владимира в бессилии. Не в силах терпеть прожигающего взора, мужчина лишь обречённо закрывал глаза руками как маленький испуганный ребенок. А губы беззвучно шептали только одно слово: «Прости».

Потом уже приходили воспоминания о том, как шестилетним пацаном сам спасался из объятай пожарами прибрежной деревеньки, подвергшейся нападению пиратов. Как бежал, оскальзываясь в крови родных и знакомых, как несколько раз спотыкался об изувеченные трупы, а те тянули вслед ему руки и кричали: «Не бросай нас! Не уходи!»

И услужливая память тут же подбрасывала новые воспоминания. Владимир, будучи моряком торгового флота Его Серейшего Святейшества, лично участвует в набегах на туземные поселения на восточном побережье материка. Порой сам их возглавляет на правах самого опытного. Как врывается в юрты, переполненные перепуганными женщинами и детьми. Как насилует молодую мать на глазах её годовалого сына. Только во снах жертва принимала облик Русланы, а её сынуля превращался в собственную дочь. Но, невзирая на это, после удовлетворения животной похоти он зарубает обоих топором.

Его сокамерники сторонились его. В их глазах Владимир был прокажённным или проклятым. Лишь один, на вид дед со слегка тронутой психикой, как-то пытался разговаривать с ним. Но его уже сторонился сам мужчина, особенно после слов того о том, что жизнь Владимира обещана дракону, и именно поэтому происходят ночные кошмары. Из его слов выходило, что драконы так потешаются над своими жертвами.

Какие, к Серому Святому, драконы?! Что за детские сказки?! Уж лучше он будет в одиночку коротать дни заключения, чем в обществе этого старика!

Стены камеры не спасали от шума тюрьмы. Шаги, приказы, вопли — всё это проникало в тёмную камеру в любое время суток. Руслана не знала, куда деться от криков. Они давили, не давали сосредоточиться на мечте о спасении. Они проникали в голову, вызывая к жизни её страхи. Жёсткая подушка стала свидетелем её ночных кошмаров.

Раз за разом она видела, как бежит по лесу, спасаясь от волка. Деревья и кустарники цепляют одежду ветвями, замедляют бег. Волк же словно играет её страхом, то настигает, то чуть отстает. Она же даже не знает, где искать спасенья. Вот женщина спотыкается, и волк нападает на неё — поляна становится красной от её крови.

В другом сне она видит того старика, что долгое время развлекался с ней. Его скрюченные пальцы ласкают грудь, проникают в лоно, вызывая нестерпимую боль. А его

ужасный смех во время секса...

И тут Руслана просыпается. Снова в поту. Снова с заплаканными глазами. Снова она методично пытается изгнать кошмары, сосредотачиваясь на озарённом светом решетчатом окне. Ничего не выходит.

Кошмары, кажется, преследует её и наяву. Однажды, когда произошла очередная смена надсмотрщиков, к ней зашли трое серых братьев. Они не церемонились с ней: раздевая её, всё приговаривали о том, какая она шлюха и грешница, и что ей требуется отпущение грехов, которое ещё надо заслужить.

Пока они надругались над её телом, она не проронила ни звука, а лишь упрямо смотрела в зарешеченный квадрат бойницы. Все стоны и всхлипы отчаяния вырвались позже, когда она осталась одна в растерзанной тюремной робе на клочке прелой соломы, что заменял ей постель. Обессиленное забытье пришло намного позднее.

Сколько пробыла в забытье, Руслана не знала. Может, минут пятнадцать, а, может, и целые сутки. Когда её разбудили, грубым рывком поставив на ноги, через тюремную решетку по-прежнему проглядывало лишь звёздное небо.

Ей бросили тёплую одежду и велели одеваться. Отвернувшись от взглядов охранников, Руслана второпях натянула на себя теплые штаны и рубаху. Одежда оказалась явно мужской и большего размера, поэтому на маленькой грациозной фигурке висела мешком. После этого ей на голову бесцеремонно натянули вонючий мешок, связали руки за спиной и грубыми толчками и окриками выпихали из камеры.

В коридоре гуляли сквозняки, и тёплая одежда не спасала Руслану от холода.

По коридору её также вели с помощью окриков и оплеух. Идти пришлось довольно долго. Неоднократно коридор поворачивал, и женщина больно ударялась о стены. Сторожа же находили в этом повод для насмешек и очередной доли толчков.

Наконец, она почувствовала сквозь ткань мешка свежий воздух и догадалась, что уже оказалась во дворе тюрьмы. Прямо перед ней со скрипом раскрылась какая-то дверь, и очередным тумаком в спину её впихнули. Споткнувшись, женщина не удержалась на ногах и повалилась на железный пол. От болезненного удара головой о металл Руслана невольно вскрикнула.

— Кто здесь? Это ты, Руслана? — услышала она из темноты едва знакомый голос. Спрашивающий был явно ослаблен.

— Владимир? Ты тоже здесь? — хоть страх терзал её, но от близости родного человека стало чуточку легче.

— Не разговаривать! — и она ощутила удар дубинкой по рёбрам, а потом и услышала звук второго удара, который, видимо, достался её мужчине.

После этого дверь снова скрипнула, взревел мотор, а пол под ними затрясся.

Как могла, Руслана подползла к Владимиру. Быть ближе к нему было её горячим желанием сейчас — чтобы ощутить незримую поддержку ближнего, да и согреться не помешало бы. Но маленькая радостная мысль от того, что она сейчас не одна, быстро сменилась тревогой за его здоровье. Как только она положила голову на его грудь, как услышала невольный стон боли, а потом и тяжелый хриплый кашель. Видимо, ему пришлось не легче, чем ей.

Машина долго трясла на ухабах, прежде чем снова скрипнула дверь. Их вывели также грубо. Только в этот раз с них сдёрнули вонючие мешки и развязали руки.

— Ну, что, голубки, жить хотите? Тогда вам бежать! — и дальше загоготала дюжина глоток.

Парочка оглянулась в ту сторону, куда указала рука старшего сторожа. Перед ними лежало бескрайнее заснеженное поле.

— А если нет? — прохрипел Владимир.

— Тогда вам сюда, милочки, — и снова гогот.

Рука сторожа указала на свежерытую яму.

— Так что вам ближе?

Поняв, что им только что показали на собственную могилу, они побежали.

Бежать пришлось по рыхлому снегу, постоянно проваливаясь где по колено, а где по пояс. Неудобная одежда сковывала движение. Со спины доносилось гиканье охраны, но вскоре оно стихло. А в небе появилась огромная крылатая тень.

Руслана замерла от ужаса, осознав, что на неё с неба несётся самый настоящий дракон, и не смогла сразу среагировать на запущенный в неё поток пламени. Спас от огня её Владимир, оттолкнувший любимую. Прежде чем зарыться лицом в колючий снег, женщина увидела живой костер на том месте, где только что был самый родной на свете человек.

Казалось, сердце остановилось. Боль утраты погасила рассудок. Руслана лежала и смотрела надвигающийся огонь. Она не чувствовала боль от вонзённых в живот огромных когтей чудовища. Агония любимого погасла в глазах, лишь когда смрадная пасть заглотила её голову.

Огонь проникал под жилы, разливаясь приятным теплом. Спина выгнулась от боли. А огонь из союзника стал врагом. Руки покрылись чешуей, превращаясь в лапы. Появились крылья.

Лицо обернулось вытянутой мордой с длинными клыками и парой рогов. Дохнув пламенем, Ярополк не узнал себя. В зеркале, что принёс давеча Серый Святой, отображался дракон. Настоящий! Живой!

Царапнув когтями по стеклу, мужчина всё же понял, что он и есть дракон. И вдруг всё, что испытывали эти существа столетиями, обрушилось на него как лавина. Ярость, жажда разрушений и золота, месть и боль потерь обрушились на его разум, от чего он взвыл. Вой был ужасен и грозен, а потолок опалил выдыхаемый огонь.

Накануне они долго вели беседу с Моесилом.

По странной логике, Серый Святой признал его своим прямым родственником. Ярополк даже не стал вникать в кровную связь с самым могущественным человеком этого города. Он уже неделю назад для себя решил согласиться со всеми его предложениями, обещаниями силы, чтобы стать сильнее, чтобы вырваться из своего гнетущего существования. А насколько они будут вместе — решит только случай.

Да, он уже был готов предать своего благодетеля. Предать, как только станет сильнее и пропадёт необходимость покровительства родича.

Моесил открыл ему источник силы. Ярополк же, как шаман, смог быстро распознать его струны и потоки. Разум быстро свыкся с новым познанием, и овладеть силой и обликом могущественнейшего из созданий природы не составила труда.

Кто-то неосторожно открыл дверь. Зверюга даже не стала определять причину беспокойства — огненный шар у дверей всё ещё кричал от боли, когда в помещение зашел Его Серейшее Святейшество с понятой в повелительно-успокоительном жесте правой рукой.

— Пора, друг мой, — и сделал знак следовать за ним.
Да, сегодня будут первый полёт и первая охота.

Ярополку нравилось быть в теле дракона. Он чувствовал невероятную мощь, потоки силы в собственном теле. Ветер, что поддерживал его полёт. Дракон стал частью его самого, стал его сутью, выражением всех его чаяний. И какая разница, что это подарок Моесиля?

Как он раньше не замечал, что дракон — такое могучее существо? Почему в своих снах он так часто отказывался от этого? Теперь и без погружения он мог стать драконом. Ловить животных, выполнять поручения старика и стать самим собой.

А ещё ему нравилось убивать. Да-да, именно убивать. Первое двойное убийство воскресило в нём животные инстинкты. И он с радостью воплощался в чудовище.

Обустроившись на вершине горы в уютной пещере, теперь уже дракон наслаждался своей властью. Над людьми и деньгами, ибо ему полюбили воровать девственниц и золотые монеты. Золотые монеты, кубки, украшения он скидывал в самую дальнюю от входа пещеру. Но вскоре пришлось выделить под червоный металл новое помещение, а затем ещё одно...

С дочерьми человеческими дело обстояло несколько иначе. Для их заточения всегда хватало самой маленькой пещерки — много их не водилось. То ещё в пути помрет девица от разрыва сердца, то он в первую же ночь силушку свою неподражает. Нет, находились, конечно, кто был посильней, кто из юных красавиц выживал, но их век был недолог. Или вечное нытьё их ему надоест, или же сбежать надумают. Итог всегда был один — сытое урчание драконова желудка.

Его не беспокоило отсутствие рядом супруги. Образ Даринки будто кто вытер из его памяти, как только он в первый раз обратился в змея летучего. Он не искал её, не жаждал узнать новости из её жизни. Она не существовала более для Ярополка.

Одним словом, жизнь налаживалась.

Единственное, что пока беспокоило его, так это постоянные приказы старика. Сделай это, сделай то... Совсем замордовал старый хрыч. Но Ярополк пока сдерживал своё негодование: нужно ещё больше узнать о силе, познать природу своего могущества. Ведь, несмотря на такой щедрый подарок, родственничек даже и словом не обмолвился, почему именно Ярополк оказался его выбором. А в этом нынешний дракон чувствовал некий подвох.

Моесил же потирал руки. Он наконец-то обзавёлся верным союзником и милой зверюшкой. Да, зверюшка оказалась с норовом и порой взбрыкивала. Но, во-первых, не был бы он Серым Святым на протяжении двух с лишним веков, если бы не предвидел этого. А, во-вторых, за то, что эта тварь выполняла и ещё выполнит, можно и позволить кой-какие вольности. Главное, чтобы своего предназначения глупый родственник не забывал.

Козьма вновь брёл по знакомым лесным тропинкам. Сегодня ему предстояло объединить всех своих союзников. Та ещё проблема. Ладно, деревенских пахарей подружить с кочевыми пастухами. Хоть и есть поводы для взаимных обид и распрей, но всё же один хлеб едят. А вот как люди воспримут оборотней с лешим во всей красе? Но выхода не было. Иначе никто из них не выстоит перед напором города.

Козьма оказался не готов к такому напору: оборотней обвиняли в том, что они скот у доброго люда режут, волшбой падеж скота устраивают, посева вытаптывают. Самому

Егорию деревенские ставили неумение обуздать зверей лесных да дружбу с нечистью болотной. Кочевники, хоть и реже встречались с волчьеголовыми, готовы были припомнить им все свои обиды и поддерживали. Ощущая такую подмогу, деревенские то с удвоенной силой наседали на лесных обитателей, то остервенело набрасывались на степных своих союзников-недрузгов. Обратни тоже не сидели молча, а вспомнили каждого убитого и замученного сородича.

С каждым мгновением сорище на опушке леса было всё ближе к полноценному сражению.

— Послушайте, — гаркнул Козьма, — если мы продолжим ссориться, то перед мощью городских не выстоим. Давайте забудем все распри и дадим отпор. Вместе.

Ответом ему поначалу были лишь хмурые озлобленные взгляды исподлобья. Но неожиданно слово взял Егорий.

— Прошу сердечного прощения у всех, кого вольно иль неволью обидел я или же мои лесные братья. Я вместе с вами скорблю по каждому павшему в нашей извечной ссоре. Но мудрый Козьма прав: нужно забыть вражду перед лицом общей опасности. Да, общей! Мы потеряем свои леса, поля, дома, если не сможем вместе противостоять городскому карлику. Ибо не только серые монахи да вояки набегут, но и силушка пострашней. О которой ни мне, ни вам не доводилось даже слышать.

— Ты пойдёшь ему ещё и веришь, старику то полоумному? — зло выкрикнул кто-то из пастухов, но тут же замолчал, сплевывая зубы.

— Прошу простить неразумного за оскорбительные слова, — произнес смуглый вожак степняков, потирая кулак, — но вопрос он всё-таки задал насущный. Почему, Козьма, мы должны верить тебе или лешему твоему?

— У вас просто нет другого выбора, — спокойно отвечал дед. — Или вы присоединяетесь к нам, и мы худо-бедно противостояем Серому городу. Или же вы остаётесь одни, и рано или поздно к вам явится враг. Вам решать и выбирать, достойный Хасан-гири.

— То есть, вот так просто поверить на слово? — не унимался всадник.

— Да, — был короткий ответ хором трёх старейшин и лешего.

Ещё недолго шли препирательства на сходе, но стороны пришли к единому мнению, и союз был заключен.

После общего схода Козьма решил отдельно ещё перетолковать с Егорием. Вдвоем они уединились на заросшем берегу лесного пруда.

— Здесь никто не помешает нам? — спросил Старейшина.

— Нет. Местный водяной никого незваного к себе не впустит, а землю вокруг мои внуки стерегут, — заверил леший. — Козьма, как думаешь, Даринка может ко мне вернуться?

— Не могу тебе этого обещать, вспомни, как в прошлый раз вышло. Баба-то своенравная из пигалицы выросла. Одно ведомо, что коль спасти её из каменных стен будешь, то и шанс появится. Главное, рук не покладай, даже если впервой откажет.

— И на том спасибо. Спасибо, что не отвернулся от меня да поддержал.

— Да брось уж, какая ни есть, но родня всё-таки мы, как ни крути. Ты лучше скажи, скумекал чего про спасение внучки моей, али мысли появились какие?

— Скумекать-то не скумекал, а вот пара мыслишек возникла, — и леший ближе склонил голову к старику.

Через часок разлетелись вороны с того бережка и полетели в разные стороны, неся

весть, что дед с лешим нашептали.

Ворон постучал в окно. Голуба, то есть Даринка, сначала подумала, что ей показалось. Однако ворон продолжал сидеть на замызганном обветшалом подоконнике. А к его лапке было привязано послание. Увидев кусочек бумаги, женщина поспешила открыть окно. Грозная птица вальяжно перелетела с окна на спинку стула, деловито протянула лапку, к которой было прикреплено письмо, и громко каркнула.

Даринка подхватила со стола кусочек мяса, который тут же вороном был принят в качестве оплаты, и отвязала заветный клочок.

Ещё завидев черную птицу с посланием, она уже знала, от кого оно. Так передать весть мог только её дед Козьма. Поэтому её охватило некое радостное возбуждение, и от этого пальцы плохо слушались. Лишь с третьей попытки под неодобрительное щёлканье клюва отвязала бумажку и стала всматриваться в мелкие строчки.

Перечитав несколько раз, снова сложила бумажный клочок и упрятала его в корсет. И тут же на подобном кусочке обёртки из-под хлеба нацарапала ответ:

«Ждите через седмицу у южных ворот».

Подписывать не стала, а просто привязала к птичьей лапке, угостила ворона ещё одним кусочком мяса и выпустила птицу в окно.

И стала накрывать на стол, ожидая Константина, гадая, сможет ли он бросить всё в городе и убежать с ней? Сможет ли оставить свою семью ради оборотничества и начать жизнь сначала?

Каша подгорела от подступающего комом в горле волнения. Кисель, что варился на печи, убежал, но она вовремя успела спасти кухню от собственного погрома.

— Что с тобой? — первым делом спросил Константин, заметив её беспокойство.

— Деда дал о себе знать, — поделилась Даринка, — мне нужно уйти из города как можно скорее.

— А как же я? — удивился Константин.

— А что ты, — пошла в яростное наступление женщина — У тебя своя семья! У тебя обязанности! А я с боку припёку.

— Дура! Не говори так, — в свою очередь взвился мужчина, — ты дорога мне.

— Так дорога, что ты готов со мной сбежать из города?

Какого чёртового батюшки он снова здесь! Курва доморошенная! Падла деревенская, вечно под ногами путающаяся!

Его Серейшее Святейшество метало гром и молнии. Пред глаза Ахмыла предстал разгромленный кабинет господина. Сам же хозяин кабинета стоял посреди наведённого хаоса и извергал проклятия в адрес неведомого соперника, подняв взор к потолку.

— Ваше Серейшее Святейшество, позвольте? — непринуждённо спросил адъютант.

— Да! И поживее! — прорычал тот в ответ. — А дверь кто закрывать будет?

На это он лишь хмыкнул про себя и, крадучись, будто кошка за мышкой, подошёл к своему повелителю и другу.

— Позвольте узнать, что случилось?

— Что случилось? Да много чего случилось! — хоть Серый Святой и продолжал орать как белуга, но взгляд его становился всё более осмысленным. — Много чего произошло ночью и этим утром! Но всё можно назвать именем одного человека. Козьма-Старейшина! Будь он трижды неладен и трижды испепелён в пекле!

— А он тут при чём?

— При том! Его внучка попыталась сегодня выйти из моего города. Моего! Ярополк же совсем от рук отбил, требуя за выполнение моих заданий всё больше и больше золота.

— Так, может, отправить её на съедение дракону?

— Нет, — прогремел Серый Святой, — опасно. Они знакомы. Если шаман вспомнит кто он на самом деле, всем несдобровать.

— Так если не ваше чудовище, то кто тогда её остановит? — слегка недоумевал Ахмыл.

— Хм... Ты думаешь, что я настоль плох? Что у меня только один способ защитить свои интересы?

— Ваше Серейшее Святейшество! Конечно же, нет! Только, по-моему неразумению, я никак не могу понять, как её удалось схватить.

— Если бы... Сбежала, стерва, вместе со своим полубовником и ещё какой-то женщиной. Ну, ничего, побегает побольше — побольше утомится, — после этого Моесил, наконец-то, позволил себе сесть в кресло и продолжил уже более размеренным тоном: — Неудивительно, что ты не смекаешь. То дела давних дней, тебя еще не было в городе. Когда зарождалась идея сторожей, я вложил одно знание, очень могущественное знание в эту затею, а после уничтожил всех свидетелей. Эта сила досталась от моей прабабки буквально кровью и потом.

Константин и Даринка остановились на краю рощицы старого заброшенного лесопарка и затаились. Здесь до стены путь был самым коротким, но остаток пути приходилось на заснеженную пустошь с четверть версты. Здесь они будут видны отовсюду как на ладони, хоть со стены. А как охраняют стену, Константин знал не понаслышке, благодаря своей работе в Центре Становления Сторожей, где сам принимал участие в разработке программы подготовки охранников.

У беглецов был лишь один шанс добраться до стены незамеченными зорким взором наблюдателя — перекинуться в серых хищников. Мужчина уж было собрался махнуть спутнице рукой, показывая, что уже пора, как к ним из-за деревьев слева, утопая в снегу, двинулась женская фигура.

— Возьмите меня с собой, — проговорил знакомый голос. Константин облегченно

выдохнул: это всего лишь его жена.

— Возвращайся домой, к детям, — велел он.

— Я без тебя не уйду! — запрочитала Адила.

— Детям нужна мать, — настаивал на своём Константин.

— Иш ты, как заговорил! — сразу же сорвалась женщина на визг. — Как с другой бабой бежать из города, так про дочерей и не вспомнил! А как верную жену с собой взять, так «детям нужна мать»! Им ведь и отец нужен, миленький!

— Если ты не поняла, то мы пытаемся скрыться, а не в увеселительное путешествие отправиться. Так что будь милостива, сбавь тон, Адила, — пытался урезонить супругу мужчина. — Как будет возможность, я вернусь за вами. Но сейчас на меня и на Даринку открыли охоту, и мы вынуждены бежать.

— А нечего было за её юбкой волочиться, кобель проклятый, — не унималась та, — был бы любящим мужем и заботливым отцом — не прятался бы сейчас по сугробам! Я же знаю, что как спутался с этой сукой, так и получил свои неприятности! Книжки мудрёные стал почитать... — возбуждение сбивало её дыхание, и речь её стала прерывистой и спутанной, — ладно, меня ты никогда в грош не ставил кроме первой ночи... Я всегда для тебя была лишь подстилкой... Так и от дочерей стал отгораживаться... Я же была в твоём кабинете, ходила к твоему начальству...

Её заставила прекратить крик звонкая оплеуха. Это Даринка, которая всё это время держалась в тени разлапистой ели, подошла к ней и, задав пощёчину, произнесла:

— Адила, прошу вас, замолчите, пожалуйста, если ничего не понимаете.

То ли от пощёчины, то ли от осознания скорой потери мужа на смуглом лице отвергнутой жены заблестели крупные слёзы.

— Что тут ещё понимать... — и женщина забилась в рыданиях, упав на снег.

Только Даринка, испугавшись собственного поступка, собиралась успокоить женщину, как Константин остановил её:

— Оставь её. Нам уже пора, а то здесь скоро будет полно сторожей.

Но было уже поздно. Спутница лишь молча показала рукой в сторону стены. Оттуда на них надвигалась цепь тёмных фигур.

— Сторожа, задери их духи неуспокоенных! — выругался мужчина.

— Адила, вам нужно бежать! — крикнула женщина-оборотень.

— Нет! Лучше спрячься за деревьями! Всё равно по следам быстро найдут. Только не смотри на то, что здесь будет твориться — ты не должна видеть! Поняла меня, Адила?

— По-о-ня-я-ла, — дрожащим голосом ответила она. — А... а вы как... как спастись будете?

— А мы не будем. Мы будем драться, — за него ответила Даринка.

— Нет, Константин! Я запрещаю тебе! Тебя же убьют!

— Другого выхода все равно нет. Давай, прячься уже!

Дождавшись, когда посторонний человек спрячется за ближайшими деревьями, пара приняла обличье волчьеголовых и ринулась на наступавших служителей Серого Святого.

Их порыв был яростен и привёл бы их к успеху, но что-то пошло совсем не так. Несмотря на необузданную животную ярость, звериную ловкость, человеческий ум и на отчаянную смелость, сторожа не расступились перед ними, а старались окружить их и отрезать пути для отступления.

Моесил уже расслабленно сидел в огромном кресле, почти утопая в подушках и потягивал вино из тяжёлого кубка.

— Конечно, дамочка отчаянная сорвиголова и смела, как и её хахаль, но всё-таки столкнулись они с более древней и мощной силой. Естественно, им не дали пройти за стену, — на мгновение старик прервал свой рассказ, чтобы ещё раз приложиться к кубку, — но, к сожалению моему преогромному, и схватить не смогли.

Ахмыл лишь молча слушал и наблюдал за своим другом и владыкой всего, что у него было в жизни.

— Как только они бросились в бой, сторожа выпустили всю ту силу, что я заложил в них при создании. Да-а-а... — задумчиво протянул серый властелин города, — могу представить, какое непомерное разочарование постигло беглецов... Вместо того, чтобы повергнуть противника в трепет своим перевоплощением в полулюдей-полуволков, они сами испытали такое давление на разум и душу, что другие от этого сошли бы с ума и до конца своих дней боялись бы открытых пространств. Но эти всё-таки смогли сдюжить и даже вырваться из кольца.

— А вы выяснили, Ваше Серейшее Святейшество, кто был третьим?

— Пока нет. Хотя догадки имеются, — Моесил поставил кубок с вином на стол и неспешно, по-старчески поднялся с кресла. — Наряды были направлены к домам оборотней. Если дом женщины-оборотня был предсказуемо пуст, то вот куда делись жена и две дочери Константина? Скорее всего, они сейчас все вместе, что не может не радовать.

— Что же радостного в этом, мой повелитель? Мы ведь могли ведь угрожать им, контролируя его семейство!

— Дурень! Ещё неизвестно, как он бы отнёсся к этому. Так-то он уже бросил жену с детьми. А сейчас противостоит мне всего лишь пара напуганных волколаков с обузой из трех человек. Когда ты уже начнёшь видеть столь очевидные вещи?

Ярополк жутко устал от скулежа девчонки. Она звала родных. Он пару раз дыхнул пламенем, чтобы она заткнулась, — не помогло.

Теперь девица ударилась в слёзы, перемежающиеся с истеричным смехом.

Дракон перешёл к угрозам — появился сверху её ямы. В третий раз дыхнул он пламенем. Но только больше испугал девушку.

«Вот нигде спасу от них нет!» — промелькнула мысль в драконьем мозгу.

— Я хочу домой, — верещала красавица, испытывая терпение Ярополка на прочность.

Не выдержав постоянные её мольбы и крики, разрывающие разум, дракон обернулся человеком, готовым прикончить женское создание в любую секунду.

— Замолчи! — рявкнул Ярополк. Его голос эхом прокатился по сводам.

— Верни меня домой, — запричитала девица.

Когда он появился рядом с ней, девушка не отпрянула, не закричала. Даже не испугалась.

— Я знаю тебя! — выпалила она. — Ты — шаман Ярополк.

— Ты кто такая? — не выдержал он.

— Я из твоей деревни, — ответила девушка, смотря куда угодно, только не в его глаза, — неужто забыл Полину?

Ярополка как громом ударило. Полина — эта маленькая девочка, ни на шаг от него ни отходила, бегала за ним как хвостик, постоянно расспрашивала о своей судьбе да просила

показать силу. Они не виделись несколько лет, и сейчас он с трудом узнал в юркой и жизнерадостной любимице деревенских жителей ту самую. Её золотистые волосы расплелись и волочились по земле. Грязный сарафан оказался разорван в нескольких местах, оголяя участки тела.

И его взгляд невольно обращался к её полуголым ногам. Мужчина с трудом пересилил себя, дабы не натворить бед. Оставив её вопрос без ответа, он, гонимый виной, улетел.

Поутру он обнаружил себя подле неё, совершенно не понимая, как это оказалось возможным.

Проснувшись с первыми лучами, Ярополк почувствовал, как своими ручищами очень крепко прижимает чьё-то хрупкое тело к себе. Чьи-то волосы приятно щекотали небритую щёку.

Открыл глаза, и увидел перед собой её золотистую макушку. Девушка использовала его руку как подушку. Полина мирно посапывала, грудь волнующе поднималась и опускалась от мерного дыхания.

Осторожно освободив руку, Ярополк встал и ещё раз рассмотрел пленницу. Безусловно, это была та самая Полина. Даже отпечатки неволи, что уже легли на нежное лицо, не могли скрыть её красоты. Мужчина с облегчением отметил, что не натворил вчера ничего страшного — одежда девушки была цела, а на коже не появилось новых синяков и кровоподтеков.

Набросив тёплое одеяло на уже начавшую зябнуть Полину, он покинул своё логово.

Дракон рассекал крыльями воздух. Но его не покидали мысли о девушке, что не может покинуть его убежище.

Константин как сейчас помнил своё знакомство с женой. Адила тогда говорила на незнакомом ему языке, работая в таверне. Да и ему она напоминала заморскую царевну.

Адила с блестящей от загара кожей выглядела дико среди бледных людей. Он её запомнил сразу и поспешил познакомиться.

В тот же вечер, оставшись наедине, она стонала под ним, шепча на тарабарщине. А затем, выучив с помощью его их язык, сообщила, что ждёт ребёнка. Он же считал, что ночь с ней была лишь временным развлечением. Но бросить женщину одну с ребёнком не посмел. И сделал предложение.

Тогда же ему предложили пойти работать в Центр становления сторожей, он согласился. Таким образом, он имел и жену с малышкой, и должность. Да только счастье так и не заглянуло в их дом.

Когда Адила забеременела во второй раз, он не чувствовал радости. Зайдя в ту самую таверну, он напился до чёртиков, проклиная день первого знакомства.

Но он должен быть честен с собой — никто его не заставлял жениться, Адила даже слова не обронила о возможной свадьбе. Это было только его решение, продиктованное лишь его представлениями о чести, через которые он так и не смог переступить.

А она... Адила просто души в нём не чаяла. Содержала дом в чистоте и порядке. Пчёлкой трудилась, создавая уют семейного гнездышка, ловила малейшие желания супруга... Видимо, такая жена и делает мужей счастливыми, но не Константина... Ему не хватало чего-то, что он утратил десять лет тому назад...

Это грызло Константина всю жизнь и когда ему повстречалась Даринка, которая смогла вдохнуть в его жизнь новый смысл, ни капли не раздумывал, бросать или не бросать семью.

Но события этой ночи вновь вскрыли старую рану на душе.

Вновь он увидел в своей жене ту Адилу, которая свела его с ума при первой встрече, которая так страстно его любила, которая... Чёрт! Всё же решено! Он должен оставить, бросить и её, и дочерей! Уйти в неизведанное...

Козьма и Егорий с оборотнями затаились в небольшом кустарнике под городской стеной у южных ворот. Отряд верховых пастухов скрывался в подлеске за поворотом дороги. Все с нетерпением ждали условного сигнала, который должна была дать Даринка с той стороны стены.

Ожидание становилось невыносимым. Уже каждый из передового отряда поглядывал на небо, где звезды гасли одна за другой, а восток неумолимо начинал приобретать краски, более соответствующие рассвету, нежели ночи.

Лесняр тут осторожно похлопал Старейшину по плечу.

— Чего тебе? — недовольно буркнул тот.

— Дед Козьма, глядите. Кто-то из степняков к нам перебирается.

Через несколько мгновений в кустарник вломился Хасан-гири.

— Сколько вы намерены еще ждать неизвестно чего? — он не мог и не желал скрыть своего нетерпения. — Мои люди желают уже действовать!

— Полечь костями они не желают? Или вы уже условленный знак увидели, который мы пропустили? — отвечал вопросом на вопрос деревенский глава.

— Козьма, пойми же, наконец. Это вы можете по ползими на печи валяться, а мы, кочевой люд, привыкли всегда действовать. Если уж повели кочевников на дело, так предоставь им возможность действовать, а не подобно бабам и детям по кустам прятаться.

И тут словно для него раздался условный сигнал — вой волка. Люди засуетились, готовые в любое время прийти Даринке на помощь. Егорий забеспокоился — уж больно вой вышел каким-то жалким и уставшим. Значит с женой что-то случилось.

Молодая кровь ударила в голову. И Егорий повел отряд к стене, наплевав на предостережение Козьмы о возможной опасности. А вслед за оборотнями, не подчиняясь продуманному плану, кинулись и наездники Хасан-гири.

Старику лишь оставалось наблюдать за крахом безумной попытки удара. Естественно, что охрана городских ворот не могла не заметить того большого отряда, пусть и прикрытого предрассветными сумерками. Кони пастухов подняли столько пыли и шума, что даже мертвецы бы обратили внимания. Нападавших встречал полностью готовый к бою отряд сторожей.

Первые всадники были выбиты из седел еще на подступах к воротам. Без потерь до укрытий противника смогли проскочить только оборотни. Но их сил было явно не достаточно: враг превосходил числом — на каждого волчьеголового приходилось десятка по полтора городских воинов. Первая же атака кочевников была рассеяна, и Хасан-гири спешно собирал людей для нового удара.

А тем времени стража теснила волколаков, и когда кочевники ударили вновь, то было уже поздно. Несмотря на свое неумное желание добраться до своей бывшей женушки, Егорий вынужден отдать команду на отступление, стремясь сохранить свою стаю. Из-за этого новая волна лихой конной атаки рассекла пустоту, и кочевники оказались зажаты между городскими стенами и воинством. Мало кто уцелел в этой бойне.

Полина следила исподлобья, смотря, как Ярополк пытается ей объяснить, что с ним ей будет плохо, что она не выдержит другой его сущности — дракона, что она в опасности... И

много чего ещё, так же казавшегося белибердой.

Впервые видя его таким беспомощным, и чтобы прервать яростный спор мужчины с самим собой, Полина приблизилась к нему и оставила поцелуй на губах. Ярополк замер от неожиданной выходки пленницы как истукан, когда она терпеливо ждала ответа. Но его не последовало. Вместо этого он оттолкнул её от себя.

— Никогда так больше не делай! — выкрикнул мужчина.

Горькие слезы обиды готовы были сорваться с ресниц, но девушка поборола жалость к самой себе и просто тихонько отошла в сторону, давая возможность разгневанному дракону покинуть пещеру. Только после этого она дала волю эмоциям.

Если поначалу он считал её надоедливой мухой, которую стоит прихлопнуть, то теперь многое изменилось, очень многое. После той ночи, когда он не осознанно обогревал ее своим теплом, словно мать ребенка... после её мимолетного прикосновения губами... все встало с ног на голову. Он готов целовать её снова и снова...

Что-то сломалось в нем из-за этой девицы. Что-то стало не так. Он не мог дать даже самому себе ответ, но стало очевидным, что его жизнь вновь идет на слом.

Он готов целовать её снова и снова лишь бы дракон никогда не появлялся. Лишь бы снова чувствовать себя живым человеком, а не машиной для убийств. Рядом с ней. Это сводило с ума.

В то же время девчушка будто сняла пелену с глаз. Действия Серого Святого в новом свете казались ужасными, неправильными. А подчинение ему — какой-то игрой судьбы. Но он уверен — просто так его не отпустят. Никогда. Но он не собирался больше причинять боль! Только не ей. Только не в облике дракона.

Воля пробуждалась ото сна. Однако, ничем хорошим не обернулось бы. И Ярополк понимал как никто другой — сейчас лучше подчиниться, а потом сбежать. Может, даже с Полиной. Куда-нибудь далеко.

Серый Святой решил проверить дракона. Он никак не ожидал, что Ярополк даже не узнает его! Ещё хуже — он вдругдохнул пламенем, и старик еле успел спрятаться за ближайшей колонной.

Огнедышащей зверь посчитал его, видимо, охотником за богатством. Стоило ему выглянуть из своего укрытия, как пламя коснулось лица. Святой завопил, убегая. Ринулся в снега на вершине горы. А потом, понесся в свою келью, и вызвал лекаря. Правая сторона лица теперь вся была в ожогах. Он еле терпел, пока лекарь накладывал чудо-мазь.

— Мой господин, к моему превеликому сожалению я вынужден констатировать, что былой облик вернуть не удастся, — голос целителя был чрезвычайно тонким, писклявым, как у мыши, и не скрывал страха, — Что могло нанести такие ожоги я не понимаю...

— И не поймешь! Пошел вон, болван! — грубо оборвал его Моесил и буквально вытолкнул взащей.

— Да, что этот родственничек себе позволяет! Возомнил себя зверем бешеным! Уже хозяина своего не признал! Ну, ничего... напомним тебе, кто здесь главный, напомним... На цырлах еще ползать будешь, родственничек. Ты, кажется, себе новую игрушку завел? Ну, так придется делиться, дорогой мой! На блюдечки с голубой каемочкой поднесешь, да еще спасибо скажешь, что так легко отделался, — вел разговор сам собой старик пока мерил свою спальню широкими шагами.

Им с огромным трудом удалось уйти от преследователей. Константин настоял на том, чтобы забрать от престарелой соседки дочерей. Конечно, рядом с ним ни Адила, ни девочки не были в безопасности, но оставлять их одних, когда сам вступил в открытое противостояние с самим Серым Святым и его прихвостнями... С таким же успехом можно было самому выбить из них дух. Слишком сильно врезалась в память история Криса и Марго.

Память о погибшем друге и подсказала место временного пристанища. Он легко провел своих спутниц по задворкам домов, ибо прекрасно изучил местные окрестности еще с детства, когда вместе с Крисом обчищали соседские сады, а потом и прятались, украдкой распивая сташенное родительское пойло или выкуривая запретные сигареты.

Вся честная компания смогла пробраться в дом с заднего входа, не привлекая постороннего внимания. Двери конечно же были закрыты, но Константин знал, где Крис с подругой прятали запасной комплект ключей.

За почти годовое отсутствие хозяев в доме все пришло в запустение. Толстый слой пыли покрывал все поверхности. По углам пауки раскинули свои сети. А воздух был сперт и душил.

Первым делом Константин и Адила уложили хоть и перепуганных, но возбужденных интересными, как они их называли между собой, приключениями детей. Задача была та еще. Дочери без умолку болтали, задавали непомерное количество вопросов.

Даринка же оккупировала кухню. Обследовав все шкафчики и холодильник, она смогла на скорую руку приготовить из сохранившихся продуктов довольно сносное жаркое. Только посетовала, что было бы молоко, то все получилось бы гораздо вкусней, и что детям молоко просто необходимо.

После нехитрой трапезы Адила ушла спать, сославшись на чрезмерную усталость. Константин же хотел еще посидеть на кухне, допить выуженную из погреба бутылку заморского вина, но Даринка укоризненно посмотрела на него:

— Тебе не кажутся, что ты ей сейчас нужен как никогда?

— Хм... Я всегда ей нужен... а вот она мне...

— Или ты сейчас идешь к ней, или же я уйду еще до рассвета.

— Да куда ты пойдешь?

— Уж поверь — найду! Так что ты выбираешь?

Константин невесело посмотрел на недопитое вино и молча покинул кухню.

Адила заняла же всю постель, одиноко примостившуюся в углу комнаты. Мужчина помялся некоторое время на пороге и вошел. Жена смерила его брезгливым взглядом.

— Зачем явился? Шел бы к своей курве! — сразу набросилась она.

— Адила, у меня есть план. Мы покинем через пару дней город. Тебя с детьми укроем у Аксиньи. Она приходится родственницей Даринке. А...

— А ты со своей любовницей пойдешь другой дорогой, так?

— Так.

— Прекрасный план. Испоганил мою жизнь. Натравил на меня сторожей. А теперь еще и поджав хвост бросаешь одну с дочерьми!

— Послушай меня, Адила, милая. Я о вашей безопасности...

— Ты меня любил?

Вопрос застал Константина врасплох. И правда, любил ли он её. Или страсть затуманила голову, позволив сломать не только свою судьбу, но и Адилы.

— Я думал, что любил, — все-таки решился сказать он.

— Тогда уходи! — закричала жена. — Дочерей я смогу воспитать и без тебя. Уходи!

Оставь меня одну с детьми. Уходи, прошу.

— Ты этого добивалась? — злобно бросил Даринке, когда вернулся на кухню.

— Чего этого?

— Она меня даже слушать не пожелала. Я противен ей!

— А чего ты ожидал, когда решил оставить семью? Хвалебных песен? Поток благодарностей? Это твое решение, а не мое. Сколько раз я говорила тебе, что нам стоит прекратить все?

— Ладно-ладно... Прости. Погорячился я. Просто такого выслушать я оказался не готов. Думал, что все будет проще.

— Так может все-таки мне стоит уйти? Еще не поздно все поправить...

— Что поправить? Милость Серого Святого купить? Или любовь к нелюбимой женщине? Не говори ерунды! Ты сама прекрасно понимаешь, что мы нужны друг другу, что не выживем поодиночке.

Но никто никуда не ушёл ни на утро, ни на следующий день. Пять человек... вернее, трое людей и два оборотня сидели в доме, как в осажденной крепости. Константин лишь изредка предпринимал ночные вылазки. В поисках продуктов он проникал в оставленные без присмотра соседские дома и тащил всё, что мог унести.

Так не могло продолжаться долго. Это понимали взрослые, но не дети. Они радовались своему положению, как новому приключению. А то, что каждое утро их не будили в школу, само по себе было счастливым событием. Они с удовольствием коротали зимние денёчки в обществе родителей. Да и новая знакомая была с радостью принята в компанию.

Женщины же между собой находились в состоянии молчаливой озлобленности. Если Даринка в первое время пыталась поговорить с невольной соперницей, возможно даже, по душам, сгладить противоречия, то, столкнувшись с неприязненным отторжением Адила, приняла её же политику молчаливого игнорирования.

Её, как и Константина, больше тревожило вынужденное заточение в этом заброшенном доме. Чем дольше они здесь находились, чем больше Константин был вынужден совершать набеги на дома соседей, тем больше было шансов привлечь ненужное внимание. А вестей от деда так и не поступало.

От вынужденного безделья она навела порядок в этом пристанище. Отмыла грязь и пыль со всех стен и полов, убрала паутину, надраила посуду...

Она осталась один на один со своими мыслями. Адила где-то наверху читала сказку детям. Константин же решил развезаться и добыть ещё немного еды. И в этот момент постучали в дверь.

От неожиданности женщина заметалась по комнате, где производила уборку. Кто там? Неужели их уже обнаружили? Что делать? Но подавив приступ паники, Даринка всё-таки подошла к двери и отворила, готовая в любую секунду либо захлопнуть, либо закричать.

Но её ожидал совершенно неожиданный гость. На пороге стоял Егорий, сверля жену пристальным взглядом.

— Ну, здравствуй, что ли, — проговорил Егорий, — любимая жёнушка. Смотрю, ребёночка носишь от другого.

— Не твоё дело! — сразу огрызнулась женщина, прикрывая руками округлившийся живот.

— Дело-то как раз моё, — возразил леший, приближаясь к ней, — я же к тебе не с пустыми руками явился. Меня Козьма прислал с сообщением.

— С каким сообщением? — глухо повторила она за ним.

— Он проводит Адилу и её дочерей до нового пристанища. А ты можешь идти куда пожелаешь со своим новым любовником, — тут же нашелся Егорий.

Даринка от радости чуть не завизжала как девчонка. Но вошёл Константин в пьяном виде, и счастье как рукой сняло.

— Кто это? — спросил Константин.

— Мой муж, леший Егорий, — ответила она, — Егорий, а это Константин, мой друг.

— Полюбовничек, значит... — прошипел леший.

Константин пригляделся к сопернику. Да как врезал ему! Женщина ничего сделать не успела, а Егорий и Константин сцепились как животные, молотя друг друга руками и

ногами, выкрикивая отборные ругательства. Они крушили мебель, катались по полу.

Даринка взяла ушат воды да вылила на обоих. Тогда мужчины чуть утомонились, а прибежавшая на шум и крики со шваброй в руке Адила увела Константина в другую комнату, пообещав привести его в порядок. Егорий, тяжело дыша, остался наедине с ней. Снова.

— Что ты творишь?! — воскликнула Даринка.

— А возмущает меня, гнетет, что жена моя спит с кем угодно, только не со мной, — закричал леший. — Так-то он первый кулаками махать начал, если ты вдруг не заметила.

— Если ты помнишь, я не хотела становиться твоей женой, — возражала женщина.

— Зато я спас твою задницу в этом чёртовом Сером городе, куда ты бежала с шаманом, а ты поблагодарить даже не удосужилась, — успокаиваясь, произнёс Егорий, — а только и можешь беды на свою да на чужие головы собирать! Как маленькая, честное слово.

— Спасибо, леший дорогой, что помог решиться сбежать от тебя, — съязвила Даринка, — да за то, что девственность мою без спроса!

— Да сколько можно об этом напоминать?! — и с силой захлопнул дверь. — Может, всё-таки выслушаешь сообщения? Или передумала бежать из своего премерзкого городишка?

— Давай только покороче, не тяни резину, а то как-то нет настроения тебя ещё здесь терпеть.

Ярополк выл от ярости. Его повелитель соизволил видеть Полину своей наложницей! Это никак нельзя допустить! Он прекрасно знал обхождение своего повелителя с этим родом прислуги. Но что же делать?

Не придумав ничего лучшего, мужчина-дракон решил выложить всю правду своей пленнице.

— Полина, тебе нужно уходить. Точнее, бежать, скрываться... — начал он, сбиваясь с мысли.

— Что произошло, дорогой? Неужели я тебе окончательно осточертела?

— Да... То есть, нет. Ты мне не осточертела! — чуть окончательно не запутался в словах. — Тебе грозит опасность, которую я не в силах предотвратить.

— Даже ты? Могучий дракон?

— Да, даже я. Мне велено доставить тебя к Серому Святому и преподнести как наложницу.

— И что ты собираешься делать? Подаришь меня своему Серому Святому?

— Нет, я не собираюсь так поступать. Я хочу, чтобы ты бежала, чтобы ты покинула эти места, где тебя могут схватить. Поверь мне, у него хватит силы и власти, чтобы силой вырвать то, что он возжелал.

— Но куда же я пойду, милый? Где я могу прятаться?

— Сколько раз я тебе говорил, что никакой я тебе не милый! Есть возможность добраться до деревни моей матери, а уж она то смекнет, где лучше переждать опасность.

— Вечно вы, мужики, за бабскую юбку прячетесь!

— Тебя чем-то не устраивает этот вариант?! Давай, давай. предлагай свой! Или сиди и жди, когда за тобой явятся, чтобы ты стала рабыней старого карлика-извращенца!

На утренней заре дракон отнёс девушку до невысокого холма у дороги, что вела на закат от города. Там он оставил Полину, клятвенно пообещав найти её при первой же возможности. А напоследок подарил ей прекрасное золотое кольцо, витиеватый узор которого венчал прекрасный дракон.

— О, милый! Я его никогда не буду снимать, пока ты не разыщешь меня, и со слезами на глазах горячо поцеловала сначала подарок, а затем и дарителя.

На том они и расстались. Почему-то Ярополк при всём желании не мог убедить самого себя, что они увидятся вновь.

Полина прижимала подарок к себе как величайшую драгоценность мира. Слёзы текли по миловидному лицу. Но оборачиваться она не решилась — боялась, что не сможет сдержать своих чувств, и тогда Ярополк навсегда будет потерян для неё.

Моесил сидел посреди главного зала на своем троне. Хотя лишь по традиции огромное мягкое кресло носило это гордое название — «трон». Старик давно уже не мог терпеть никакой мебели для своего гузна, кроме той, что была обшита мягкой тканью и набита лебединым пухом. Возраст уже брал своё.

Серый Святой принимал гостей с плохо скрываемым нетерпением. Его пальцы отбивали дробь на подлокотнике. Он ожидал самого последнего гостя, гостя с подарком, и был немало удивлён, когда Ярополк вошёл в зал, так сказать, с пустыми руками, без подношения своему повелителю и благодетелю.

— Ты посмел явиться без назначенного подарка?

— Прошу покорнейше простить, Ваше Серейшее Святейшество, но так вышло, что девчонка сбежала во время моего отсутствия, — ответил родственничек, склонив голову и припав на колени.

— И ты не смог её поймать? — раздражение сквозило буквально в каждом звуке его речи.

— Именно так, повелитель. Я нашёл её следы, но они уходили глубоко в лес на севере, а в лесу, как вам известно, не силён и не имею ловкости, — мужчина по прежнему не поднимал глаз от пола.

— Пройдём со мной, голубчик, — Моесил поднялся из своего кресла и направился к балкону, даже не посмотрев, следует ли гость его указаниям.

Четверо сторожей было собралось сопровождать его, но городской владыка жестом отослал их вон. Сам же, подойдя к витым перилам, облокотился и стал

смотреть на полную луну. Ярополк же молча проследовал за повелителем и встал чуть в стороне. Какое-то время они стояли в молчании.

— Сегодня на удивление большая луна. Не находишь, сын мой? — наконец прервал молчание Серый Святой, — Слышишь, как волки на неё воют? Уж не по тебе ли, Ярополк? — повернулся к провинившемуся.

— Это угроза, повелитель? — тот наконец-то посмел взглянуть прямо в глаза. Моесил не заметил в его взгляде прежнего подобострастия, — Ваше Серейшее Святейшество знаете же, что волк не соперник дракону.

— Неужели в мои слова значат для тебя угрозу, Ярополк? Что ты! Если бы я угрожал, то ты бы испытал вот это, — и с его пальцев слетели две молнии и обхватили дерзкого выскочку.

Бывший шаман забился в конвульсиях от нестерпимых страданий. Старался не закричать, но через пару мгновений боль сама вырвалась нечеловеческим криком. Моесил же, чуть ослабив страшную хватку, продолжил:

— Это я предупреждаю. А волк дракону действительно не соперник, но оборотень шаману... Ты прекрасно знаешь, паскуда, что всем обязан мне, и что сила твоя мой дар,

который я с такой же легкостью и отниму, поганый мерзавец. Как был сукиным сыном, так им и остался. Так научись уже у сук преданности хотя бы. Ведь если лишишься моей благосклонности, кто тебя уберезит от твоего закадычного дружка Егория, а? — и, перешагнув через обессиленного собеседника, двинулся прочь.

— Всё, сегодня мы уходим, — объявила наутро всем Даринка.

— Куда же мы пойдём, соизволь узнать? — поинтересовался Константин, — Или ты сможешь одолеть могущественных стражей?

— Нет, не смогу, но мы сможем их миновать, не привлекая внимания.

— И как же?

— Стая Леснъяра будет отвлекать их внимание у западных ворот. А в четырех верстах к северу будет подготовлен лаз, где нас и будут встречать мой дед и Егорий.

— Этот, что ли? — спросил Константин и погладил распухшую челюсть, — Ну тогда я совершенно спокоен за удачный исход.

— У тебя есть другое предложение? — зло бросила Даринка. — Или ты предпочитаешь сидеть здесь и ждать, когда придут сторожа?

Мужчина в ответ лишь неопределённо пожал плечами.

— То-то же. Адила, собирай дочерей, мы с закатом выступаем.

— А если я не желаю идти с вами ни за какие коврижки? — оскалилась та.

— А за какие коврижки ты хочешь попасть в застенки к Серому Святому? Помнишь, я тебе рассказывал о Крисе с Марго, о бывших хозяевах этого дома? На себя плевать, так о девочках подумай, — разразился Константин, и препирательства на этом закончились.

Все молча разбрелись собирать вещи и припасы на дорогу.

Шестеро мерингов тянули тяжёлую повозку, на которой передвигался бродячий театр. Накатанная дорога ровно бежала под их копытами. Пушистые снежинки таяли на разгорячённых крупах лошадей.

На козлах в задумчивости сидел старый комедиант. Он уже и сам не помнил, когда в последний раз к нему обращались иначе, чем просто «комедиант». Да и самому уже вошло в привычку представляться таким образом, а не именем, полученным при рождении. Его мысли донимали раздумья о последних гастролях труппы. Какие они вышли? Успешные или провальные? Так сразу и не скажешь.

В Серый город они прибыли на местные гуляния в честь какого-то местного то ли покровителя, то ли божка средней руки. Он никогда не вдавался в вопросы веры местности, где ему приходилось гастролировать. Он ещё с младых лет взял эту привычку — просто повторять за местными их символы веры, но не пытаться разобраться в их верованиях. Пусть у них будет своя вера, а у него останется своя.

В разгар ярмарочных гуляний их представления, старые пошленькие комедии вызывали великий интерес у простого народа. Его дед ему сто лет назад поведал эту нехитрую мудрость: «У простого народа всегда в ходу только смех и пошлость. А высокие материи оставь господам, внучок». Банки под пожертвования зрителей не успевали опустошаться. Пару раз местные ободранцы срывали куш, но и оставшего металла хватала сполна. За три дня они получили столько денег, что могли бы позволить закатить пир горой всей труппой на целую неделю, как в самых богатых домах мира.

Среди публики мелкого пошиба комедиант не раз замечал лиц, которых по его

жизнейскому опыту он смело мог отнести к местным шишкам. И вот на третий вечер, когда его актеры уже разбрелись по значным местам пропивать свои суточные, к нему нагрянула местная стража. Четверо мордворота осмотрели повозку, и один из них махнул кому-то снаружи. По сигналу внутрь протиснулся весьма тучный невысокий человек, и протянул комедианту бумагу со словами: «Соизвольте исполнить, как сообщается в письме», — и ушёл.

Сердце старого комедианта билось как загнанный зверь. Волнение перехлёстывало через край. Дрожащие пальцы с трудом развернули пакет.

«Настоящим предписывается получателю вместе и сотоварищами явиться завтра на закате в Ратушу для увеселения Совета города. При себе приглашённым иметь костюмы и декорации для своего представления перед великими мужьями города.

Представитель Его Серейшего Святейшества

Ахмыл Высокий»

Пьеса собственного сочинения, по всей видимости, нашла отклик у высокой публики. Старый комедиант замечал в глазах глав города неподдельные интересы и сопереживания происходящему на сцене. В уме уже он прикидывал, как распорядиться таким неожиданным богатством. Но тут случилось непредвиденное: прямо посреди финальной сцены карликовый повелитель города вдруг резко встал со своего кресла и трижды громко и резко хлопнул в ладоши.

— Прошу внимания всех! — это было лишним, так как его фигура сразу же привлекла внимание всех присутствующих. Как только он вскочил с места, словно камень из катапульты, актеры замерли на сцене, а все зрители обернулись к нему. — Скажи мне, комедиант, плохо ли вас принимали в этом доме?

— Никак нет, Ваше Серейшее Святейшество, мы ни в чём не были притеснены и не знали нужды, — душа уже ушла в пятки, он уже догадывался, что произошло, но отказывался верить.

— То есть, мы были радушными хозяевами, щедрыми и благосклонными к дорогим гостям. А как называется гость, который позарился на имущество приютившего его? — лицедей лишь молча опустил голову, не смея смотреть на серого карлика, а говоривший щёлкнул пальцами поднятой руки.

По его знаку двое стражников волоком внесли младшего внука хозяина бродячего театра, Драмира, и бросили, словно грязную тряпку к ногам градоначальника. Тело внука осталось обездвиженным. Лицо и одежда несли на себе отчётливые следы побоев. Сердце деда защемило болью за внука и потерю богатств. Следом вошли четверо, неся в руках различную утварь. Её также бесцеремонно свалили у ног местного главы.

— Этот отрок был изловлен, когда, словно подлая крыса, пытался обчистить этот прекрасный дом. Мелкий воришка желал пожить богатствами людей, что были так щедры с вами, господа артисты, — Серый Святой говорил тихо, но его все прекрасно слышали. — По законам нашего славного города, вору полагается отрубить руку, поднявшуюся на незаконное обогащение. Но всё дело в том, что он был обнаружен и схвачен, когда нёс краденое в двух руках. Стало быть, виновный должен быть лишен обеих рук...

— Прошу, Ваше Серейшее Святейшество, пощадите нерадивого! — комедиант с шумом упал на колени перед Серым Святым и начал целовать подол его плаща. — Что угодно берите, но только пощадите его! Я могу отдать свои руки... — рядом с ним уже бухнулись сын с невесткой и принялись, также ползая на коленях за расшагивающим карликом, целовать забрызганный грязью край одежды.

— Вот как... А что ты готов предложить взамен? После случившегося не может быть и речи об обещанном вознаграждении! Чем ты заплатишь? И к чему правосудию твои руки?

— Мы сможем заплатить золотом и серебром, господин, — он подал знак, — только пощадите отрока! Мы готовы отдать, сколько запросите!

— И сколько же ты отдашь за его здоровье?

— Вот! Берите всё, Ваше Серейшее Святейшество! — и второй сын с ещё одним актёром внесли сундук с нажитым добром, — Ради Вашей добродетели не жалко ничего! Ради всего святого и Вашего заступничества за нас, грешных.

Серый Святой брезгливо оценил содержание сундука:

— Что ж... Наш Божественный Владыка велел нам, сынам его, быть снисходительными к грехам смертных и проявлять всепрощение. Забирай своего внука, и чтобы к восходу здесь не было ни твоего, ни его духа, иначе всё будете висеть на городских стенах как государственные преступники, — и покинул зал торжеств.

Казалось бы, они лишились всего. Но была ещё группа воров, которую он отправил в местную церковь. Её возглавлял его старший сын, и тот прекрасно справился со своим делом. Конечно, если бы всё выгорело, то они были бы сказочно богаты, а не просто богаты, как сейчас. Награбленного им хватит на размеренную, безбедную жизнь на полгода.

Наверное, всё-таки гастрологи стоит назвать удачными. Пусть не актерским мастерством, а воровством удалось озолотиться. Но, как говорится в народной молве, — «Деньги не пахнут».

А тут ещё и неожиданный подарок свалился буквально с небес, когда они уже полдня были в пути. На холмах, что они проезжали, заметили одинокий силуэт в женской одежде, который призывно махал им.

Комедиант вместе с сыновьями спустился на землю, и зашагал навстречу путнице.

— Здравствуйте, люди добрые, — голос мог принадлежать и ребёнку. — Хотела вас попросить подбросить, коли по дороге будет.

— И тебе не хворать, девица. А куда путь то держишь?

— Мне нужно добраться до закатного леса, что в трёх днях пути отсюда, батюшка.

— Хм... путь не близкий... чем оплачивать собираешься? — спросил старший, заметив на шее девушки массивное золотое украшение.

— Нет, этим не могу расплатиться, то семейная реликвия и дорога мне как память, — отвечала та, проследив взгляд старика, — но всё, что на мне есть, могу предоставить как оплату доброты вашей.

— Наряд твой, конечно, добр, и стоит немало. Но что ты зимой без него делать будешь, а мы с околевшим трупом? Готова постель старику греть?

— Наверное... — неуверенно промолвила молодая, густо краснея.

— Готова или нет?

— Да, готова, — ещё больше покраснела.

— А нам? — гогоча, заикнулись было сыновья, но старый комедиант быстро наградил каждого хорошей затрепачкой:

— Только мне. И точка. А то сами со своими бабами разбираться будете, — и молодые мужчины тут же зарделись пуще девицы.

И в первый же вечер она исполнила волю старика, подарив тепло и нежность юного тела его мерзнувшим чреслам. А потом поспешила забиться в дальний угол, кутаясь в платье и проливая горестные слезы. Не ему она хотела отдать невинность. Не ему.

Лицедей, сидя на козлах, смаковал прошедшую ночь и долго не замечал приближающуюся по небу точку. Из благостных раздумий его выдернул окрик невестки:

— Отец! Смотрите! — она дрожащей рукой указывала на летящего на них исполина. — Дракон!

— Елда бесовская! А ну, пошли, родные, коли жить хотите! — и он погнал коней, стремясь достичь такой близкой рощицы подле дороги.

Но полёт дракона был стремительней бега запряжённых в тяжёлой телегой меринов.

— Все прочь! Разбегайся!

Первая на его крик выглянула давешняя девица.

— Ярополк! Ты меня нашёл! — закричала она, махая нависающей зверюге.

— Дура! Пошла прочь! Спасайся, окаянная! — закричали сразу несколько глоток на неё.

Но было уже поздно: тварь дыхнула огнём. Тяжёлая крытая телега сразу же была охвачена пламенем вместе со всем содержимым. Люди, больше похожие на раскалённые шары, издавали безобразную вонь и страшные вопли боли. Пришлая девица, обливаясь слезами, смотрела, как дракон кружит над чадящим костром бродячего театра, сама пожираемая его огнём. Она не предпринимала попыток спасения, а давала пламени поглощать собственное тело и душу, принося собственную жизнь в жертву огненному зверю.

Его целью был воз бродячего театра. Актеры посмели обчистить городскую церковь, после того, как его повелитель благодушно простил их за попытку ограбления ратуши. Он сейчас был орудием правосудия. Задача была проста — догнать и уничтожить. Тяжёлый фургон он настиг быстро. Еще быстрее тяжёлая повозка запылила вместе со всеми, кто в ней находился. И теперь он разбирал обугленные останки телеги в поисках сокровищ.

Так, вот обезображенное тело, на шее его тяжёлое золотое кольцо... Так удачная вышла охота! Но... Нет, наверное, показалось... может, просто похоже... Оно не может быть здесь! НЕТ! Только не она!

Глаза дракона вдруг перестали чётко видеть. Всё вокруг как будто подёрнулось туманом.

НЕЕЕЕТ!!! Это же она, вот и её серьги...

Дура неразумная! Зачем она сунулась к этим отбросам!

Старый подонок всё подстроил! Скотина подлая!

Подвернувшийся под горячую лапу обоз с продовольствием разделил участь бродячего театра. Следом последовала дальняя застава сторожей.

«Всё спалить, всё сжечь» — билась мысль в мозгу как набат.

Ярополк не чувствовал ничего. Вернувшись в пещеру, он сжёг всё золото, что накопил. Гнев внутри него разрастался, словно буря. Хотелось крушить все и вся. Пламя исторгалось стремительно, поджигая леса на склонах горы.

Он не сразу заметил, как земля под лапами тихонько нагревается, помимо его воли и усилий.

«Жыж шалит», — пронеслась мысль. Однако гнева это не утихомирило, наоборот, распалило. Договорившись с духом, что предпочитал жизнь под землёй, он с удовольствием уничтожал стога сена, скот, людей, что попадались под руку.

Себе он клятвенно пообещал больше никогда не воровать девственниц.

Воспоминание о Полине жгло невыносимой болью. Он что только не делал, чтобы забыть. Убрать из мыслей. Стереть её черты из памяти.

Даже после своей смерти девушка приходила к нему. Как призрак. Показывала, что бы их ждало, решившись он противостоять Святому. Их малыша, которого она баюкала на своих руках. Их дом, где они могли бы жить.

Так происходило каждую ночь. И после каждого её прихода Ярополк просыпался с такой яростью, что чаще стал бывать в облике дракона, чем человека. Так он надеялся, что сможет не думать о ней. Но всё напрасно. Каждый раз, как его глаза смыкались, она вновь являлась пред ним, снова вела беседы, снова клялась в любви и верности.

В этот раз всё вышло по оговоренному плану. Лаз через стену они обнаружили там, где и было обещано. Первой за стену отправилась Даринка, а следом Константин отправил супругу с дочерьми, и лишь за ними покинул осточертевший город.

По ту сторону стены, в густом подлеске их поджидали двое: уже знакомый Константину леший Егорий и крепкий старик, не чета городскому карлику, должно быть, тот самый дед Козьма.

— Здравствуйте, люди добрые! — дед, широко улыбаясь всем, шагнул навстречу внучке. — Как добралась, внученька? Всё ли хорошо? — и он обнял Даринку.

— Целы, здоровы, хоть и притомились, — высвободившись из крепких объятий, ответила та. — А как в этот раз удалось сторожей отвлечь? В прошлый раз мы все страху натерпелись на жизнь вперёд, еле ноги унесли.

— Да... — протянул Старейшина, — в прошлый раз всё пошло наперекосяк. Кто ж знал, что Моесил им часть силы Мары ссудил... Да и среди наших головы неразумные нашлись, — и он бросил укоризненный взгляд на лешего. — Но всё, как видишь, обошлось, исполнились наши чаяния.

Константин с семейством молча стояли в сторонке.

— Ну, что ж ты стоишь в сторонке, родич новоприобретённый? Аль родни своей стесняешься? Аль ущербны мы? — обратился Козьма.

— Нет, не ущербны, но родня ли?

— А он у тебя ершистый, Даринка. Прямо под себя выбирала, — засмеялся дед, а Егорий лишь презрительно фыркнул. — Да не ерпенься, хлопец. Вот будем под родным кровом, — всё расскажем, всё покажем. А там уж и сам поймешь, какая мы родня. А теперь женщин твоих в укромное место увести, пока Леснъяр со своим вниманием отвлекает да следы ваши замечает. А ну-ка, пошли все, да поживей.

И все двинулись вслед Старейшине. Даринка старалась не отставать от маленького отряда, но живот, будто идущий впереди неё, частично закрывал обзор на дорогу. Она частенько спотыкалась, и тогда Константин ловил её за локоть, придерживая. Так они и дошли до избушки Яги.

Первым делом Ягуся захлопотала вокруг беременной Даринки — напоила ромашковым чаем, отвела в баньку. Зыркнула гневно на Константина — мол, чего жену свою на сносях только сейчас привёл. А как увидела Козьму, так налетела с объятиями.

— А где же муженёк твой? — ласково поинтересовался Козьма у Ягинишны.

— Да в лесу опять валындается, новости разузнаёт. Давеча принёс целый ворох насчёт вас, так я чуть в обморок не упала, — затараторила хозяйюшка.

— Нелёгкая нас к тебе привела. Хочу внучку с муженьком оставить у тебя, — проговорил Козьма.

— Оставляй! — просияла старушка, — позабочусь. Накормлю, напою да спать уложу. А с утра из первых уст узнаю, что произошло в Сером городе.

— Ты и об этом знаешь? — ахнул Козьма.

— Вороны донесли, — улыбнулась Яга, — знаю, зачем ты явился, Козьма. Но ту тайну страшную я могу поведать лишь твоей внучке.

— Кхе... вроде, я воронов посылал в город, чтобы дозор несли...

— Ты посылал, а мой Васька их спрашивал, — хитро улыбаясь, старушка Яга погладила своего чёрного кота, — он-то умеет с ними дела вести.

— Даёшь ты, Ягинишна... — Козьма покачал головой, принимая мудрость ведуньи. —

Ладно, пора нам уже в путь, а то дела важные ждут нас с лесным хозяином.

— Ступайте, ступайте, а я за молодыми пригляжу, подлечу да выхожу. Только смотри с лучшим в оба, а то дела вы тяжёлые замышляете. Всё может испортить одна мелочь — не упустите ничего.

И Старейшина со спутниками направились к двери. По пути Егорий бросил злобный взгляд на Константина, но тот не заметил того, помогая беременной женщине встать.

Моесил, как сейчас, слышал голос матери, что открывал постыдную тайную его рождения:

— Мара и Кондрат были нашими родителями. Ты же наверняка замечал, как мы с отцом похожи, правда? Так вот. Мы — близнецы. Мы настолько любили друг друга, что пошли против матери. Отец смог нас поддержать и укрыл у своих родственников. Там на свет появился ты. Мара же... Мара превратилась в чудовище. Да, твой дед и дядька вместе с ним погибли от рук её. Также она погубила и давнего друга своего. А отец твой смог уйти и спрятать нас вместе с остальными выжившими... — дальнейшие слова потерялись в памяти.

Моесил напрягал свою память. И первое, что он вспоминал — холод. Жуткий холод, с которым маленькая печка в углу не справлялась. Под ворохом одеял он лежал на печи, а мать ухаживала за ним.

— Вот так, мой милый. Спи, — шептала она ему, — поскорее засыпай, родной, и пусть тебе привидеться вольный мир, теплый и солнечный, мой малыш.

Моесил же не мог сомкнуть глаз, видя, как родители занимаются чем-то непостежимым под ворохом шкур. А спустя какое-то время у матери из-за этого появился живот, который рос с каждым месяцем. И он, тогда ещё маленький мальчик, уже начинал ненавидеть существо, что разрывало матушку изнутри, что крало ее красу и жизнь. Ему казалось неправильным, что она позволяет добровольно себя мучить этому «ребенку».

Потом, когда мать родила сестру, все внимание стало доставаться малышу. Если раньше отец с ним часто разговаривал, а мать — пела колыбельные на ночь, то теперь они оба ухаживали за болезненным младенцем. Моесил мечтал, чтобы боги забрали маленькую девочку. Но никто не откликнулся на его молитвы и малышка заняла все свободное время родителей. Про него забыли.

Может из-за этого он со временем стал все чаще пропадать с ватагой сорванцов в дальних пещерах или же ходить на ночевку бабе Аксиньи, что не прочь была и приласкать, и байку на ночь рассказать. От старушки он и проведал о своей родственной связи с Марой и со временем решил, что обязательно сразиться с ней.

Но к черту горестные воспоминания! Не до них сейчас.

Серый Святой уселся за свой стол и стал небрежными движениями рисовать на бумаге, пытаясь продумать план схватки с деревенским вожаком. Козьма стоял уже поперек горла и пугал все карты, а стало быть должен быть изничтожен. И жить проще станет, да и остальным, чтобы неповадно впредь было.

Он потратил пару часов, хватаясь за голову и постоянно рисуя все новые и новые линии. Если бы у него водились друзья, они бы могли помочь. Однако у Серого Святого нет друзей.

Родственник, эта дубина деревенская Ярополк, головой тронулся, хоть и не отличался особым умом и раннее. И теперь жег все напропалую, не отдавая отчета себе, не зная управы.

Есть, конечно, еще Ахмыл... Ахмыл... Ему можно доверить выполнить самую ответственную работу, он никогда не предаст, но тонкостью мышления не отличается и может только оценить уже готовый план.

Серый владыка города давно смирился с этой стороной собственной жизни. Он — одиночка. И сразиться с таким же одиночкой. Городу нужно как можно скорее подавить деревенских, ведь новая зима не за горами, а воз и ныне там. Ни один из доверенных не справился с этой задачей, и поэтому Моесил сам взялся за нее. Ибо чувствовал, что с каждым разом все сложнее сдерживать голодную толпу, все больше усилий требует закуп продовольствия у торговцев и все больше уходит казны на поддержание порядка.

План готов. Осталось созвать верных себе людей. Ну, Козьма! Ты сам напросился. Пусть теперь прольется кровь на твоей земле. Будешь знать, как идти на могущественного противника тараном.

Яга продолжала хлопотать возле Даринки, пока Константин помогал старушке по хозяйству. Она будила его намного раньше, чем её, и вскоре Даринке стало не хватать Кости по утрам. Тоскливо становилось без объятий Константина, его ласковых рук и совместных трясок кровати.

Яга же, прознав, чем они занимаются по утрам, настоятельно запретила любые сношения дабы «ребеночек родился здоровым». Даринка сначала поспорила-поспорила, а потом согласилась. А во всем остальном ей ни к чему не пришлось привыкать, разве что к постоянной заботе хозяйки.

Яга окружила беременную лаской. Постоянно давала снадобья, отвары и настои в еду подмешивала, а по ночам еще гадала и наговоры читала. Только бы женщина смогла бы выносить и родить здорового ребенка. Даринка не противилась.

А вот Константин периодически как начинал вздорить с Ягой, да так, что стены хаты тряслись от их криков. Все требовал прекратить пичкать жену отравой, а дать возможность достать в городе приличных лекарств.

Яга была против. Называла город исчадием Нави, скопищем мерзости, источником и рассадником всех хворей и немощей. И постоянно попрекала мужчину его нездоровым по лесным меркам виду, приводя в пример то Козьму, то Лесняра с Егорием. А когда уж совсем допекал, то и Кощея своего Бессмертного.

Константин все равно не сдавался, хоть и спорить с ее доводами не мог. Он до сих пор был на перепутье, никак еще не мог смириться ни со своей волчьей сущностью, ни с существованием всяких леших да кощеев. От этого еще больше злился и переходил в спорах зачастую на крик, стараясь переорать старую ведунью.

А та не сдавалась, и совместными усилиями они грозили своим криком разрушить старое теплое гнездышко. Угломонить обоих получалось только у волчицы. Причем рыком.

Аксинья сколько себя помнила всегда жила в деревне. Тихая, спокойная, размеренная жизнь текла своим чередом.

Соседский мальчишка Андрогаст щедро дарил ей свое внимание — вместе они веселились, мешали жатве, куролесили.

Когда же Аксинья расцвела, Андрогаст тайком позвал её на сеновал. Она долго сопротивлялась, краснела, бледнела, но позволила пареньку украсть её девственность. Девица души в нем не чаяла.

Весть о её «падении» вскоре дошла до её и его родителей. Андрогасту строго наказали жениться, а он и рад был. Взял Аксиньюшку в жены.

Чуть позже Андрогаст сам ей рассказал, что является лешим. А так как теперь она — его жена, то обязана помогать ему бороться с нечистой силой. Аксинья довольно быстро свыклась с новой ролью и больше не захотела покидать уютную избушку в лесу. Родились дети, а любовь между молодыми людьми продолжала цвести.

Красавица-дочка радовала обоих. Она помогала Аксинье по хозяйству, на стол собирала, иногда её брали на охоту. Святослава только сильно горевала, что никак жениха себе не найдет да подружек.

С тяжелым сердцем отправила Аксинья свою доченьку в деревню на недельку. К бабушке с дедушкой. Но не вернулась домой Святослава.

Жители деревенские приняли яркую как солнце дочь Аксиньи и Андрогаста за ведьму. А как только начался падеж скота, так и обвинили Святославу. Аксинья расспрашивал

воронов, зайцев, белок и лишь спустя месяц узнала о том, что сотворили с её дочкой. И решила тогда росомаха — больше детей не иметь. А Андрогаст, не мудрствуя лукаво, сорвал всю горечь потери на всех жителях деревни, не разбирая правых и не правых, не великих, ни малых. Деревня долго еще стояла брошенной, пугая случайных путников пустыми покосившимися домами, как недобрая память о доченьке и гневе хозяина лесного.

Снова она столкнулась с детством лишь с появлением на пороге собственного жилища отпрысков-близнецов мужнего брата Кондрата. Ставры и Гавры обрушились как снег на голову посреди жаркого июля, а племянница оказалась к тому же и беременной. Аксиныя с Андрогастом приютили их у себя как родных, спасая от гневной матери.

Женщина-росомаха взяла под свою опеку Гавры и крутилась подле нее, как клуша над единственным цыпленком. Первый крик родившегося мальчика стал для Аксиныи таким родным и желанным, будь то она сама выносила и явила на свет белый чадо.

Молодуха отвечала ей искренней благодарностью и с превеликим удовольствием коротала вечера за душевными беседами. Как могла молодая мать и сама помогала хозяйки по хозяйству, не гнушаясь никаких дел и не боясь усталость. Лишь плачь ребеночка отрывал ее от работы.

А Ставры полностью подчинился дядьке и пропадал вместе с ним сутками по лесам и долам, управляясь с тяжкими заботами лешего. Но каждый раз, как доводилась возвращаться им, молодой отец первым делом делил свою заботу меж жинкой и дитеткой. Души он чаял в своем маленьком семействе.

Моесил, как называли мальчугана, рос крепким и здоровым на радость всем. Ну баловали его малость, а как не баловать такого карапуза. Первой старалась, конечно же, Аксиныя, считавшая его своим родным внуком и радовавшаяся любым успехам сорванца.

Но порой, когда не спалось женщине-росомахе, Моесил пробуждал память о погибшей дочери. Тогда подушка ее становилась мокрой от слез.

Но беда грянула как пришла Зима Лютая на землю. А полчища морозных тварей вела Белая Волчица, та самая Мара, мать Ставры и Гавры.

Пришло время мужчинам в дорогу собираться, чтоб остановить Зиму Лютую и отвратить погибель всего живого. Андрогаст и Ставры по первому зову родича двинулись на подмогу, оставив женщин с ребенком одних.

Женщины вдвоем вели хозяйство, растили ребенка да приглядывали за лесом, оставшимся без хозяйской руки. Туго приходилось, но всеми правдами и неправдами справлялись потихоньку. А вечерами тосковали по своим возлюбленным и ждали их возвращения.

Но вернулись мужчины с плачевными вестями. Пришлось всем сниматься с места насиженного и уходить под землю спасаясь от стужи и зверей зимних смертоносных, ибо пуще прежнего свирепствовать Зима стала после победы Мары, воительницы своей кровожадной.

Лишь повзрослевший Моесил смог одолеть свою бабку и вывести людей и оборотней на свет солнечный.

И вот вновь детские голоса зазвучали в ее доме.

Гости заглянули к ним нежданного-негаданно. Женщина с двумя девочками рассказала о Сером городе. Аксиныя все ахала да охала, воспринимая город чудный как страшную сказку. Непонятно ей было, как такая прорва народа может жить за стеной, не имея возможности прогуляться в чистом полюшке или по лесу зеленому. Удивляли и порядки

городской жизни с их ущемлением человеческой воли. А еще больше поражало, что люди сами стремятся набиться потесней и страшатся остаться без покровительства какого-то карлика, возомнившего себя святым и всемогущим.

И ведь не зря же Козьма давеча заглядывал. Наверное, проверял сможет ли старая росомаха принять у себя людей да согреть душевным теплом распавшуюся семью.

«Приняла и обогрела. Не в чем матери с девочками не отказываю», — написала Аксинья на клочке бумаги. Призвала белого ворона, привязала лоскуток к лапке да отправила другу.

Адила во всем старалась помогать Аксинье, невольно заменяя росомахе дочь. Своих же детишек приходя держала в ежовых рукавицах — Ирину и Ольгу отправляла за водой к дальнему колодцу в лесу, учила прясть да учила помаленьку. Аксинья же души не чаяла в детках.

Ирине шибко полюбились рассказы Аксиньи и теперь она не засыпала без её сказки. Андрогаст лишь руками разводил — ему тоже детишки понравились да только не мог он заменить им отца как бы не старался.

Андрогаст лишь руками разводил — ему тоже детишки понравились да только не мог он заменить им отца как бы не старался.

Аксинья недоумевала, как отец бросил своих детей, уйдя к другой бабе. Но зла не стала на него держать, рассудив, что неволей милым не станешь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Больше книг на сайте - Knigolub.net